

КОНТРОЛЬНЫЙ ЭКЗ

ISSN 0132-1366

АКАДЕМИЯ НАУК
СССР

Советское
СЛАВЯНОВЕДЕНИЕ

2

1979

ИЗДАТЕЛЬСТВО
• НАУКА •

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ИНСТИТУТ
СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ
И БАЛКАНИСТИКИ

Советское СЛАВЯНОВЕДЕНИЕ

ВЫХОДИТ 6 РАЗ В ГОД

МАРТ — АПРЕЛЬ

СОДЕРЖАНИЕ

2
1979

Славин Г. М., Сумарокова М. М. К истории образования социалистической рабочей партии Югославии (коммунистов)	3
Черных М. Ю. Мархлевский о советской внешней политике.	12
Бушужева Т. С. Из истории политработы Коммунистической партии Югославии в НОАЮ.	23
Мечев К. (НРБ) Освободительная борьба болгарского народа в конце XII — начале XIII в.	35
Фрейденберг М. М. Проблемы ранней истории Дубровника в новейшей югославской историографии.	48
Мусиенко С. Ф. Мир и человек в прозе Зофьи Налковской 1920-х годов.	55
Чернецова Е. М. Позднеготическая скульптура в Чехии и Словакии.	67
Свешникова Т. Н. Основные типы конструкций с отглагольным именем в балканских языках.	80
Нечунаева Н. А. К лексической вариативности в древнеславянских переводах.	94

ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

Калениченко П. М., Макаев Ю. И. «Великий Октябрь и революции 40-х годов в странах Центральной и Юго-Восточной Европы».	101
Валев Л. Б. «VII конгресс Коминтерна и борьба за создание народного фронта в странах Центральной и Юго-Восточной Европы».	104
Вознесенский В. В. К. Волков. Мюнхенский сговор и Балканские страны.	107
Молок Ф. А. Д. Марченко. Герой двух народов.	109
Табачников Б. И. С. Яжборовская, Н. И. Бухарин. У истоков польского социалистического движения.	110

ЖУРНАЛ
ОСНОВАН
В 1965
ГОДУ

МОСКВА

• Будагова Л. Н. Плодотворное исследование.	112
• Липатов А. В. У истоков польского барокко.	115
• Венедиктов Г. К. Важный труд по истории современного болгарского литературного языка.	116

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

И. П. 60-летие восстановления независимости Польши.	119
• Шербаков Ю. К 60-летию образования Чехословакии.	120
К 100-летию со дня рождения В. И. Пичеты.	120
• Злыднев В. И. Генеральная ассамблея МАИРСК в Загребе.	122
• И. Ч. XIX съезд словенских историков.	123
В. М. Конференция по проблемам современной польской литературы в Варшаве	124
<u>Василий Дмитриевич Конобеев</u>	125

Г. М. СЛАВИН, М. М. СУМАРОВА

К ИСТОРИИ ОБРАЗОВАНИЯ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ РАБОЧЕЙ ПАРТИИ ЮГОСЛАВИИ (коммунистов)

Великая Октябрьская социалистическая революция оказала могучее воздействие на трудящихся всего мира. Но не будет преувеличением сказать, что грандиозные перемены в России произвели особое впечатление на трудящихся Сербии, Черногории и югославянских земель Австро-Венгрии. Самим ходом истории народы этих стран и земель были подготовлены к восприятию идей Октября: и вековая близость к народам России, и тяжкий национальный и социальный гнет, который они испытывали, и ужасы и бедствия, связанные с империалистической войной, — все это предопределило широчайший отклик трудящихся югославян на революционные события в России. Призыв к миру без аннексий и контрибуций, признание за всеми народами права на самоопределение и создание своих независимых государств, завоевание власти пролетариатом отвечали заветным желаниям каждого честного труженика. Несмотря на цензурные препоны, уже тогда имя В. И. Ленина было широко известно на Балканах. Как отмечает югославский исследователь д-р исторических наук Перо Дамьянович, один из первых переводов ленинского Декрета о мире на иностранные языки был опубликован в Сараеве, в газете «Глас слободе». Спустя несколько дней газета «Хрватски лист», выходившая в Пуле, напечатала Обращение возглавляемого В. И. Лениным Советского правительства к правительствам и народам воюющих стран с призывом покончить с империалистической войной¹.

Влияние Октябрьской революции нашло отражение в росте антивоенных настроений, обострении классовых противоречий, в усилении борьбы рабочего класса и трудового крестьянства за демократический мир, ликвидацию национального гнета и улучшение условий жизни. Это влияние проявилось также в использовании народными массами югославянских земель лозунгов, методов и форм борьбы трудящихся России. «Как ни велики трудности, стоящие на нашем пути ..., — говорил В. И. Ленин в 1918 г., — рабочий класс всего мира чувствует, что русская революция — его собственное дело. Параллельно с войной одной группы империалистов против другой начинается всюду война, которую, зараженный примером русской революции, объявляет рабочий класс своей собственной буржуазии»².

¹ P. Damjanović. Po primeru ruske revolucije. In: «SSSR — zemlja Oktobra». Beograd, 1967, s. 63.

² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 37, с. 74.

Один из выдающихся деятелей югославского революционного движения Филип Филипович подчеркивал тот факт, что Октябрьская революция стала делом и югославского рабочего класса, что рабочие и крестьяне России «показали рабочим и крестьянам всего мира, каким путем нужно идти, чтобы освободиться от ярма капитализма»³.

Активными распространителями и пропагандистами идей и лозунгов Великого Октября стали югославы, волею судеб оказавшиеся в то бурное время на территории революционной России. Одним из них был И. Броз Тито. В своих недавно опубликованных воспоминаниях он рассказал о пережитом в России за время Октябрьской революции и гражданской войны, о том, как «угнетенные и бесправные, следовательно, покорная раба⁴, беря свою судьбу в свои руки, сразу стали хозяевами положения»⁵. В статье, посвященной 60-й годовщине Великого Октября, И. Броз Тито отмечал, что созданию революционной атмосферы в Югославии способствовало большое число возвращавшихся из России активных участников Октябрьской революции, среди которых было довольно много коммунистов⁶.

Югославянские интернационалисты, находясь в России, имели возможность ознакомиться со всеми сторонами жизни и революционной борьбой российских рабочих и крестьян, с опытом большевистской партии. Многогранная деятельность югославянских интернационалистов на территории России нашла отражение в документах, собранных в совместном советско-югославском издании «Участие югославских трудящихся в Октябрьской революции и гражданской войне в СССР», вышедшем в Москве в 1976 г. Приведем фрагмент из документа, характеризующий настроения югославы. Вот что говорилось в обращении газеты «Земля и воля» к солдатам и военнопленным югославам в январе 1918 г.: «Создавайте свои организации, присоединяйтесь к русскому революционному движению, требуйте всюду и везде: вся земля — народу, вся власть и вся свобода — народу! Довольно было рабства и угнетения. Что было, то прошло. И мы, югославы, должны в этом всемирном круговороте сказать свое свободололюбивое слово»⁷.

При поддержке большевистской партии и Советского правительства наиболее сознательные и передовые элементы из числа югославы приступили к формированию революционных организаций. На собрании, состоявшемся в Москве 16 мая 1918 г., было принято решение о создании коммунистической организации южных славян, «стоящих на платформе коммунистической программы и защиты Советской власти». В резолюции собрания указывалось, что «руководствуясь принципами марксистского научного социализма и III Интернационала, а также опытом революции и тактикой Всероссийской коммунистической партии», проживавшие в Москве югославянские коммунисты «организовали Югославянскую коммунистическую эмигрантскую партию»⁸.

Днем становления южнославянской коммунистической организации в Советской России, пишет советский историк В. В. Зеленин, следует считать 16 июня 1918 г. В этот день на общем собрании был принят Учредительный устав Южнославянской группы РКП(б), в котором были определены организационные принципы ее построения, ее идейная и организа-

³ F. Filipović. Izabrani spisi, knj. I. Beograd, 1962, s. 13.

⁴ Раба — подневольное православное население во времена Османской империи.

⁵ См. J. Broz Tito. Moji doživljaji u Rusiji za vrijeme Oktobarske revolucije i građanskog rata. In: «Jugosloveni u Oktobarskoj revoluciji». Beograd, 1977, s. 6.

⁶ И. Броз Тито. Великий юбилей. «Правда», 1977, 5 ноября.

⁷ «Участие югославских трудящихся в Октябрьской революции и гражданской войне в СССР». М., 1976, с. 70.

⁸ Там же, с. 111.

ционная связь с РКП(б) и Федерацией иностранных групп⁹. В уставе было записано, что группа «теоретически и практически стоит на платформе Российской Коммунистической Партии (большевиков)»¹⁰.

Югославянские коммунистические группы и секции были образованы в Киеве, Одессе, Харькове, Саратове, Астрахани, Царицыне, Омске, Иркутске, Ташкенте и других местах. Некоторые из этих групп выпускали свои газеты и другие печатные материалы. Члены групп вели пропагандистскую работу среди югославян, находившихся в России, призывали их активно содействовать Советской власти, агитировали за вступление в ряды Красной Армии, в интернациональные части.

Большое внимание уделялось издательской деятельности. В течение 1918 г. было выпущено 12 брошюр тиражом 190 тыс. экземпляров, 215 тыс. экземпляров воззваний, листовок и прокламаций¹¹, переведены на сербско-хорватский и словенский языки труды К. Маркса и Ф. Энгельса — «Манифест Коммунистической партии», «Гражданская война во Франции», «Развитие социализма от утопии к науке», «Наемный труд и капитал»¹². В первой половине 1918 г. на хорватско-сербском языке в Москве вышла брошюра с биографией В. И. Ленина¹³. В конце того же года была издана «Программа коммунистов (большевиков)» с послесловием одного из руководителей Югославянской группы РКП(б) Лазара Вукичевича. Он особенно подчеркивал необходимость распространения марксистско-ленинской литературы в Югославии, в обстановке, когда трудовому народу нелегко разобраться в политической ситуации, когда старые политические партии хотят поймать его на свои удочки. Вукичевич призывал следовать примеру России, которой стали управлять рабочие и крестьяне, отмечал, что программа РКП(б) указывает путь к новой жизни пролетариату всех стран¹⁴.

Наряду с югославянскими в России действовали и другие иностранные группы РКП(б). В. И. Ленин высоко оценивал результаты деятельности этих групп. «Сотни тысяч военнопленных из армий, которые империалисты строили исключительно в своих целях, — указывал великий вождь, — передвинувшись в Венгрию, в Германию, в Австрию, создали то, что бациллы большевизма захватили эти страны целиком. И если там господствуют группы или партии с нами солидарные, то это благодаря той, по внешности невидной и в организационном отчете суммарной и краткой, работе иностранных групп в России, которая составляла одну из самых важных страниц в деятельности Российской коммунистической партии, как одной из ячеек Всемирной коммунистической партии»¹⁵.

Югославянские интернационалисты с огромным вниманием следили за развитием событий на родине, хотя вести из Сербии, Черногории, югославянских земель Австро-Венгрии доходили до них с большим трудом. Все же они имели достаточное представление о том, что правые лидеры ряда социал-демократических партий все чаще действовали с позиций национализма и открыто сотрудничали с буржуазией. В связи с этим, — отмечает югославский историк Н. Попович, — югославские интернационалисты считали необходимым реорганизовать Югославянскую группу РКП(б) и основать

⁹ В. В. Зеленин. Под красным знаменем Октября. М., 1977, с. 127.

¹⁰ «Участие югославских трудящихся...», с. 129.

¹¹ Г. М. Славин, М. М. Сумарокова. В. И. Ленин и рабочее движение в Югославии (1904—1924 гг.). В кн. В. И. Ленин и образование коммунистических партий в странах Центральной и Юго-Восточной Европы. М., 1973, с. 384.

¹² Б. Храбак. Пропаганда путем штампе југословена комуниста у Совјетској републици 1919—1921. «Историјски записи», 1967, № 4, с. 690—691.

¹³ Там же, с. 690.

¹⁴ «Program komunista (boljševika)» М., 1918, с. 119.

¹⁵ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 38, с. 148.

самостоятельную Коммунистическую партию (большевиков) сербов, хорватов и словенцев, руководствующую коммунистической программой и ставящую целью освобождение югославянского пролетариата¹⁶. 5 ноября 1918 г. в Москве состоялась экстренная конференция Югославянской группы, на которой было решено создать РКП(б) сербов, хорватов и словенцев. В принятой на ней резолюции говорилось: «а) основать Коммунистическую партию (большевиков) сербов, хорватов и словенцев как единственную, истинную и неустрашимую поборницу для освобождения пролетариата; б) партия основывается на программе и уставе РКП(большевиков) и должна в своей борьбе в принципе руководствоваться ее тезисами»¹⁷.

Решено было мобилизовать и отправить всех членов этой партии и сочувствующих ей для партийной работы в Югославию. Дело в том, что осенью 1918 г., после капитуляции Германии и развала Австро-Венгрии, появилась возможность для массового возвращения на родину бывших военнопленных. В поток так называемых возвращенцев вливались югославы и среди них коммунисты, прошедшие революционную школу в России: С. Супанц, С. Стеич, Н. Грулович, Л. Вукичевич, Л. Манойлович и многие другие. Уезжая на родину, интернационалисты выразили благодарность большевистской партии за поддержку, которая была им оказана и благодаря которой они получили «возможность продолжать начатое в России великое дело». «С опытом и знаниями, которыми вы нас обогатили, — говорилось в письме в ЦК РКП(б), — мы возвращаемся на родину и восклицаем: „Да здравствует свободная коммунистическая Россия! Да здравствует мировой союз коммунистов во главе с нашим великим вождем Владимиром Ильичем Лениным!“»¹⁸.

Югославский исследователь Б. Храбак рассматривает деятельность прибывших из России югославян-интернационалистов как «организованную политическо-революционную работу» активистов, которые являлись «революционным коммунистическим ядром до образования Социалистической рабочей партии Югославии (коммунистов)»¹⁹.

1 декабря 1918 г. было образовано единое независимое югославское государство — Королевство сербов, хорватов и словенцев. Это открывало возможность для сплочения прежде разобщенных отрядов рабочего класса Сербии, Черногории и югославянских земель Австро-Венгрии. Революционные элементы югославского пролетариата, ориентируясь на большевистскую партию, выступали за создание общегославской единой рабочей партии.

В. И. Ленин неоднократно подчеркивал, что в многонациональных государствах партия должна охватывать наиболее сознательную и передовую часть всего рабочего класса. «...Мы, — писал В. И. Ленин, — должны опираться на весь пролетариат, без различия языка и национальности, сплоченный совместным постоянным решением теоретических и практических, тактических и организационных вопросов, а не создавать отдельно идущих, каждая своим путем, организаций, не ослаблять силы своего натиска дроблением на многочисленные самостоятельные политические партии...»²⁰.

¹⁶ Н. Поповић. Комунистичка партија (большевика) Срба, Хрвата и Словенаца. «Историјски гласник», 1970, № 1—2, с. 238.

¹⁷ «Участие югославских трудящихся...», с. 208.

¹⁸ Г. М. Славин, М. М. Сумарова. В. И. Ленин и рабочее движение в Югославии (1904—1924 гг.), с. 385.

¹⁹ В. Нгабак. Jugosloveni učesnici Oktobarske revolucije i stvaranje KPJ. «Зборник Филозофског факултета у Приштини», књ. III (за годину 1965—1966), с. 109.

²⁰ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 7, с. 122.

Борьба за создание общегославской единой рабочей партии велась в обстановке идейного размежевания в социал-демократических организациях.

В апреле 1919 г. состоялся Объединительный съезд, провозгласивший создание Социалистической рабочей партии Югославии (коммунистов). В почетный президиум съезда был избран В. И. Ленин. Единую рабочую партию возглавил выдающийся революционер, талантливый пропагандист ленинских идей Ф. Филипович.

Ряд решений съезда отразил влияние Великого Октября. Участники съезда решительно высказались за присоединение к образованному в марте 1919 г. III Коммунистическому Интернационалу.

Объединительный съезд заявил о своей солидарности с революционным российским и венгерским рабочим классом, призвал югославское правительство безотлагательно признать и установить, как говорилось в резолюции съезда, «нормальные и дружественные» отношения с Советскими правительствами России, Венгрии и Баварии как единственными подлинными представителями этих стран²¹.

«Историческое значение Объединительного конгресса... — указывалось в изданной в 1923 г. в Москве брошюре „Коммунизм в Юго-Славии“²², — заключается, главным образом, в том, что он подвел фундамент под строящуюся большую и могучую революционную партию, которая должна была в ближайшее время охватить весь авангард пролетариата и распространить свое революционное влияние не только непосредственно на весь организованный рабочий класс, но и на широкие слои трудящихся города и деревни»²³. В этой же брошюре подчеркивалось значение решения Объединительного съезда «немедленно и безоговорочно присоединиться к Коммунистическому Интернационалу»²⁴.

Следует отметить, что в основном документе, принятом на Первом съезде СРПЮ(к), — Платформе объединения — был подвергнут критике II Интернационал, указывалось, что он «ни по своей организации, ни по духу» не отвечает эпохе социальной революции²⁵.

Орган сербской социал-демократии газета «Радничке новине» внимательно следила за попытками оживить II Интернационал и разделяла позицию большевистской партии, отвергавшей какое бы то ни было сотрудничество с реформистами и социал-соглашателями. Так, в связи с сообщением о том, что большевики отклонили предложение английской лейбористской партии провести в январе 1919 г. социалистическую конференцию в Лозанне, газета «Радничке новине» писала в декабре 1918 г.: РКП(б) «отвергает всякую мысль об участии в конференции врагов рабочего класса, которые с целью обмана называют себя социалистами, и призывает всех, стоящих на позициях III революционного Интернационала, придерживаться принципа: задача пролетариата — взять всю власть в свои руки»²⁶. Следует напомнить, что Сербская социал-демократическая партия отказа-

²¹ Исторички архив Комунистичке партије Југославије, т. II. Београд, 1950, с. 24.

²² В брошюре, написанной С. Марковичем, входившим в те годы в руководящее ядро КПЮ, шла речь о Первом и Втором съездах партии, о подъеме революционного движения в Югославии, успехе коммунистов на выборах в Учредительное собрание, борьбе КПЮ за интересы трудящихся в условиях преследований и террора после «Обзаны». Отметим, что эта обстоятельная брошюра (85 страниц), дающая представление о положении в Югославии в первые годы после ее образования, находилась в библиотеке В. И. Ленина в Кремле. (См. Библиотека В. И. Ленина в Кремле. Каталог. М., 1961, с. 154).

²³ С. М а р к о в и ч. Коммунизм в Юго-Славии. М., 1923, с. 6—7.

²⁴ Там же, с. 6.

²⁵ Исторички архив Комунистичке партије Југославије, т. II, с. 12.

²⁶ «Радничке новине», 29 XII 1918.

лась принять участие и в Международной социалистической конференции в Берне, созванной для восстановления II Интернационала.

В то время как социал-реформисты пытались оживить II Интернационал, в январе 1919 г. в Москве представители 8 партий при участии В. И. Ленина выступили инициаторами созыва I конгресса нового, революционного Интернационала. Показателем революционности той или иной партии должно было служить ее отношение к вопросу о диктатуре пролетариата, что было, в частности, подчеркнуто в печатном органе сербской социал-демократии. Естественно поэтому, что в числе 39 партий, групп и течений, приглашенных для участия в Учредительном конгрессе III Интернационала, находились и представители левого крыла Сербской социал-демократической партии²⁷.

23 февраля 1919 г. в Белграде состоялось совместное заседание партийного и профсоюзного руководства рабочего движения Сербии, на котором с докладом «Империализм и пролетариат» выступил Ф. Филипович²⁸. Опираясь на ленинскую работу «Крах II Интернационала», он показал неспособность реформистского Интернационала руководить революционной борьбой и призвал всех социалистов Югославии объединиться на платформе III Коммунистического Интернационала²⁹.

После выступления Ф. Филиповича собрание подтвердило отказ ССДП участвовать в Бернской конференции и одобрило приветственное письмо в адрес Бюро I конгресса Коммунистического Интернационала. В нем говорилось, что сербская социал-демократия «с великой радостью» получила известие о предстоящем в Москве I конгрессе Коммунистического Интернационала. Руководство Сербской социал-демократической партии сообщало, что не успеет послать своих делегатов на конгресс, поскольку поздно узнало о нем. «Но зато наша партия счастлива, — подчеркивалось в письме, — что Вам может послать сердечный и искренний привет и пожелание Вам успеха в организации Коммунистического Интернационала»³⁰. О приветственном письме Сербской социал-демократической партии писала 23 марта 1919 г. московская газета «Жизнь национальностей». Полный текст письма был опубликован в «Правде» 29 марта и в газете «Жизнь национальностей» 13 апреля 1919 г.

Хотя Сербская социал-демократическая партия не смогла направить делегатов на Учредительный конгресс Коммунистического Интернационала, революционное крыло югославского рабочего движения было на нем представлено. С совещательным голосом на конгрессе присутствовал от Югославянской коммунистической группы И. Милкич, видный деятель рабочего движения Сербии, незадолго до этого прибывший из Швейцарии. Кстати, о его приезде в Москву и мнении относительно положения в Югославии сообщила газета «Известия» в номере от 2 марта 1919 г.³¹, что, бесспорно, свидетельствовало о внимании к югославскому рабочему дви-

²⁷ «Правда», 1919, 24 января.

²⁸ Филип Филипович в своей автобиографии отмечал позднее: «По возвращении в Югославию в декабре 1918 г. я первый предпринял шаги, направленные к созданию Коммунистической партии Югославии и ее присоединению к III Интернационалу. В Загребе, Сараеве, Броне и Белграде выступал публично с докладами в защиту советской революции, затем о III Интернационале, за объединение всех С-д (социал-демократических. — Г. С., М. С.) партий Югославии на платформе III Интернационала» (U. Vujošević. Novi podaci o djelatnosti Filipa Filipovića. «Prilozi za istoriju socijalizma», 3. Beograd, 1966, s. 359).

²⁹ S. Dimitrijević. Velika Oktobarska socijalistička revolucija i razvitak klasne borbe i revolucionarnog pokreta na jugoslovenskim teritorijama u toku prvog svetskog imperijalističkog rata i u novostvorenoj zajedničkoj državi. «Prilozi za istoriju socijalizma», 5. Beograd, 1968, s. 19.

³⁰ «Участие югославских трудящихся...», с. 267.

³¹ См. также «Известия ВЦИК», 1919, 4 марта.

жению и его деятелям. В своих мемуарах И. Милкич позднее отмечал, что советские товарищи предложили ему участвовать в подготовке I конгресса Коминтерна, так как он был известен как поборник организации нового Интернационала³². Выступая на одном из заседаний конгресса, Милкич заявил, что, несмотря на некоторую непоследовательность отдельных руководителей партии, «сербский пролетариат присоединяется с энтузиазмом к III пролетарскому Интернационалу»³³. В день окончания конгресса, 6 марта 1919 г., в «Правде» была опубликована статья И. Милкича «Мнение сербских социалистов». «Для сербского пролетариата, — подчеркивалось в ней, — нарощение III Интернационала, Интернационала объединенных сил революционных рабочих масс всего мира, — горячо приветствуемое и давно ожидаемое политическое событие»³⁴.

9 марта состоялось торжественное заседание Петроградского Совета рабочих и красноармейских депутатов, посвященное созданию III Интернационала. На нем с речами выступили делегаты конгресса из Германии, Франции, Австрии, Финляндии, Швейцарии, Швеции и Сербии. Рабочий класс Сербии и других малых стран, — сказал И. Милкич, — намерен сделать у себя то, что с таким успехом осуществили рабочие России³⁵.

О своей деятельности в качестве представителя югославского пролетариата на Учредительном конгрессе Коминтерна И. Милкич сообщил руководству Сербской социал-демократической партии. Поскольку прямой связи между Москвой и Белградом в то время не существовало, ему пришлось радировать в Будапешт и просить руководство Компартии Венгрии передать его сообщение в Белград. В радиограмме, переданной 1 апреля 1919 г., говорилось, что в Москве основан III Коммунистический Интернационал, подлинно социалистический Интернационал борьбы классов, триумфа и освобождения пролетариата. И. Милкич добавлял при этом, что убедил участников конгресса в том, что Сербская социал-демократическая партия и весь рабочий класс Сербии, несмотря на трудности и несказанные жертвы, ни на один момент не отступили с позиции классовой борьбы и интернационального социализма. В заключение своего сообщения Милкич информировал, что согласился временно исполнять обязанности представителя сербской социал-демократии в Исполкоме III Интернационала.

13 апреля 1919 г. Милкич обратился к руководству Коминтерна с запросом — считает ли оно Сербскую социал-демократическую партию членом Коммунистического Интернационала и может ли рассчитывать эта партия на одно место в Исполкоме Коминтерна. К этому запросу Милкич приложил вышеупомянутую радиограмму³⁶.

25 июня 1919 г. Исполком Коминтерна командировал И. Милкича в Киев в распоряжение Южного Отделения Коммунистического Интернационала.

20 июля 1919 г. руководство Коминтерна подтвердило, что И. Милкич является «представителем сербских коммунистов, членом III Коммунистического Интернационала»³⁷.

Как представитель революционного пролетариата Югославии, И. Милкич считал своим долгом информировать В. И. Ленина и руководящие

³² I. Milkić. U središtu komunističkog pokreta. In: «Jugosloveni u Oktobarskoj revoluciji», s. 92.

³³ Первый конгресс Коммунистического Интернационала. Протоколы заседаний, Пг., 1921, с. 231.

³⁴ «Правда», 1919, 6 марта.

³⁵ «Участие югославских трудящихся...», с. 272.

³⁶ U. Vujošević. Pisma Milkića, upućena Lenjinu i Komunističkoj Internacinali (1919—1921). «Prilozi za istoriju socijalizma», 5. Beograd, 1968, s. 548.

³⁷ U. Vujošević. Ibid., s. 550.

органы Коминтерна о положении на родине и деятельности Социалистической рабочей партии Югославии (коммунистов). К письму В. И. Ленину от 10 июня он приложил свои статьи «Положение в Югославии» и «Социализм в Сербии», направленные редакциям газет и журналов, выходивших в Советской России. И. Милкич при этом подчеркивал свое стремление ознакомить революционную Россию с сербским рабочим движением³⁸.

Югославские исследователи в свое время интересовались судьбой этих статей³⁹. Отметим, что статья Милкича «Положение в Югославии» была опубликована в «Правде»⁴⁰. Из нее советские люди впервые узнали о том, что в Белграде состоялся Объединительный съезд югославских социалистов, который высказался за присоединение к III Интернационалу и «предъявил правительству требование об отзыве войск из Венгрии и России»⁴¹.

Статья «Социализм в Сербии» была помещена в журнале «Коммунистический Интернационал» № 3 за 1919 г. и в газете «Правда» от 24 мая того же года.

18 мая 1919 г. газета «Известия» опубликовала статью И. Милкича «Сербский пролетариат и социалистическая революция», в которой цитировалось письмо Сербской социал-демократической партии в Бюро I конгресса Коммунистического Интернационала. 3 июля «Правда» напечатала еще одну статью Милкича «Сербский пролетариат и война».

О внимании к развитию революционного движения в Югославии говорит и тот факт, что выходившая в Киеве газета «Штандар комунизму» — орган Польской секции при Федерации иностранных групп Коммунистической партии (большевиков) Украины напечатала в переводе на польский язык статью И. Милкича «Положение в Югославии», сопроводив ее от редакции краткой справкой о деятельности Милкича⁴².

О том, как передовые люди Югославии восприняли присоединение только что созданной СРПЮ(к) к III Интернационалу рассказывают статьи, опубликованные во второй половине 1919 г. в «Радничке новине». Так, 27 мая газета писала: «...Банкротство Второго Интернационала свидетельствует о триумфе марксизма, ибо только на развалинах отличавшегося пустословием, анемичного, бесхребетного Второго Интернационала можно было воздвигнуть подлинно марксистский, боевой Третий Интернационал, к которому и мы — и это делает нам честь — на последнем съезде единодушно присоединились»⁴³.

Правящие круги Югославии боялись распространения марксистских идей, чинили всяческие препятствия популяризации материалов о Коммунистическом Интернационале. Так, статья «Устав III Интернационала», предназначенная к опубликованию в газете «Радничке новине» за 8 июня 1919 г., была полностью снята цензурой⁴⁴.

Но умело преодолевая полицейские запреты, газета продолжала просвещать трудящихся, разъяснять им задачи, которые ставил перед собой III Интернационал. В номере от 23 октября 1919 г. читаем: «Мы должны добиваться, чтобы III Интернационал, как подлинный представитель революционного социализма и коммунизма, проник в души и тех пролетариев, которые еще не с нами»⁴⁵.

³⁸ Ibid., s. 548.

³⁹ Ibid., s. 563.

⁴⁰ «Правда», 1919, 22 июня.

⁴¹ Там же.

⁴² «Sztandar komunizmu», 28 VI 1919.

⁴³ «Радничке новине», 27 V 1919.

⁴⁴ Там же, 8 VI 1919.

⁴⁵ Там же, 23 X 1919.

Образование СРПЮ(к) и присоединение ее к Коминтерну, нарастание революционной волны в стране вызвали тревогу у правителей Югославии.

Королевское правительство отреагировало на создание объединенной революционной пролетарской партии усилением репрессий. Многие делегаты Объединительного съезда были арестованы, в ряде мест, особенно в Боснии и Воеводине, власти разгромили организации Социалистической рабочей партии (коммунистов). Однако, как отмечалось в письме из Югославии от 21 октября 1919 г., опубликованном в журнале «Коммунистический Интернационал», несмотря на репрессии и преследования, рабочее движение росло и развивалось «не по дням, а по часам»⁴⁶. В том же номере журнала было помещено сообщение ЦК СРПЮ(к), в котором говорилось: «Вот уже полгода мы существуем как секция III Интернационала и, несмотря на ужасную реакцию, ведем коммунистическую пропаганду. Общее положение в Югославии, как в городах, так и в селах, очень благоприятно для нас, мы с каждым днем становимся сильнее...»⁴⁷.

Публикуя это сообщение, редакция журнала «Коммунистический Интернационал» сопроводила его следующим редакционным примечанием: «Братски приветствуем югославянских товарищей и уверены, что последние остатки идеологии II Интернационала скоро будут окончательно изжиты в Югославии и уступят место точной и ясной политике коммунизма»⁴⁸.

Это примечание следует рассматривать как свидетельство того, что руководство Коминтерна было в курсе дел СРПЮ(к) и видело, что ей предстоит принять меры для преодоления пережитков реформизма. Решительный бой реформистам и центристам был дан и выигран на II Вуковарском съезде партии, где СРПЮ(к) была переименована в Коммунистическую партию Югославии.

В своих решениях съезд указал, что одна из основных задач КПЮ — в духе ее программы и принципов III Интернационала — продолжать с удвоенной энергией работу по подготовке пролетариата к выполнению своей исторической миссии: свержению капиталистического строя и установлению пролетарской диктатуры и коммунизма⁴⁹.

«...Вуковарский конгресс, как по тому времени, в какое он заседал, так и по тем задачам, какие он должен был разрешить, сыграл историческую роль в рабочем движении Югославии,— говорилось в упомянутой выше брошюре „Коммунизм в Юго-Славии...“— Конгресс оправдал все надежды, которые на него возлагались коммунистами. То был красноречивейший ответ рабочего класса Югославии на растущую политическую и социальную реакцию»⁵⁰.

Присоединение к Коминтерну имело важнейшее значение для дальнейшего развития КПЮ. Коминтерн оказывал ей, как и всем другим коммунистическим партиям, большое содействие в выработке революционной линии. Партия вышла на широкую историческую дорогу верного служения делу рабочего класса, борьбы за победу социализма.

⁴⁶ «Коммунистический Интернационал», 1919, № 7—8, с. 1096.

⁴⁷ Там же, с. 1110.

⁴⁸ Там же.

⁴⁹ См. Историјски архив Комунистичке партије Југославије, т. II, с. 41.

⁵⁰ С. М а р к о в и ч. Коммунизм в Юго-Славии, с. 12.

М. ЧЕРНЫХ

Ю. МАРХЛЕВСКИЙ О СОВЕТСКОЙ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКЕ

Дипломатическая деятельность Юлиана Мархлевского в первые годы существования молодой Советской республики представляет собой яркую страницу биографии этого выдающегося деятеля польского и международного коммунистического движения.

Вскоре после его приезда в Москву, в конце июня 1918 г., Советское правительство решило использовать его огромные знания и революционный опыт прежде всего в необычайно сложном и одновременно крайне важном для пролетарского государства деле установления мирных отношений с капиталистическим окружением. Он назначался главой советских делегаций на мирных переговорах с Польшей, Литвой, Финляндией и Японией. В этот период Ю. Мархлевский тесно и непосредственно сотрудничал с В. И. Лениным и Г. В. Чичериним. Тогда же в советской печати и польской периодике, выходившей на территории Советской России, им было опубликовано значительное количество статей, а также брошюр, посвященных проблемам международных отношений.

Все эти обстоятельства заставляют с особым интересом отнестись к изучению внешнеполитических взглядов Ю. Мархлевского, тем более, что она отражает развитие его взглядов в связи с победой Великой Октябрьской социалистической революции, новой революционной практикой.

К моменту приезда Ю. Мархлевского шел всего лишь восьмой месяц существования Советской республики, и ее опыт в области внешней политики был по времени относительно небольшим. Однако он был накоплен в результате многообразия ситуаций во взаимоотношениях с капиталистическими государствами и позволял выявить главное и принципиально новое во внешней политике социалистического государства. Советское правительство столкнулось с тактикой игнорирования Советской России со стороны капиталистических стран, но и убедилось в том, что противоречия между этими странами в определенный момент могут быть сильнее их общей классовой ненависти к пролетарскому государству, что несмотря на противоположность политико-экономических систем существует реальная возможность для урегулирования отношений с буржуазными государствами.

Внешнеполитический курс Советской страны в этот период, проводившийся под непосредственным руководством В. И. Ленина, был основан на научной методологии анализа общественно-политических процессов, мирового революционного движения и международных отношений. Однако глубина и дальновидность, политическая трезвость и реальность этого курса были поняты не сразу и не всеми революционерами. В связи с подписанием Брестского мира в партии большевиков, как известно, разгоре-

лась острейшая дискуссия. Она показала, что существуют два прямо противоположных подхода к проблемам внешней политики — ленинский и левацкий. В основе их лежали расхождения по важнейшим вопросам теории социалистической революции: о развитии мировой революции, о возможности победы социализма в одной, отдельно взятой стране, о соответствии мирной политики Советского государства принципам пролетарского интернационализма. «Левые коммунисты» и троцкисты, выступая против подписания Брестского мира, утверждали, что революция в Германии «должна» начаться «весной или летом» 1918 г., и призывали ориентироваться только на мировую революцию и во имя ее идти даже на утрату Советской власти, считая заключение мира с буржуазными правительствами разрывом с основными принципами пролетарского интернационализма. В. И. Ленин вскрыл несостоятельность и авантюристичность этих заявлений, чудовищных по своим последствиям, и убедительно доказал, что позиция «левых коммунистов» и троцкистов была «в корне неправильной и немарксистской»¹.

Таким образом, внешнеполитические проблемы Советского государства отличались чрезвычайной сложностью, и их решение требовало от революционера большой самостоятельности мышления и владения марксистским методом анализа конкретной действительности. Именно эти качества проявил Ю. Мархлевский в своем первом выступлении в советской печати. Оно состоялось в августе 1918 г. и было посвящено Германии, анализу ее экономики, имевшей «решающее значение и для ведения войны, и для социалистического движения народных масс»². Газета «Известия» не случайно начала публикацию серии статей Мархлевского на эту тему. Советскую общественность глубоко волновали вопросы, связанные с Германией, ибо отношения с ней регулировал грабительский Брестский мир, и развитие событий в этой стране во многом могло определить дальнейший ход международного революционного движения.

В этих статьях Ю. Мархлевский всесторонне и обстоятельно проследил пагубное влияние войны на социально-экономическое положение Германии. Он проанализировал последствия, вызванные изоляцией страны от внешнего рынка и нехваткой в ней рабочих рук, и тенденции дальнейшего развития главных отраслей экономики — сельского хозяйства и промышленности. Анализ показал, что за годы войны Германия обнищала, силы ее были подорваны, экономическое положение становилось с каждым днем все более критическим, война вела страну к гибели. Как в городе, так и в деревне ускоренным темпом происходило социальное расслоение, поляризация; классовые противоречия в обществе все более и более обнажались. Все указывало на то, что в Германии назревала революционная ситуация, что ход войны приблизил революцию, которая одна только и могла спасти немецкий народ от национальной катастрофы.

Однако Ю. Мархлевский был далек от того, чтобы предсказывать точные сроки наступления революции. Ставя вопрос о ресурсах Германии, он писал: «Как долго может еще вести Германия войну? Когда иссякнут ее средства питания? На этот вопрос никто точного ответа дать не может»³. И далее: «... городской пролетариат Германии жертвует в этой бойне не только жизнью миллионов мужчин, терпит двумя поколениями. Об этом думающие пролетарии знают. Когда будет предел их терпению?»⁴

Ю. Мархлевский, оценивая перспективы революции в Германии, отмечал, с одной стороны, созревание ее внутренних предпосылок и, следо-

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 38, с. 132.

² «Известия», 1918, 28 августа.

³ Там же.

⁴ «Известия», 1918, 12 сентября.

вательно, вероятность ее возникновения, а с другой стороны — невозможность предсказать точные сроки революции, что свидетельствовало о конкретно-историческом подходе к ситуации в Германии и о солидарности с В. И. Лениным в вопросе о том, что назревающая революция в Германии не может быть включена в число тех факторов, которые на том этапе определяли внешнюю политику Советского государства.

Эта оценка раскрывала также, хотя и несколько косвенно, взгляды Ю. Мархлевского на мировую революцию как на процесс сложный, развивающийся не одновременно во всех странах и отнюдь не сводящийся к простому распространению революционного пожара из одной страны в другую.

Подтверждением такой точки зрения Ю. Мархлевского на мировой революционный процесс могут служить и его высказывания в начале 1919 г. в отношении Польши. Основываясь на особенностях ее внутреннего и внешнего положения, он допускал возможность сохранения в ней установившейся в ноябре 1918 г. власти буржуазии. В статье «Будущее Польши в экономическом отношении» говорилось: «Если Германия станет социалистической страной, то Польша, втиснутая между социалистической Россией и Германией, несомненно также пойдет по пути диктатуры пролетариата. Но если немецкой буржуазии при помощи социал-соглашателей и Вильсона удастся сломить силы революционного пролетариата, то, вероятно, и Польше придется переживать период более или менее „демократического“ капиталистического государства»⁵. Жизнь полностью подтвердила данный прогноз и тем самым доказала правильность такой постановки вопроса.

Диалектический подход Мархлевского к развитию мировой революции способствовал правильному пониманию им мирной внешнеполитической деятельности Советского государства, позволял трактовать ее как принципиально новый тип международной политики, связанной с природой социалистического государства.

Так, в уже упоминавшейся статье «Будущее Польши в экономическом отношении» он подчеркивал: «Советская Россия отказалась от всякого насилия над народами и из принципа не может идти на завоевания»⁶. В таком же обобщающем плане, в плане исторической важности мирных внешнеполитических действий пролетарского государства была дана оценка и Брестскому миру в брошюре «Что такое большевизм и что совершили большевики в России?», написанной в марте 1919 г. для немецких рабочих. В ней говорилось: «Брестский мир был поворотным пунктом в мировой истории. В то время, как трудящиеся массы всех воюющих стран в огромном большинстве своем были охвачены империалистическим безумием и позволяли использовать себя во взаимной резне народов, русские рабочие под руководством большевиков подняли знамя братства народов и социализма»⁷.

Подчеркивая значимость Брестского мира как первого акта реализации мирных устремлений нового государства, выраженных в Декрете о мире, Ю. Мархлевский не скрывал от немецких рабочих и того факта, что это был сепаратный договор, заключенный с самыми реакционными империалистическими державами на тяжелейших условиях для Советской России. Он показал, что этот аспект Брестского мира был связан со спецификой конкретно-исторических обстоятельств того времени.

Во-первых, стремление большевиков к миру вытекало из принципиальных задач социалистической революции: «Они (большевики. — М. Ч.), —

⁵ «Экономическая жизнь», 1919, 10 января.

⁶ Там же.

⁷ J. M a r c h l e w s k i. Pisma wybrane, t. 2. Warszawa, 1956, s. 701.

писал Ю. Мархлевский, — действовали в сознании того, что трудящиеся массы России должны получить мир, мир любой ценой, чтобы иметь возможность установить новый строй, строй социалистический⁸. Заключение мира для большевиков диктовалось необходимостью проведения социально-политических и экономических преобразований, без которых неминуемо было закрепить успех пролетариата, захватившего власть.

Во-вторых, мирные предложения Советского правительства, сделанные в первый же день его образования, не получили никакого отклика у великих держав: «... грабительские правительства Антанты и слышать не хотели об этом». Международное положение, расстановка сил в Европе вели к тому, что «революционное правительство России было вынуждено заключить сепаратный мир с центральными державами»⁹.

В-третьих, революционное движение как в странах Антанты, так и в центральных державах не смогло оказать существенную помощь новой России в борьбе с хорошо оснащенными, опытными в ведении войны империалистами обеих воюющих лагерей. «Немецкие трудящиеся массы, к сожалению, остались равнодушны к этому акту насилия»¹⁰, — писал Ю. Мархлевский. Указав на эти основные моменты, он подводил читателя к выводу о том, что у большевиков не было другого выхода, как принять условия Брестского мира и тем самым пойти на компромисс с капитализмом.

Но Ю. Мархлевский полностью отдавал себе отчет в том, что этот компромисс не наносил ущерба международному революционному движению. В статье «Катастрофа германского империализма», написанной в первые же дни известий о германской революции, он отмечал: «Брестская петля задушила не нас, а их — кайзера и Гинденбурга. Она задушит и шейдемановцев, задушит немецкий империализм. Именно — Брестская петля! Если бы Советская Россия в роковые дни решила продолжать войну, быть может, милитарные силы Германии истощились бы на несколько месяцев раньше, но тогда, вероятно, был бы заключен „честный мир“ между империалистическими хищниками. Брестский мир бесспорно увеличил силы Германии, позволил Гинденбургу побеждать лишние полгода, но он в конечном счете подорвал силы германского империализма, он был отравой для германской армии»¹¹.

В этих словах выражено одобрение ленинской тактики в противовес тем, кто называл Брестский мир «петлей», видел в нем только «позорный» компромисс и «соглашательство» с империализмом. Здесь подчеркнута глубокая связь внешней политики пролетарского государства с международным революционным движением, основывающейся на принципах пролетарского интернационализма. Как отмечал Мархлевский, заключение мира с Германией отвечало этим принципам, по крайней мере, в двух самых главных аспектах. Во-первых, оно спасло Советскую Россию «в роковые январские дни», что, безусловно, имело огромное значение и для борьбы мирового пролетариата и для международных отношений, в практику которых пролетарская республика ввела совершенно новые демократические принципы и нормы, противостоявшие сговорам «империалистических хищников» по установлению своего господства над другими странами и народами. Во-вторых, Брестский мир не остановил развития революции в Германии и тем самым ослабил империализм, нанес ему удар. Таким образом, мирная политика Советской страны способ-

⁸ Ibid., s. 688.

⁹ Ibid., s. 687, 688.

¹⁰ Ibid., s. 688.

¹¹ «Экономическая жизнь», 1919, 6 ноября.

ствовала развитию революционного движения в других [странах и укрепляла внутренние и внешние силы пролетарской республики.

Наиболее полно о взглядах Ю. Мархлевского на принципы советской внешней политики можно судить на основании позиции, которую он занял в отношении мирных переговоров с польским правительством в середине 1919 г. Чтобы правильно оценить тот факт, что он «без всяких полномочий с чьей-либо стороны обратился к польским правящим сферам, предлагая свои услуги для того, чтобы достигнуть соглашения и положить конец войне» между Польшей и Советской Россией¹², нужно рассмотреть условия, в которых созрела эта идея, проанализировать проводившуюся в дальнейшем линию переговоров, а также соотношение этих мирных предложений с общей направленностью советских внешнеполитических действий того периода.

К числу обстоятельств, повлиявших на позицию Мархлевского, относится его пребывание в Германии и Польше. Из Москвы в Германию его вызвали Карл Либкнехт и Роза Люксембург. Мархлевский прибыл в Берлин во второй половине января 1919 г., спустя три дня после гибели своих соратников по многолетней революционной борьбе в Польше и Германии. В это время германская контрреволюция перешла в наступление и жестоко подавила январское восстание. Однако во многих частях Германии рабочие продолжали борьбу. Руководство КПГ направило Ю. Мархлевского в один из таких районов — в Рурский бассейн. Здесь он развернул политическую деятельность, направленную на разоблачение политики господствующих классов, на ликвидацию иллюзий у рабочих в отношении этих классов, на организацию сил германского пролетариата. В своих лекциях, статьях, листовках он широко пропагандировал опыт большевиков и Октябрьской революции. Им были написаны для немецких рабочих две брошюры: «Что такое большевизм и что совершили большевики в России?» и «Система Советов». Деятельность Ю. Мархлевского вызвала ненависть к нему со стороны социал-демократических и буржуазных кругов. Они открыли против него кампанию клеветы и травли. Под угрозой ареста, равнозначного в тех условиях смертному приговору, Ю. Мархлевский был вынужден покинуть Германию и выехать в Польшу¹³, где он пробыл более двух месяцев. За время своего нелегального пребывания в Польше у него сложилось совершенно четкое представление об общей политической ситуации и в этой стране. Она характеризовалась тем, что коммунистическая партия была загнана в подполье, массы находились «под националистическим гипнозом», а польская армия без объявления войны наступала на советские республики — Литву и Белоруссию, захватив значительную часть их территории.

Непосредственное знакомство с политическими условиями в Германии и Польше позволило Ю. Мархлевскому верно разобраться в международной обстановке и полностью оценить ее опасность для молодой Советской республики, а в связи с этим правильно понять и внешнеполитические задачи, вставшие перед новым государством, которое к середине 1919 г. огненным кольцом окружила контрреволюция.

В работе «Война и мир между пролетарской Россией и буржуазной Польшей» Ю. Мархлевский отмечал, что мысль о переговорах с польским правительством возникла у него под влиянием «некоторого изменения в политическом положении и в настроении политических кругов Варша-

¹² Ю. Мархлевский. Война и мир между пролетарской Россией и буржуазной Польшей. М., 1921, с. 12.

¹³ См. Ф. Тых, Х. Шумахер. Юлиан Мархлевский. Перевод с польского. М., 1969, с. 297—311.

вы»¹⁴. Признание правительствами Антанты Колчака, известного реакционера, выступавшего за неделимость России, в качестве верховного правителя России насторожило польскую общественность, позволив ей со всей очевидностью представить себе, что победа русской контрреволюции «не обещает Польше ничего хорошего», более того, несет прямую угрозу ее независимости¹⁵. Таким образом, инициатива Ю. Мархлевского возникла не случайно в результате непредвиденного приезда в Польшу, а была глубоко продуманным действием в интересах Советской России и независимой Польши. Он учел общее соотношение сил империализма и социализма в данный момент, а также конкретные, объективно существовавшие противоречия между польской буржуазией и русской контрреволюцией. Проявление этих противоречий в наиболее обнаженном виде в этот период позволяло надеяться, что под давлением общественного мнения польское правительство решится пойти на мирные переговоры с Советской Россией.

Следовательно, в своих исходных данных инициатива отвечала ленинскому тезису о том, что «надо уметь рассчитать соотношение сил и *не помогать* империалистам, облегчая им бой с социализмом, ... когда шансы боя для социализма заведомо невыгодны»¹⁶. Отстаивая это положение в борьбе с «левыми коммунистами», В. И. Ленин подчеркивал, что именно «в этом гвоздь марксизма и марксистской тактики»¹⁷. Ю. Мархлевский имел в виду и необходимость для советской внешней политики «использования конфликтов и противоречий между империалистами»¹⁸, на что неоднократно указывал В. И. Ленин.

Прибыв из Польши в Москву, Ю. Мархлевский сообщил руководству польских коммунистов в России о результатах своих переговоров с представителями польских правящих кругов, согласившихся на его посредничество. Это сообщение было принято не однозначно. Ряд польских коммунистов по тем или иным соображениям выступили против переговоров. Некоторые из них все еще считали недопустимым вступать в контакты с буржуазным правительством и продолжали ориентироваться на революционную войну¹⁹. Ю. Мархлевский раньше и глубже других польских коммунистов воспринял новые ленинские принципы внешней политики и перешел к их практическому применению в период, когда дискуссия вокруг них еще не прекратилась.

Советское правительство и В. И. Ленин одобрили инициативу Ю. Мархлевского и поручили ему дальнейшие переговоры с польской стороной, которая пожелала обсуждать вопросы войны и мира под прикрытием официально объявленных переговоров между делегациями Красного Креста обеих стран об обмене заложниками и пленными. Директивы для переговоров были согласованы непосредственно с В. И. Лениным и оставались неизменными на протяжении 2-х этапов переговоров — как в июле 1919 г., так и в последние месяцы года, когда Красная Армия начала одерживать победы над силами контрреволюции.

В предисловии к «Красной книге», вышедшей на польском языке, Ю. Мархлевский писал: «... Советское правительство поручило мне заверить представителей польского правительства, что территориальные вопросы могут быть решены в любой момент в соответствии с желаниями

¹⁴ Ю. Мархлевский. Война и мир..., с. 12.

¹⁵ Там же.

¹⁶ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 36, с. 288.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Там же, с. 341.

¹⁹ См. Ф. Тых, Х. Шумахер. Юлиан Мархлевский, с. 315, 316.

польского правительства»²⁰. В этом высказывании, а оно не единственное у Ю. Мархлевского по этому поводу, четко сформулирована суть полученных им полномочий: ради основной цели — заключения мира идти на уступки, проводить на переговорах с буржуазным правительством в невыгодных для Советской страны условиях тактику компромисса.

Ю. Мархлевский неукоснительно выполнял эти рекомендации Советского правительства. Он использовал каждый удобный случай для того, чтобы убедить польских представителей в возможности заключить мир на чрезвычайно выгодных для них условиях. Об этом свидетельствуют не только замечания Ю. Мархлевского, высказанные в его работах, но и дневниковые записи председателя польской делегации Красного Креста М. Коссаковского, который неоднократно отмечал четкое стремление Ю. Мархлевского к заключению мира²¹.

Признавая тактику компромисса, Ю. Мархлевский в то же время ясно представлял себе политические границы компромисса с буржуазным правительством. Он отдавал себе отчет в том, что ради мира Советское правительство было готово пойти на большие территориальные потери для социалистического государства, а также на ряд уступок, касавшихся проведения плебисцита на территории Белоруссии, оккупированной польской армией, выдачи заложников и т. п. Однако все эти уступки ни в коей мере не затрагивали социально-политических основ Советской власти, не допускали никакого вмешательства в ее дела, хотя польские политики и стремились к этому. Накануне переговоров, состоявшихся в октябре 1919 г., М. Коссаковский беседовал с заместителем министра иностранных дел Польши В. Скиншинским, который намекал на возможность заключить мир с Россией, если она даст «гарантии изменения системы правления» или «например, согласится на контроль со стороны Международного Красного Креста»²².

Несмотря на чрезвычайно выгодные условия, предлагавшиеся советской стороной²³, польское правительство не пошло на заключение мира, продемонстрировав тем самым политическую близорукость, отсутствие реалистической, трезвой и одновременно демократической концепции по вопросу о польской государственности.

Неудача переговоров, однако, не может служить критерием для оценки правильности тактического шага, предпринятого Ю. Мархлевским. Оценить его инициативу можно, лишь установив ее соотношение с общими задачами советской внешней политики, о которых В. И. Ленин говорил: «... со времени победы социалистического правительства в одной из стран, надо решать вопросы... исключительно с точки зрения наилучших условий для развития и укрепления социалистической революции...»²⁴.

Инициатива Мархлевского полностью соответствовала этим задачам, так как была направлена на то, чтобы облегчить положение Советской России в чрезвычайно трудный момент ее существования, добиться сокращения военного фронта, хотя бы на один советско-польский участок, высвободить силы для разгрома контрреволюции, а поэтому была оправданной и в стратегическом и в тактическом отношении. Она полностью отвечала также принципам пролетарского интернационализма, тому новому

²⁰ «Księga Czerwona. Zbiór dokumentów dyplomatycznych o stosunkach Rosji a Polski od 1918 do 1920 r.» М., 1920, s. II.

²¹ APAN, Diariusz M. Kossakowskiego, t. IV, k. 29, 145, 155, 193 и др.; Biblioteka Publiczna st. m. Warszawy, dz. rkp. zezw., акс. 1553 (rkt).

²² APAN, Diariusz M. Kossakowskiego, t. IV, k. 135—136.

²³ В 1921 г. в период заключения Рижского мира с Польшей Ю. Мархлевский писал: «Но подчеркиваем, она получает гораздо меньше, чем ей предлагали осенью 1919 г.». Ю. Мархлевский. Война и мир. . . , с. 38.

²⁴ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 35, с. 247.

содержанию в них, которое раскрыл В. И. Ленин, указавший, что «Сохраня Советскую власть, мы оказываем самую лучшую, самую сильную поддержку пролетариату всех стран в его неимоверно трудной, тяжелой борьбе против своей буржуазии»²⁵.

В работе «Война и мир между пролетарской Россией и буржуазной Польшей» Ю. Мархлевский отметил, что Советское правительство, поддержав его предложение о переговорах с Польшей, исходило из соотношения мирной политики Советской России с международным и непосредственно с польским революционным движением, из твердого убеждения в том, что эта политика не только не препятствует развитию революционного процесса, но и способна ускорить его²⁶.

В статье «Польша и мировая революция», написанной вскоре после проведенных в июле переговоров с Польшей, среди причин агрессивной политики польской буржуазии в отношении Страны Советов отмечалось, что «буржуазия Польши отлично понимает, что пока будет существовать социалистическая Россия, польские пролетарии будут иметь в ней твердую опору»²⁷. В этом выражено ясное понимание Ю. Мархлевским той истины, что Советская республика самим фактом своего существования оказывает революционизирующее влияние на рабочий класс других стран, вдохновляя его на борьбу за свое освобождение, укрепляя веру в победу.

Выступление Ю. Мархлевского с мирной инициативой свидетельствовало о том, что ему был чужд тезис «левых коммунистов» о форсировании, «подталкивании» мировой революции как единственным условием и цели существования Советской власти. Совершенно определенно по этому вопросу он высказался в статье «Переломный момент». В ответ на клевету польской буржуазии, приписывавшей польским коммунистам стремление с помощью штыков Красной Армии завоевать Варшаву, чтобы установить там «большевизм», в статье говорилось: «Мы, польские коммунисты, находящиеся в России, свято выполняем свой долг, борясь за освобождение русского пролетариата, участвуя в строительстве и защите пролетарского государства. Но у нас никогда не было намерений разжигать войну для того, чтобы силой оружия насаждать свои идеи»²⁸. Это четкое определение позиции польских коммунистов не оставляло никаких сомнений в том, что Ю. Мархлевский полностью исключал всякую мысль об «экспорте революции» и никогда в этом вопросе не был согласен с «левыми коммунистами». Дополнительное подтверждение этому имеется и в дневнике М. Коссаковского. В конце октября 1919 г. в нем сделана запись беседы с Ю. Мархлевским: «Мы несколько раз спрашивали, намеревались ли большевики вступить в Польшу. Он отрицает. Они надеялись единственно на то, что в Польше возникнет Советское правительство, и оно протянет им руку. Они ждали внутренних большевистских действий»²⁹.

Анализ высказываний Ю. Мархлевского и его выступлений в печати показывает, что инициатива обращения к польскому правительству с мирными предложениями явилась результатом всестороннего осмысления и принятия им ленинских идей в области внешней политики, сформулированных в период Брестских переговоров.

На VIII съезде РКП(б), проходившем с 18 по 23 марта 1919 г., В. И. Ленин сказал: «...по отношению к Западной Европе, к странам Антанты нам приходится или придется повторить многое из того, что мы со-

²⁵ Там же, с. 392.

²⁶ Ю. Мархлевский. Война и мир. . . , с. 13.

²⁷ «Коммунистический интернационал», 1919, № 7—8, стлб. 1045.

²⁸ «Trybuna Komunistyczna», 9 II 1920.

²⁹ APAN, Diariusz M. Kossakowskiego, t. IV, k. 158—161.

вершили во время Брестского мира»³⁰. Ю. Мархлевский не был в это время в России, он не слышал этого выступления, но своими действиями как нельзя лучше доказал правоту ленинских слов, подтвердил свое безусловное признание основного ленинского принципа советской внешней политики — принципа мирного сосуществования социалистического государства с капиталистическими.

Сам термин «мирное сосуществование» получил распространение несколько позже. На страницах международной печати он появился в декабре 1919 г., когда В. И. Ленин употребил его в беседе с корреспондентом английской газеты «Christian Science Monitor»³¹. У Ю. Мархлевского этот термин впервые встречается в уже упоминавшейся статье «Переломный момент». Статья была написана в период развернутой Советским правительством широкой кампании за мир с Польшей. К этому времени оно направило телеграмму польскому правительству с официальным предложением начать мирные переговоры, опубликовало обращение Совета Народных Комиссаров к польскому правительству и польскому народу с торжественным заявлением о своих мирных устремлениях, которые затем подтвердил в своем обращении ВЦИК, также призвавший к заключению мира³².

В статье Ю. Мархлевского имеется следующая фраза: «От польского правительства зависит решение вопроса: хочет ли оно мира или войны, хочет ли оно обречь Польшу на неисчислимую по жертвам борьбу не на жизнь, а на смерть с Советской Россией, или же оно согласится на мирные переговоры, которые обеспечат сосуществование независимой Польши с пролетарской Россией»³³. Из контекста явствует, что слово «сосуществование» используется здесь для обозначения как цели мирных переговоров между буржуазной Польшей и пролетарской Россией, так и нового этапа, который должен наступить после заключения мира во взаимоотношениях между ними. При таком содержании слово «сосуществование» может рассматриваться не как случайно употребленное слово, а как специальный термин, призванный дать совершенно определенное понятие об отношениях между государствами с различными социально-политическими системами в период мира.

Ю. Мархлевский был далек от того, чтобы понимать мирное сосуществование только как прекращение военных действий между странами. Еще в статье «Будущее Польши в экономическом отношении» он, не предвещая вопроса о политическом устройстве Польши, высказался за возобновление исторически сложившихся экономических отношений между Польшей и Советской Россией³⁴. В 1921 г. в предисловии к книге немецкого ученого К. Баллода «Государство будущего» Ю. Мархлевский выступил с критикой мнения немецкого профессора, будто единственное социалистическое государство в капиталистическом окружении должно существовать как «замкнутый, самодовлеющий организм»³⁵.

При этом Ю. Мархлевский исходил из долгосрочной задачи социалистического государства по восстановлению и развитию народного хозяйства в целях подъема благосостояния трудящихся масс. Ее выполнение он связывал с использованием «всех выгод международного разделения тру-

³⁰ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 38, с. 135.

³¹ А. А. Чубарьян. Мирное сосуществование: теория и практика. М., 1976, с. 41.

³² «Документы и материалы по истории советско-польских отношений». М., 1964, т. II, с. 446, 508, 511.

³³ «Trybuna Komunistyczna», 9 II 1920.

³⁴ «Экономическая жизнь», 1919, 11 января.

³⁵ Ю. Мархлевский. Избранные сочинения. М., 1931, т. IV, с. 292.

да» и утверждал, что «строить план хозяйства на продолжительное время при условии совершенной изоляции страны не имеет смысла»³⁶.

Для тезиса К. Баллода определяющим являлась противоположность двух систем. Империалистические державы, как показали события, не признавали Советской республики, осуществляли блокаду и вооруженную интервенцию против нее. Ю. Мархлевский также констатировал этот факт, отмечая в предисловии: «Когда одна страна переходит к социалистическому строю, на нее обрушиваются все силы капиталистического мира. Это испытывает теперь Россия. Социалистическая страна должна обороняться, и ей приходится тогда переживать самые тяжелые лишения. Баллод может поучиться в России, на что способен в этом отношении революционный пролетариат»³⁷. Но, анализируя конкретную действительность, он обратил внимание и на другие политические и экономические факторы, тенденция развития которых вела к ликвидации тяжелой обстановки, сложившейся для Советской России.

«У страны, — писал он, — которая вступила на путь социалистического строительства, есть могущественный союзник: революционный пролетариат всего мира. Если социальная революция не разразится в ближайшем будущем повсюду, то все же несомненно, что рабочие передовых капиталистических стран сумеют заставить свои правительства войти в сношения с социалистической страной, тем более, что это, несомненно, выгодно части капиталистов (пример России учит, что во время блокады торговцы всякого рода из кожи лезут, чтобы войти в торговые сношения с заблокированной Россией). Значит изоляция страны, вступившей на путь осуществления социализма, может быть только временной»³⁸.

Из приведенной выдержки следует, что на основании таких факторов как революционное движение пролетариата капиталистических стран, развивавшееся по линии возрастающей солидарности с первым рабочим государством, и законы мирового рынка Ю. Мархлевский сделал свой общий вывод, противоположный выводу К. Баллода, о непродолжительности изоляции нового государства и о неизбежности развития экономических связей по мере нормализации мирных отношений между странами с различными социально-политическими системами. Таким образом, Ю. Мархлевский трактовал мирное сосуществование как разносторонние и активные связи Советской России с капиталистическим окружением не только в области политики, но и в области экономики, причем он видел в самом капиталистическом мире наличие объективных, неустраняемых предпосылок для воплощения в жизнь принципа мирного сосуществования.

В заключение можно констатировать, что Ю. Мархлевский, обладавший богатым опытом многолетней революционной борьбы и уделявший большое внимание марксистским исследованиям в области экономики, истории и международных отношений, прибыв в Советскую Россию, сразу, без колебаний и оговорок, воспринял ленинскую внешнеполитическую концепцию и высоко оценил историческое значение новых принципов, привнесенных в практику международных отношений. Признание стержневого принципа ленинской внешней политики — принципа мирного сосуществования — наложило отпечаток на всю его дипломатическую деятельность и публицистические выступления, посвященные отношениям с буржуазным лагерем.

Для Ю. Мархлевского было характерно широкое и творческое освоение опыта Брестского мира, о котором В. И. Ленин писал: «Самый существенный наш опыт — Брестский мир. Вот что самое существенное в итоге

³⁶ Ю. Мархлевский. Там же, с. 293.

³⁷ Там же.

³⁸ Там же.

внешней политики Совета Народных Комиссаров»³⁹. Неоспоримым доказательством такого освоения явилась проявленная им мирная инициатива в отношениях с Польшей. Она воплотила в себе всю глубину и разносторонность постигнутых им как в теории, так и на практике стратегических и тактических задач внешней политики социалистической республики. Во всей полноте Ю. Мархлевский представлял себе все то новое, что появилось со времени победы Великой Октябрьской социалистической революции в содержании основных принципов пролетарского интернационализма, а также их соотношение с государственной мирной политикой Советской страны.

Таким образом, внешнеполитические воззрения Ю. Мархлевского полностью исходили из ленинской концепции как в ее конкретнопрактическом плане, так и в отношении ее теоретических основ.

³⁹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 38, с. 48.

Т. С. БУШУЕВА

ИЗ ИСТОРИИ ПОЛИТРАБОТЫ КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ ЮГОСЛАВИИ В НОАЮ

Важным условием успешного развития освободительной борьбы народов Югославии в 1941—1945 гг. явилась широко развернутая коммунистической партией партийно-политическая работа в вооруженных силах, отличавшаяся целенаправленностью, многообразием форм, глубиной и богатством содержания. Ее цель четко выражали выдвинутые КПЮ в начале войны главные лозунги: «Смерть — фашизму, свобода — народу!» и «Братство и единство».

Партийно-политическая работа стала неотъемлемой частью организующей, революционно-преобразующей и направляющей деятельности коммунистов Югославии в вооруженных силах. Коммунистическая партия Югославии хорошо помнила революционный завет В. И. Ленина: «...где наиболее заботливо проводится политработа в войсках..., там нет расхлябанности в армии, там лучше ее строй и ее дух, там больше побед»¹.

В условиях борьбы с превосходящими силами противника особое значение приобрел моральный фактор. Формирование у бойцов Народно-освободительной армии Югославии высокого политического и классового сознания, уяснение ими целей и характера происходящей борьбы, понимание справедливости дела, за которое они сражались,—являлось одной из важных основ непобедимости воинских частей и партизанских отрядов.

«Мы были без оружия и без боеприпасов, но обладали стальной волей, которую никакая сила не смогла сломить,— подчеркивал Генеральный секретарь ЦК КПЮ И. Броз Тито при вручении знамени 1-й Пролетарской бригаде 7 ноября 1942 г.,— и мы, отняв винтовки, пулеметы, минометы и пушки у врага, вели успешные бои с превосходящим нас и в численном и в техническом отношении противником»².

Исключительное место в многогранной политической работе КПЮ в 1941—1945 гг. заняла пропаганда среди воинов НОАЮ опыта исторических завоеваний и революционных достижений народов СССР за годы Советской власти. Эта пропаганда (или, как принято в документах периода войны и послевоенной историографии СФРЮ,— «популяризация СССР») ³

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 39, с. 56.

² И. Броз Тито. Избранные статьи и речи. М., 1973, с. 114.

³ Историки СФРЮ оперируют также термином «русский» или «советский» фактор. Так, В. Джуретич, выступая в 1971 г. на симпозиуме, посвященном антифашистской освободительной борьбе в Македонии, отмечал, что в годы войны «русский (советский) фактор» «содействовал объединению масс на освободительной и революционной платформе КПЮ». (См. «Симпозиум Развојот и карактеристиките на народно-ослободителната војна и на револуцијата во Македонија». Скопје, 1973, с. 324.)

рассматривалась КПЮ как важный мобилизующий фактор, способствовавший сплочению армии, политическому воспитанию ее личного состава, укреплению дружбы с народами СССР, воинами Красной Армии. Партийно-политические органы разъясняли бойцам цели Советского Союза в войне против фашизма, ведущую роль СССР в антигитлеровской коалиции, значение военных усилий СССР в деле освобождения народов Европы. Искренняя любовь к Советскому Союзу, вера в его несокрушимую мощь морально поддерживали воинов НОАЮ, вдохновляя их на самоотверженную борьбу с фашизмом.

Следует подчеркнуть, что вопросы партийно-политической работы в целом довольно обстоятельно отражены во многих трудах историков СФРЮ: Д. Живковича, М. Станишича, В. Стругара, М. Тодоровского, С. Младеновича, А. Роси и других⁴, а также советских исследователей А. Н. Ратникова и В. М. Завьялова⁵, ряде фундаментальных коллективных изданий⁶. Однако все еще неразработанным в историографии остается такой важный аспект темы как «популяризация СССР» в общей системе партполитработы в войсках. Имеющиеся в исторической литературе СФРЮ данные по этой теме носят, главным образом, характер разрозненных сведений и отдельных фактов. А между тем «популяризация СССР» является важной проблемой, имеющей актуальную научную значимость.

На протяжении всех лет войны ЦК КПЮ призывал коммунистов страны к «популяризации» завоеваний СССР, к активной пропаганде исторической миссии, выпавшей на долю Советского Союза в начавшейся войне. На призывы ЦК КПЮ активно откликнулись коммунисты по всей стране. Вот лишь несколько из многочисленных свидетельств. В «Инструкции о проведении политической работы», принятой 3 сентября 1941 г. оперативным комитетом партии г. Карловца, выдвигалась задача пропагандировать «историческое значение СССР в войне»⁷. В отчете окружного комитета (Лики) компартии Хорватии 11 сентября 1941 г. подчеркивалось, что после нападения фашистской Германии на Советский Союз «перед нашей партийной организацией, в первую очередь, встала задача популяризации СССР — главной ударной силы в борьбе с фашизмом»⁸. А в отчете политкомиссара партизанского отряда г. Шливняка от 15 октября 1941 г. имеется запись, указывающая на необходимость в ходе политической работы «популяризовать роль СССР в войне», а также содействовать «развитию симпатий к СССР»⁹.

В директиве Генерального секретаря ЦК КПЮ И. Броз Тито окружному партийному комитету Косово и Метохии 22 сентября 1942 г. указывалось: «Ваша задача популяризовать в народе значение СССР в совре-

⁴ Д. Ж и в к о в и ч. Партиска организација у јединицама Народно-ослободилачке војске Југославије. «Глас оделења друштвених наука», кн. 8. Београд, 1960; D. Ž i v k o v i ć. Postanak i razvitak narodne vlasti u Jugoslaviji 1941—1942. Beograd, 1969; M. S t a n i š i ć. KPJ u izgradnji oružanih snaga revolucije 1941—1945. Beograd, 1973; V. S t r u g a r. Jugoslavija 1941—1945. Beograd, 1969; М. Т о д о р о в с к и. Партизанските одреди во народно-ослободителната војна и револуцијата. 1941—1944. Скопје, 1972; S. M l a d e n o v i ć, J. K a r a v a n i ć. Političke i partijske funkcije u NOP odredima i jedinicama NOV Jugoslavije. «Vojnoistorijski glasnik», 1969, № 3; A. R o s i. Partijsko-politički rad u jedinicama NOV Jugoslavije. «Vojno delo», 1961, № 4—5.

⁵ А. Н. Р а т н и к о в, В. М. З а в њ а л о в. Вооруженные силы Югославии. М., 1971.

⁶ «Oslobodilački rat naroda Jugoslavije 1941—1945», knj. 1—2. Beograd, 1963—1965; «Vojna enciklopedija», t. 7. Beograd, 1974.

⁷ «Zbornik dokumenata i podataka o narodnoslobodilačkom ratu jugoslovenskih naroda» (далее — «Zbornik»), t. 5, knj. 1. Beograd, 1952, s. 60.

⁸ Ibid., s. 77.

⁹ Ibid., s. 195.

менной великой освободительной войне. Сейчас необходимо разъяснить, что СССР, прилагая нечеловеческие усилия и неся жертвы, ведет борьбу с фашистскими захватчиками во имя освобождения всех угнетенных народов»¹⁰.

В годы народно-освободительной войны Компартия Югославии использовала в армии разнообразные формы «популяризации СССР». Наиболее эффективными из них являлись: 1) приуроченные к важнейшим революционным вехам в истории СССР боевые акции частей НОАЮ против фашистских войск; 2) торжественные празднования в частях и соединениях НОАЮ годовщин Великой Октябрьской социалистической революции, Красной Армии, памятных дат жизни и деятельности В. И. Ленина; 3) широко развернутая в НОАЮ сеть политических занятий, направленных на изучение истории первого в мире социалистического государства и активную пропаганду опыта большевистской партии.

Если двум первым формам «популяризации СССР» в историографии уделялось некоторое внимание¹¹, то третья выпала из поля зрения исследователей. А между тем, в процессе политических занятий в армии она явилась одной из действенных форм советско-югославского содружества в годы второй мировой войны, ярким выражением преемственности традиций братской солидарности народов СССР и Югославии в общей борьбе против фашистской агрессии.

Этой теме и посвящена настоящая статья. Ее источниковедческую базу составили, главным образом, архивные документы, опубликованные в многотомном издании «Сборник документов и материалов о народно-освободительной борьбе в Югославии в 1941—1945»¹². Это, как правило, подготовленные политическими органами НОАЮ донесения, отчеты, распоряжения, содержащие богатый материал, свидетельствующий о широко развернутой в НОАЮ политработе, в ходе которой активно использовалась и советская тематика.

В процессе изучения этих документов удалось выявить множество разнообразных программ политических занятий подразделений, частей и соединений НОАЮ. Их анализ показывает, что почти в каждую из программ обязательно включались две-три и более тем по советской проблематике. Причем, по мере активизации политической работы, обусловленной успехами сил антифашистской коалиции, усилением освободительной борьбы народов Югославии, увеличивалось и количество включенных в программы политзанятий в НОАЮ тем, нацеленных на «популяризацию СССР». Это говорит о возрастании интереса югославских воинов к самым различным сторонам жизни и героической борьбы советского народа.

Обратимся к анализу лишь некоторых программ политзанятий периода народно-освободительной борьбы, свидетельствующих об активном изучении воинами НОАЮ советской проблематики. Так, программа политических занятий, разработанная в Метохийском партизанском отряде к 24-й годовщине создания Красной Армии, предусматривала изучить с бойцами следующие темы: «О социалистическом строительстве в СССР»,

¹⁰ Ibid., t. 2, knj. 6, 1957, s. 156.

¹¹ См. «Октобар u Jugoslaviji. 1918—1945». Izbor dokumenata o godišnjicama Oktobra. Beograd, 1967; М. А п о с т о л с к и. Одрасот на Октомвриската револуција во борбата на македонскиот народ. «Културен живот», Скопје, 1967, № 7—8; Н. Ж и в - к о в и ћ. Ужичка република прославља Октобарску револуцију. Титово Ужице, 1967; Ј. Недељков ић. Вести епских октобарских дана 1941. Титово Ужице, 1957; М. М и л а д и н о и ć. Октобарски dani u našem ratu i revolucije. «Vojnoistorijski glasnik», № 9—12, broj 3, 1969, s. 175—188; М. Л е к о в и ć. Bihaćka operacija. Beograd, 1972 и др.

¹² Преимущественно использованы материалы IX тома, специально посвященного партийно-политической работе в НОАЮ.

«О значении Красной Армии в современной войне», «О жизни советских людей»¹³. Приуроченная к 26-й годовщине создания Красной Армии программа политзанятий в подразделениях 4-го корпуса НОАЮ предполагала изучение следующих четырех тем по истории СССР: «Создание и развитие Красной Армии», «Государственное устройство Советского Союза», «Популяризация СССР как руководителя в борьбе против фашизма и защитника малых народов», «НОАЮ и Красная Армия — союзницы в борьбе против немецко-фашистских оккупантов»¹⁴.

В 4-й Воеводинской бригаде программа, рассчитанная на февраль 1944 г., предусматривала девять тем из истории СССР: «Биография В. И. Ленина», «О Советском Союзе», «О Советской Конституции», «О Красной Армии», «О колхозах», «Как живут рабочие в СССР», «Как живут крестьяне в СССР», «Как живет молодежь в СССР», «Женщины в СССР»¹⁵.

Воины 1-й танковой бригады в январе—июне 1944 г. изучили на политзанятиях следующие темы: «20 лет со дня смерти В. И. Ленина», «Международное значение Октябрьской революции», «Празднование 26-й годовщины Красной Армии», «Развитие промышленности в Советском Союзе», «Три года со дня нападения гитлеровцев на СССР», «О значении Московской и Тегеранской конференций», «Стахановское движение»¹⁶.

Программа политической работы в 8-й Черногорской бригаде на февраль—июнь 1944 г. включала пять тем по истории СССР: «Октябрьская революция и создание СССР», «Развитие сельского хозяйства и промышленности в СССР (пятилетки, совхозы, колхозы, стахановское движение)», «Создание и развитие Красной Армии», «Роль СССР в современной освободительной войне», «О Конституции»¹⁷.

Программа политзанятий в 1-м Сремском партизанском отряде только в декабре 1944 г. предусматривала изучение шести тем о роли Красной Армии в современной освободительной войне¹⁸.

Семь тем по истории СССР было включено в программу политзанятий 20-й ударной дивизии в апреле 1945 г.¹⁹

Этот перечень можно продолжить, ибо все соединения имели такие программы; их анализ дает основание говорить о всестороннем использовании пропагандистами НОАЮ советской проблематики на занятиях с личным составом, что существенно повышало уровень классового сознания воинов, воспитывало у них высокие боевые и моральные качества, расширяло духовные запросы.

На основе изучения многочисленных документов политорганов НОАЮ можно сделать вывод о том, что политзанятия с воинами включали, главным образом, три тематических цикла, посвященных советской проблематике: жизни, деятельности и теоретическому наследию В. И. Ленина; истории создания и развития Коммунистической партии Советского Союза и истории СССР²⁰. На рассмотрении этих трех циклов мы и сосредоточим основное внимание.

Особое место в своей политработе КПЮ уделяла ознакомлению

¹³ «Zbornik», t. 1, knj. 19, 1969, s. 177.

¹⁴ Ibid., t. 9, knj. 5, 1969, s. 491.

¹⁵ Ibid., s. 470.

¹⁶ Ibid., t. 9, knj. 6, 1975, s. 596—598.

¹⁷ Ibid., s. 451.

¹⁸ Ibid., t. 1, knj. 6, 1955, s. 515, 518—519.

¹⁹ Ibid., t. 9, knj. 9, 1969, s. 535.

²⁰ Активному изучению советской тематики и широкому включению ее в программы политзанятий в армии в известной степени способствовала отлично налаженная издательская деятельность КПЮ, в результате которой, по нашим подсчетам, в течение 1941—1945 гг. в Югославии было выпущено свыше 1200 наименований произведений советской литературы по самым разнообразным вопросам. (Подсчитано по: «Bibliografija izdanja u narodnooslobodilačkom ratu. 1941—1945». Beograd, 1964.)

воинов НОАЮ с биографией и теоретическим наследием В. И. Ленина ²¹. «Учение и дело Ленина пронизывают революционную борьбу нашей партии, рабочего класса и народов Югославии за социализм,— отмечал И. Броз Тито в статье „Великий юбилей“, посвященной 60-летию Октябрьской революции.— Ленинские положения о партии, классе, о пролетарских революциях нашего времени, о национальном и аграрном вопросах, о государстве и характере власти, о бюрократизме, участии трудящихся в управлении и по другим вопросам вдохновляли нас, югославских коммунистов, в революционной борьбе в наших условиях — в освободительной борьбе и социалистической революции...» ²².

К каждой годовщине рождения и смерти В. И. Ленина коммунисты организовывали в вооруженных силах политические занятия, направленные на популяризацию теоретического наследия Владимира Ильича Ленина. Эти мероприятия не были стихийными, а являлись результатом целенаправленной деятельности КПЮ, ее Центрального Комитета, руководившего всеми вопросами организации партийно-политической работы в армии. Проводившиеся во всех частях и подразделениях НОАЮ конференции, лекции, беседы, семинары, чтения, дискуссии и другие формы политических занятий по ленинской тематике способствовали формированию у воинов НОАЮ марксистско-ленинского мировоззрения, идейной убежденности, повышали их идейно-теоретический уровень и политическое сознание, способствовали активному овладению марксистско-ленинской теорией. Это убедительно доказывают сохранившиеся документы партийно-политической работы. Вот лишь несколько подобных свидетельств. 26 января 1943 г. на конференции в подразделении 1-й Пролетарской бригады с бойцами была проведена беседа о В. И. Ленине и зачитана статья о нем, опубликованная в газете «Борба» ²³. 11 апреля 1943 г. в 4-й Славонской дивизии прошли торжественные собрания, посвященные памяти В. И. Ленина. В июле 1943 г. в подразделениях 2-й Краинской бригады комсомольцы изучали ленинскую работу «Роль пролетарской молодежи» ²⁴. «Учиться ленинскому стилю работы» — так называлось одно из теоретических занятий в 1-й Воеводинской бригаде в декабре 1943 г. ²⁵ 21 января 1944 г. на конференциях в 10-й бригаде был заслушан доклад о Ленине, а затем организована своеобразная устная газета, посвященная его жизни и деятельности; бойцам были зачитаны отрывки из романа Н. Островского «Как закалялась сталь» и из поэмы В. Маяковского «В. И. Ленин» — сообщалось в отчете политотдела 20-й дивизии ²⁶.

В связи с 21-й годовщиной кончины В. И. Ленина во всех частях Унской оперативной группы Хорватии «прошли собрания, на которых были зачитаны доклады о Ленине, отражавшие его роль в руководстве революциями в царской России» ²⁷, — отмечалось в отчете политкомиссара этой группы 5 февраля 1945 г.

²¹ Важным подспорьем для ведения в армии политической работы по изучению ленинского наследия явилось широкое издание КПЮ в годы войны произведений В. И. Ленина. «В годы народно-освободительной войны более 230 трудов В. И. Ленина было опубликовано отдельными изданиями, — подчеркивает югославский историк П. Дамянович. — Если к этому добавить и 50 его трудов, опубликованных в составе различных сборников, то можно сказать, что произведения В. И. Ленина чаще всего публиковались у нас в ходе революции». (Цит. по: «Югославия вчера и сегодня». М., 1965, с. 243.)

²² «Правда», 1977, 5 ноября.

²³ «Zbornik», t. 9, knj. 3, 1967, s. 313.

²⁴ Ibid., knj. 4, 1966, s. 15. Видимо, речь идет о работе В. И. Ленина «Задачи революционной молодежи».

²⁵ Ibid., s. 506.

²⁶ Ibid., knj. 5, s. 260.

²⁷ Ibid., knj. 8, 1969, s. 499.

Под революционизирующим воздействием ленинских идей в НОАЮ широко развевывалось соревнование за лучшее знание воинами материалов о жизни и деятельности В. И. Ленина, что способствовало их теоретической подготовке, формированию революционной убежденности.

Учитывая насущные потребности революционной борьбы, КПЮ наиболее активно пропагандировала в войсках такие ленинские работы как: «Марксизм и восстание», «Третий Интернационал и его место в истории», «Три источника и три составные части марксизма», «К деревенской бедноте», «Две тактики социал-демократии в демократической революции», «Социалистическая революция и право наций на самоопределение», «Национальный вопрос в нашей программе», «О государстве» и многие другие²⁸. Большой популярностью среди воинов НОАЮ пользовались подготовленные политорганами тематические сборники и брошюры о В. И. Ленине: «Ленин — это борьба, Ленин — это свобода», «О Ленине, Карле Либкнехте и Розе Люксембург», «О Ленине», «Жизнь и деятельность В. И. Ленина», «К 20-й годовщине смерти В. И. Ленина», «Ленин — большевистский стиль в работе» и другие.

Приведенный перечень свидетельствует о серьезном интересе воинов НОАЮ к ленинской тематике. Пропагандисты НОАЮ несли в массы близкие и народам Югославии идеи В. И. Ленина о сущности и задачах Советской власти, защите социалистического Отечества, о союзе рабочих и крестьян, о значении Октябрьской революции. Ленинские идеи находили живой отклик у народов Югославии, борющихся не только за национальную независимость, но и за революционное переустройство своей страны.

Идеи В. И. Ленина, его заветы укрепляли у бойцов революционный дух, боеспособность и дисциплину в НОАЮ, воодушевляли в боях с врагом. Подтверждением огромной мобилизующей силы ленинских идей являлось изучение воинами НОАЮ произведений В. И. Ленина непосредственно накануне или в ходе ожесточенных боев с фашистскими захватчиками. Сохранились свидетельства о том, как бойцы 3-й Пролетарской Санджакской бригады накануне самых кровопролитных и ожесточенных битв на реках Неретве и Сутьеске изучали биографию В. И. Ленина и его работу «Революционная армия и революционное правительство»²⁹. Эта ленинская работа содержала в себе заряд огромной мобилизующей силы, а слова В. И. Ленина о том, что «революционная армия необходима потому, что только силой могут быть решены великие исторические вопросы, а организация силы в современной борьбе есть военная организация»³⁰, были близки и понятны воинам НОАЮ.

Изучение в НОАЮ теоретического наследия В. И. Ленина было тесным образом связано с популяризацией КПЮ исторического опыта Коммунистической партии Советского Союза, накопленного ею в годы войн и мирного строительства. Изучение в различных звеньях системы политического просвещения в НОАЮ истории КПСС, важнейших решений партийных съездов, конференций убеждало воинов во всемирно-историческом значении созданной В. И. Лениным партии большевиков, в великой правоте и жизненной силе марксизма-ленинизма, пролетарского классового подхода к оценке всех общественных явлений «Коммунисты Югославии учились и учатся у героической ВКП(б), — подчеркивал И. Броз Тито, выступая на страницах газеты «Борба» в 1941 г. — Они используют опыт ВКП(б) на благо народа в нынешней освободительной борьбе против не-

²⁸ Ibid., t. 5, knj. 4, 1954, s. 10—11; t. 9, knj. 6, s. 329; knj. 8, s. 179; Z. V i d o v i ć. Treća proleterska Sanjačka brigada. Beograd, 1972, s. 367.

²⁹ J. P a d o v a n o v i Ć. Рођендан на Дрини. Београд, 1969, с. 81.

³⁰ В. И. Л е н и н. Полн. собр. соч., т. 10, с. 338.

навистных оккупантов, используют его в борьбе за освобождение и лучшее будущее всех народов Югославии»³¹.

Изучение истории Коммунистической партии Советского Союза входило в повестки дня регулярно проводившихся в НОАЮ политзанятий, политкурсов, политконференций, о чем свидетельствуют многочисленные документы. Так, например, она считалась «самым важным предметом» на партийных курсах, организованных КПЮ весной 1943 г.³² Большую роль в «политическом образовании и идеологическом воспитании членов партии и СКОЈ» сыграло изучение истории ВКП(б) на курсах партийных и комсомольских работников в 1943 г. в г. Тузле³³. Два политических курса — курс истории ВКП(б) и курс диалектического материализма — были организованы с целью обучения воинов в г. Нова Варош в 1944 г.³⁴

Политработники НОАЮ включали в повестки дня занятий такие темы как: «Развитие рабочего движения в России», «Об истории РСДРП», «О борьбе Ленина с экономистами», «О группе „Освобождение труда“», «Большевистская партия в годы развития рабочего движения накануне первой мировой войны», «О работе партии в армии», «Большевистская партия — организатор и вдохновитель борьбы против фашизма» и многие другие³⁵.

Документы хранят многочисленные свидетельства об активном изучении воинами НОАЮ различных материалов, раскрывающих славную историю Коммунистической партии Страны Советов³⁶. На необходимость иметь в формированиях НОАЮ «Краткий курс истории ВКП(б)» указывал в своем донесении от 27 декабря 1941 г. в ЦК Компартии Хорватии политкомиссар Главного штаба народно-освободительных партизанских отрядов Хорватии, а ныне член Президиума ЦК СКЮ, член Президиума СФРЮ В. Бакарич³⁷. Выступая на торжественном заседании, посвященном 60-летию Великой Октябрьской социалистической революции, в Москве в ноябре 1977 г., В. Бакарич, вспоминая годы войны, подчеркивал: «Идеалы революционного учения Маркса, Энгельса и Ленина и исторический пример Великого Октября всегда вдохновляли коммунистов Югославии»³⁸.

Анализ многочисленных документов партийно-политической работы дает возможность сделать вывод о том, что в годы войны в вооруженных силах Югославии практически не было ни одного формирования, где бы не изучалась история КПСС. История КПСС рассматривалась Компартией Югославии как важное и эффективное средство повышения политической активности и идейно-теоретического уровня воинов НОАЮ.

Как свидетельствуют документы и мемуары участников войны, большой популярностью в ходе политзанятий у воинов НОАЮ пользовались

³¹ И. Броз Тито. Там же, с. 89.

³² Там же, с. 107.

³³ «Istočna Bosna u NOV-u 1941—1945. Sjećanja učesnika», knj. 2. Beograd, 1971, s. 143. (СКОЈ — Савез комунистичке омладине Југославије — югославский комсомол.)

³⁴ Ј. Радовановић. Рођендан на Дрини, с. 8.

³⁵ «Zbornik», t. 9, knj. 7, 1970, s. 392, 393; knj. 6, s. 791—792.

³⁶ За годы войны в Югославии было опубликовано, по нашим подсчетам, свыше 300 наименований всевозможных изданий, специально посвященных различным вопросам истории КПСС. (Подсчитано по: «Bibliografija izdanja...») Многочисленные документы и мемуары участников войны свидетельствуют о том, как воины НОАЮ переписывали от руки отдельные главы учебника по истории ВКП(б), распространяли и обменивались имеющимися экземплярами с другими подразделениями. («Zbornik» t. 9, knj. 5, s. 73; t. 1, knj. 3, 1953, s. 139, 232; knj. 16, 1958, s. 44; knj. 2, 1952, s. 168, 194, 258.)

³⁷ Ibid., t. 5, knj. 2, 1952, s. 283.

³⁸ «Правда», 1977, 3 ноября.

многочисленные темы, отражавшие историю СССР. С подъемом проходили в НОАЮ политзанятия, в ходе которых югославские пропагандисты знакомили воинов с достижениями советского народа в строительстве социалистического общества; основами союза рабочего класса и крестьянства; советской национальной политикой; с успехами СССР в развитии экономики, науки, культуры, в повышении благосостояния народов. С интересом воспринимались лекции и беседы о значении пятилетних планов, индустриализации, коллективизации, культурной революции, претворения в жизнь ленинской программы построения социализма и коммунизма в Советской стране. Достаточно сказать, что в годы войны в НОАЮ только по истории СССР было изучено свыше 200 тем³⁹.

Вполне закономерно, что во время четырехлетней антифашистской народно-освободительной войны и победоносной социалистической революции, развернувшейся в Югославии, важнейшее место в общей тематике истории СССР отводилось истории Великой Октябрьской социалистической революции.

«В течение всей нашей борьбы и революции в сознании и душе наших воинов неотступно жила память о героизме участников Октябрьской революции..., а своих товарищей по борьбе и руководителей у нас называли именами Корчагина, Чапаева, Буденного и других... В ходе борьбы нам неотступно сопутствовала мысль о том, что вместе с нами борется Советская Армия, борется весь советский народ, что они несут основное бремя войны против фашизма»⁴⁰, — отмечает югославский историк М. Минич.

Для изучения истории Октябрьской революции агитационно-пропагандистские отделы в НОАЮ заранее рассылали в партийные организации частей НОАЮ брошюры, книги и другие специальные политические материалы для занятий⁴¹. К каждой годовщине Октября в воинских формированиях издавались, переводились и распространялись произведения советских ученых, публицистов, писателей, посвященные этому событию. В разнообразную тематику юбилейных политзанятий включались такие вопросы как: «Октябрьская революция и образование Советского Союза», «О Советском государстве», «Октябрь 1917—1941», «Как и почему победило Советское государство», «Международный характер Октябрьской революции», «Октябрьская революция и тактика русских коммунистов» и другие⁴².

Как показывает знакомство с документальными источниками, для югославских воинов актуальное значение имело изучение истории боевого пути Красной Армии и ее революционных традиций. К каждой годовщине создания Красной Армии во всех частях НОАЮ обязательно издавались брошюры об армии, изучались переведенные с русского языка юбилейные статьи и тематические сборники. Например такие: «Красная Армия — детище Великого Октября», «С Красной Армией к победе», «О традициях в Красной Армии» и другие.

В ходе партийно-политической работы КПЮ разъясняла значение борьбы Советского Союза и его армии против фашистских захватчиков, всячески популяризируя идею боевого содружества НОАЮ и Красной

³⁹ Подсчитано автором по документам партийно-политической работы.

⁴⁰ Цит. по: «Югославия вчера и сегодня», с. 77—78.

⁴¹ Осенью 1942 г. агитационно-пропагандистский отдел ЦК Компартии Хорватии направил для изучения в войска 180 экземпляров брошюры «25-я годовщина Октябрьской революции» и статью «Москва — нам и о нас». 30 тыс. экземпляров обращения ЦК КПЮ в связи с 26-й годовщиной Октябрьской революции было отправлено в партийные организации на территории Лики, где был сформирован даже «специальный комитет» по проведению мероприятий в честь Октябрьской революции («Oktober u Jugoslaviji 1918—1945», s. 378, 567).

⁴² «Zbornik», t. 9, knj. 5, s. 36, 127.

Армии. 15 июня 1942 г. в канун годовщины начала Великой Отечественной войны Советского Союза против фашистских захватчиков Сербский краевой комитет КПЮ обратился к коммунистам со словами: «... Усиливайте политическую работу в отряде и партийной организации... Развертывайте стахановское соревнование за звание лучшего коммуниста...»⁴³.

13 января 1944 г. в письме политкомиссара 13-й дивизии политкомиссарам подчиненных подразделений о плане политработы указывалось на необходимость освещения роли СССР в ходе изучения темы «Освободительная война и положение новой Югославии». При этом, отмечалось в письме, следовало сосредоточить внимание личного состава на раскрытии таких вспомогательных тем: «Силы освободительных армий — силы антифашистского блока во главе с СССР», «Отечественная война СССР», «Битва под Сталинградом», «Московская конференция»⁴⁴.

Югославские пропагандисты рассказывали об исторической миссии советского солдата в освобождении народов от фашизма, о героизме советских воинов-интернационалистов в Великой Отечественной войне.

«Все наши воины воодушевлены победами Красной Армии, и эти победы сегодня — главная тема собраний и дискуссий во всех частях», — подчеркивалось в донесении политкомиссара 4-го корпуса в Главный штаб НОА и ПО Хорватии 5 августа 1944 г.⁴⁵ В 1-й ударной бригаде «Братья Радичи» бойцы на политзанятиях «читали сообщения радио и наибольший интерес проявляли к ходу наступления Красной Армии, боям за Будапешт и продвижению к Берлину»⁴⁶, — сообщалось в донесении помощника политкомиссара бригады.

Воспитывая у воинов высокие морально-политические и боевые качества, партийно-политические органы НОАЮ особое внимание уделяли популяризации героизма воинов Красной Армии, кавалеров боевых орденов. В декабре 1944 г. на политзанятиях в 18-й Хорватской бригаде бойцы изучали брошюру В. Каверина «Герои Советского Союза»⁴⁷, а в июле 1944 г. комсомольцы 11-й Герцеговинской бригады ознакомились с брошюрой «Герой Советского Союза Александр Матросов»⁴⁸. Воины в частях НОА и ПО Македонии с большим интересом изучали материал о 28 героях-панфиловцах.

Документы военных лет навсегда запечатлели волнующие факты о том, как воины НОАЮ шли в бой с лозунгами: «За Красную Армию!», «За Советский Союз!», «Да здравствует КПЮ! Да здравствует Советский Союз!» и умирали со словами, полными веры в несокрушимую мощь Советской страны и ее армии.

«В перерывах между боями, — вспоминает Народный Герой Югославии А. Войнович, — в лесу, в горах или в освобожденной деревушке мы с волнением слушали по радио голос Москвы. Уверенный и твердый, этот голос укреплял в каждом из нас веру в победу. Знали: мы — не одни, с нами — героическая и непобедимая Красная Армия, любовь к которой каждый носил глубоко в сердце»⁴⁹.

Занятия в НОАЮ, посвященные таким темам как: «Красная Армия и ее роль в освободительной войне», «Великая освободительная миссия Красной Армии», «Красная Армия на наших границах», «Освобождение Севастополя», «Об окружении у Сталинграда», «Сталинград — могила

⁴³ Ibid., t. 1, knj. 3, s. 266.

⁴⁴ Ibid., t. 9, knj. 8, s. 202—203.

⁴⁵ Ibid., t. 5, knj. 31, 1964, s. 74.

⁴⁶ Ibid., t. 9, knj. 8, s. 366.

⁴⁷ Ibid., knj. 7, s. 489.

⁴⁸ Ibid., knj. 6, s. 623.

⁴⁹ «Красная звезда», 1966, 25 января.

фашизма», «Битва под Сталинградом», «Бои за Смоленск и Полтаву», «Ленинград в блокаде», «Знамя брянских партизан», «СССР — самая главная сила в борьбе с фашизмом», «Красная Армия — армия героев продолжает свой победоносный путь на запад», «Красная Армия — спасительница человечества» и другие⁵⁰ были чрезвычайно популярны у воинов НОАЮ. И это вполне понятно, так как в борьбе с фашизмом Красная Армия и НОАЮ являлись верными союзниками. «В самые тяжелые моменты истории, в дни, когда решаются судьбы человечества, народы Советского Союза и Югославии сошлись на одном пути, объединенные одной целью. Плечом к плечу сражаются они с общим врагом славянства и всего прогрессивного человечества — гитлеризмом»⁵¹, — отмечал в 1944 г. глава военной миссии НОАЮ в СССР генерал-лейтенант В. Терзич.

Важное значение имела пропаганда среди личного состава НОАЮ успехов Советского Союза во всех областях социально-экономического развития, о чем убедительно свидетельствует выявленный в ходе анализа документов партийно-политической работы перечень разнообразных тем по истории СССР. Беседы и занятия с воинами на темы: «СССР», «Советский Союз в войне и труде», «Советская Конституция и Советская власть», «Экономика Советского Союза», «Советский тыл — фронту», «О колхозах и совхозах», «Успехи советской промышленности», «СССР — братство народов», «Стахановское движение», «Аграрная политика СССР», «Жизнь и труд в СССР», «Народный учитель», «Советские женщины и дети», «Советская женщина защищает свою Родину», «Советы осваивают Северный полюс»⁵² и другие помогали лучше понять историю братского народа, почувствовать духовное родство с ним, общность благородных целей борьбы за построение социализма, за защиту революционных завоеваний.

На политзанятиях в НОАЮ коммунисты настойчиво разъясняли широким массам рабочих, крестьян, воином ленинскую политику по национальному и религиозному вопросам.

Для такой многонациональной страны, как Югославия, проблема решения национального и религиозного вопросов в СССР, добившемся подлинного расцвета наций и народностей, была чрезвычайно актуальной. С интересом воспринимали воины НОАЮ лекции и беседы на темы: «Мусульмане в Советском Союзе», «Жизнь народов в царской России», «О религии и морали в СССР», «Религия и церковь в СССР»⁵³. Многие документы хранят свидетельства того, как ленинская национальная политика завоевывала горячие симпатии у народов Югославии.

С большим вниманием воины НОАЮ изучали труды советских политических и государственных деятелей. Но, пожалуй, особой популярностью пользовались переведенные с русского языка произведения выдающегося деятеля Коммунистической партии и Советского государства, ближайшего соратника В. И. Ленина М. И. Калинина. В его произведениях в доступной для югославских воинов форме излагались сложные вопросы марксистско-ленинской теории и практики строительства нового социалистического общества, ярко раскрывалось величайшее значение связи армии с народом в укреплении ее морального духа, средства, формы и методы обучения и воспитания воинов.

Слова М. И. Калинина о том, что «в красном бойце глубоко заложено

⁵⁰ «Zbornik», t. 9, knj. 8, s. 202—203; knj. 5, s. 127, 537, 538; knj. 4, s. 420.

⁵¹ «Война и рабочий класс», 1944, № 10

⁵² «Zbornik», t. 9, knj. 3, s. 85, 313, 370, 617; knj. 5, s. 39, 127, 837; knj. 4, s. 407; knj. 6, s. 542.

⁵³ Ibid., knj. 7, s. 636; knj. 3, s. 817; knj. 5, s. 689—690; knj. 4, s. 505.

сознание, что ему вверено, поручено самое ценное, что есть у народа: его свобода»⁵⁴ были близки и понятны воинам НОАЮ.

Документы сохранили свидетельства о большом интересе воинов НОАЮ к статьям М. И. Калинина: «О молодежи», «О массовой партийной работе», «О некоторых вопросах агитации и пропаганды», «Слово агитатора на фронте», «Каким должен быть комсомолец» и другим⁵⁵.

Особое внимание КПЮ обращала на «популяризацию СССР» среди комсомольцев-скоевцев и молодых воинов НОАЮ. На организованных в марте 1943 г. курсах по повышению идейно-теоретического уровня и политических знаний молодых политических руководителей в 15-й Хорватской бригаде важное место занимала тематика, связанная с историей Советского Союза. В октябре 1943 г. с целью повышения общеполитического и культурного уровня членов СКОЈ 1-й бригады 7-й дивизии изучались следующие темы: «Молодежь в СССР», «О советском обществе»⁵⁶. В госпитальном центре в г. Смедерево в марте 1945 г. на теоретических занятиях с комсомольцами была изучена тема «Комсомол в СССР»⁵⁷. В июне 1944 г. молодежь в 5-й дивизии изучала подборку статей, переведенных из газеты «Правда»: «Армейские комсомольцы», «Идейное воспитание молодых патриотов», «Большевистское воспитание молодых коммунистов». В декабре 1943 г. бойцы 1-й Воеводинской бригады изучали тему «Советская молодежь — поколение Великого Октября», а воины 4-й бригады — «Советская молодежь указывает нам путь» и «Советская молодежь в боях за Родину».

В целях активной «популяризации СССР», воспитания у воинов НОАЮ чувства братской солидарности с советскими людьми КПЮ широко привлекала к ведению политзанятий советских воинов-красноармейцев, бежавших из фашистской неволи и сражавшихся в рядах НОАЮ⁵⁸. На многих из них были возложены ответственные задачи организации и развертывания среди воинов армии пропагандистской и агитационной работы. На политзанятиях они рассказывали личному составу о строительстве социализма в СССР, о героической борьбе Красной Армии и партизан, переводили с русского языка и популяризировали сводки Совинформбюро, материалы радио и печати.

Большую роль в воспитании у югославских воинов высоких морально-политических качеств играло чтение на политзанятиях произведений русской и советской художественной литературы. Коммунисты Югославии умело пропагандировали лучшие произведения советских писателей, раскрывающие героические усилия советского народа в борьбе за становление Советской власти. Любимыми книгами бойцов НОАЮ были: «Как закалялась сталь» Н. Островского, «Чапаев» Д. Фурманова, «Песня о

⁵⁴ М. И. К а л и н и н. О коммунистическом воспитании и воинском долге. Сб. статей и речей. М., 1958, с. 10.

⁵⁵ «Zbornik», t. 9, knj. 6, s. 329; knj. 8, s. 40, 554—555; knj. 7, s. 174, 182.

⁵⁶ Ibid., knj. 4, s. 330.

⁵⁷ Ibid., knj. 9, s. 324.

⁵⁸ Ibid., knj. 5, s. 829; knj. 3, s. 222; knj. 6, s. 641; «Советские люди в освободительной борьбе югославского народа». М., 1974, с. 47—48, 51. Уже сам факт вступления советских людей в ряды НОАЮ использовался компартией Югославии для популяризации дружбы и солидарности с Советской страной. «Обращаем ваше внимание на такое значительное событие, как наступление нашего самого дорогого союзника — Красной Армии, — сообщалось в распоряжении политкомиссара 4-й Славонской дивизии 7 января 1943 г. политкомиссарам бригад об активизации политработы. — Это не должно пройти без внимания бойцов и населения. Свяжите это событие с освобождением из плена наших товарищей-красноармейцев. Используя эти два события, проведите работу в целях укрепления братства наших народов с народами Советского Союза, свяжите это с ролью Красной Армии, со значением народно-освободительной борьбы. . .» (Ibid., knj. 3, s. 53.)

Буревестнике», «Мать» М. Горького, «Тихий Дон» М. Шолохова, «Непокоренные» Б. Горбатова, а также многие произведения А. Чехова, А. Фадеева, В. Маяковского, А. Толстого, В. Катаева, К. Паустовского, И. Эренбурга, Ф. Гладкова и др.⁵⁹

Большое внимание уделялось популяризации в НОАЮ революционных, патриотических, строевых советских песен: «Катюша», «Мы — кузнецы», «Марш советских авиаторов», «Красная Армия», «Красный Флот» и др.

В условиях антифашистской освободительной борьбы и революции народы Югославии, вдохновленные и руководимые КПЮ, создали свои вооруженные силы — Народно-освободительную армию, вписавшую яркие страницы в историю борьбы народов Европы с фашизмом⁶⁰. В годы второй мировой войны «вся земля югославская стала полем битвы, которая, не утихая, шла долгие годы... В огненной купели тех лет прошла крещение социалистическая Югославия»⁶¹, — подчеркивал во время визита в СФРЮ в 1976 г. Л. И. Брежнев.

К концу войны в вооруженных силах Югославии насчитывалось 222 бригады, сведенные в 53 дивизии, объединенные в 4 армии общей численностью 800 тыс. человек. Своими активными действиями они связывали десятки вражеских дивизий, внося значительный вклад в окончательную победу сил антигитлеровской коалиции над фашизмом.

Объективной закономерностью развития армии, важным источником ее непобедимости явилось руководство КПЮ всем делом военного строительства. Развернутая компартией в вооруженных силах широкая партийно-политическая работа, составной частью которой являлась «популяризация СССР», способствовала сплочению личного состава, укреплению боевого содружества и интернациональной солидарности воинов НОАЮ с советским народом. Правильное определение основных направлений и содержания партийно-политической работы, умелое использование многообразных форм и методов являлось важным условием успеха деятельности КПЮ по политическому воспитанию личного состава армии. Югославская действительность подтвердила справедливость слов Ф. Энгельса: «Там, где дело идет о полном преобразовании общественного строя, массы сами должны принимать в этом участие, сами должны понимать, за что идет борьба, за что они проливают кровь и жертвуют жизнью»⁶².

Как показывает анализ документальных источников, мобилизующей силой партийно-политической работы на всех этапах народно-освободительной войны явилось широкое использование исторического опыта Советского Союза.

⁵⁹ Ibid., knj. 8, s. 706; knj. 3, s. 262; «Херцеговина у НОБ». Београд, 1961, с. 216; «Извори за ослободителната војна и револуција во Македонија, 1941—1945», т. 1. Скопје, 1970, с. 162; «Zbornik», t. 1, knj. 20, 1965, s. 239.

⁶⁰ Л. И. Брежнев. Ленинским курсом. Речи и статьи, т. 3. М., 1972, с. 413.

⁶¹ Там же, т. 6. М., 1978, с. 193.

⁶² К. Маркс, Ф. Энгельс. Соч., т. 22, с. 544.

ОСВОБОДИТЕЛЬНАЯ БОРЬБА БОЛГАРСКОГО НАРОДА В КОНЦЕ XII—НАЧАЛЕ XIII ВЕКА (к вопросу о содержании термина «влахи»)

В результате войны с Византией под руководством братьев Петра и Асеня в 1185—1187 гг. была восстановлена потерянная в 1018 г. государственная независимость Болгарии¹. Успешно закончилась борьба, нашедшая поддержку всего народа, борьба, которая оказала влияние и на последующую политическую жизнь средневековой Болгарии². Естественно, что в правящих кругах Византии недовольство военными и политическими успехами болгар было огромным. Поначалу власти Византии не хотели, а точнее не были в состоянии примириться с создавшимся положением и ради личной выгоды и удовлетворения собственного тщеславия стремились по возможности приуменьшить значение достигнутой болгарским народом победы в прогрессивной борьбе.

В основном византийском историческом источнике, относящемся к этим событиям, «Истории» видного писателя и общественного деятеля конца XII — начала XIII в. Никиты Хониата болгарское восстание в Тырнове представлено как акция охваченного животными чувствами сборища болгар и влахов: начавшие бунт, как указано в «Истории», были «бесноватыми с налитыми кровью глазами». Руководители мятежа распространяли слух о том, что «мученик Христов Димитрий [Солунский] покинул Фессалонику» — город, которому он покровительствовал в течение многих веков, и пришел на помощь восставшему болгаро-влахскому народу. Эта «ложь» якобы была подхвачена простыми участниками бунта, которых Никита описал как ненормальных людей: они корчились на земле в припадке «падучей болезни», призывая взяться за оружие и дружно сразиться с ромеями. При этом еще в начале восстания было отдано распоряжение о безжалостном истреблении пленных греков, не вникая «коленопреклоненным прошениям» последних³.

¹ Ив. Д у й ч е в. Въстанието в 1185 година и неговата хронология. Известия на Института за българска история, т. 6. София, 1956, с. 327—358.

² Там же, с. 327. Автор определяет восстание как «спонтанное народное движение болгарского населения в Старопланинских областях». Ср. Г. Г. Л и т а в р и н. Как жили византийцы. М., 1974, с. 156. На основе привлечения широкого круга источников автор приходит к выводу, что попытки ромеизации компактных групп, как правило, заканчивались не консолидацией, а этнической дезинтеграцией.

³ «Никиты Хониата История со времени царствования Иоанна Комнина», т. II. СПб., 1862, с. 21—23; В. Н. З л а т а р с к и. История на българската държава през средните векове, т. II. София, 1934, с. 413—414; К. И р е ч е к. История на българите. София, 1929, с. 129. Автор называет рассказ Никиты о начале восстания «первичной легендой». Ср. также К. И р е ч е к. История на българите. Поправки и добавки от самия автор. Под ред. на С. Аргиров. София, 1939, с. 139 и сл. Непри-

С не меньшей ненавистью рассказывает Никита о начале восстания в Тырнове и в другом своем произведении, так называемом «Известительном послании» об одном из первых походов императора Исаака II Ангела (1185—1195) против взбунтовавшихся болгар. Повстанческая армия здесь названа «сборищем варваров», а о руководителе восстания Петре сказано, что действовал он по наущению вселившегося в него дьявола. По мнению автора, «болгары вели себя как свиньи» — намек на антивизантийские восстания XI в. и более позднего времени. Болгары-де неверны, как натянутый лук, и царство Исаака Ангела изливалось над ними, как над каменной почвой, елей милосердия. Болгарский народ — неверный и распутный, он охвачен плотской страстью и склонен к насилию: где бы ни появлялись болгары, они колют, убивают, жгут⁴. Заметно желание Никиты представить восстание как незаконный и, главное, не имеющий серьезных причин мятеж и оправдать невозможность империи справиться с освободительным движением⁵. Кроме того, он не скрывает своего намерения исказить народный характер освободительной борьбы болгар и представить ее как тройственную этническую контаминацию: в борьбе участвовали преимущественно влахи, далее Никита говорит о куманах и лишь в последнюю очередь о болгарях. Руководители восстания братья Петр и Асень по происхождению, подчеркивает Хониат, были чуждыми болгарскому населению⁶. В связи с этим столетие назад Ф. И. Успенский указал, что освободительное движение болгарского народа сознательно недооценено Никитой Хониатом, равно как им сознательно проведена и этническая деперсонафикация его вдохновителей и участников⁷. Успенский не сомневался в том, что Асень и Петр — «мнимые влахи»⁸. По его мнению, доказательством этого служит тот примечательный факт, что в течение всего периода борьбы они никогда не ставили вопрос о нуждах своих «влашских соплеменников». Впрочем и Никита Хониат довольно осторожно характеризует национальный состав участников освободительного движения. Он пишет, что чрезмерные расходы, в основном налоги, связанные с женитьбой императора Исаака Ангела на венгерской принцессе Маргарите, вызвали недовольство «варваров Эмской горы (т. е. Балканских гор. — К. М.), которых прежде называли мизийцами, а теперь зовут валахами»⁹. Преследуя вполне определенные цели, византийские писатели неоднократно использовали устаревшие племенные названия по существу новых этнических групп¹⁰.

К настоящему времени проблема участия влахов в борьбе болгарского народа¹¹ против Византии решена во многих отношениях по-новому в

емлема точка зрения В. Николаева (Потеклото на Асеневици и етническият характер на основаната от тях държава. София, 1944, с. 91), что «бесноватые» были подкуплены Асением и Петром. Источники не дают основания для такого вывода.

⁴ Ф. И. Успенский. Византийский писатель Никита Акоминат из Хон. СПб., 1874, с. 184—186.

⁵ «История на България», т. I. София, 1961, с. 166—168.

⁶ «Никиты Хониата История. . .», с. 19. Братья Асень и Петр представлены «пастухами», каковыми бывали обыкновенно влахи. По византийским сведениям, это мнение разделял хронист крестового похода Роберт де Клари (см. Б. Примов. Роберт дьо Клари и отношенията между България и Латинская империя. ГСУ, историко-филологический факультет, т. 34. София, 1947, с. 15).

⁷ Ф. И. Успенский. Образование Второго болгарского царства. Одесса, 1879, с. 102 и сл.

⁸ Там же, с. 102; Ирекче считает Асенья и Петра потомками царя Симеона. К. Ирекче. История на българите. София, 1929, с. 172.

⁹ «Никиты Хониата История. . .», с. 18.

¹⁰ Д. Ангелов. Образоване на българската народност. София, 1971, с. 340. В этой работе автор подробно рассматривает данный сюжет.

¹¹ По мнению В. Н. Златарского, влахи участвовали в борьбе. В. Н. Златарский. История на българската държава през средните векове, т. II. София, 1934, с.

исследованиях Б. Примова¹², Г. Г. Литаврина¹³. Эти авторы новыми аргументами подкрепляют тезис Ф. И. Успенского. Выводы их, возможно, получают подтверждение в последующих исследованиях. Мы же в настоящей статье ставим своей целью объяснить, почему не только византийские историки, но также папа римский, хронисты Четвертого крестового похода Жофруа де Виллардуэн и Робер де Клари, а вместе с ними и царь Калоян говорят о вехах и почему царь Калоян считает себя господином не только болгар, но и вехах. Жофруа де Виллардуэн и Робер де Клари постоянно используют термин «вехаи»¹⁴. Особенно категорично они применяют его в связи с царем Калояном — как правило, они зовут его просто «Иван Влах». Ранее этой же терминологией пользовался хронист Третьего крестового похода, австрийский клирик Ансберт. Он отмечал, что во время похода Фридриха Барбароссы на восток с целью освобождения «святых земель» окружение германского императора, в том числе и сам Ансберт, поняли, что большей частью Болгарии и Придунайскими землями вплоть до устья реки владели некто Калопетр-влах и его брат Асаниус вместе с подчиненными им вехахми¹⁵. В связи с обещанной болгарам военной помощью крестоносцам Барбароссы участник описываемых событий епископ Дитпольд отмечал: «Вехаи с нами»¹⁶. По поводу этого замечания Златарский писал: «В данном случае под „вехаи“, согласно тогдашней терминологии, понимаются болгары из освобожденной в 1187 г. Северной Болгарии»¹⁷. Ансберт не всегда последователен. Он не всегда называет Петра и Асеня вехахми, но указывает, что владели они частью Придунайской Болгарии и частью Фракии, покоренной ими «военной хитростью»¹⁸.

Но если взятое само по себе второе указание Ансберта недостаточно убедительно, чтобы корректировать смысл первого, то его утверждение, что Петр желал именоваться также «императором Греции» вполне определенно свидетельствует об источнике информации. Пока войска германского императора находились в пределах Византии, официальные круги в Константинополе не желали признавать мятежную, но уже независимую от них болгарскую государственную власть в Северной Болгарии. Именно поэтому и Никита Хониат упрекает болгар за то, что они посмели восстать и завоевать потерянную некогда свободу. Поскольку в 1189—1190 гг. во время Третьего крестового похода болгарское государство еще не установило прямые контакты с большинством соседних и с более отдаленными

415—419; П. Мутафчиев считает, что вехаи приняли участие лишь в начале восстания. П. Мутафчиев. История на българския народ, т. II. София, 1944, с. 36—38. Весьма крайняя точка зрения и в полемическом тоне высказана в его работе «Българи и румъни в историята на дунавските земи» (София, 1927).

¹² Б. Примов. Създаването на Втората българска държава и участието на вехите. Сб. Румъно-български връзки и отношения през вековете. Изследвания, т. I (XII—XIX вв.) София, 1965, с. 9—53. В этой работе автор подробно анализирует позицию румънских историков.

¹³ Г. Г. Литаврин. Вехаи византийских источников X—XIII вв. Сб. Юго-Восточная Европа в средние века, т. I. Кишинев, 1972, с. 91—138.

¹⁴ Жофруа дьо Виллардуэн. Завладяването на Цариград. София, 1947; Б. Примов. Роберт дьо Клари и отношенията между България и Латинската империя. Там же, с. 1—39; ср. G. Prinz. Die Bedeutung Bulgariens und Serbiens in der Jahren 1204—1219 in Zusammenhang mit der byzantinischen teilstaaten nach der Einnahme Konstantinopels in folge des 4 kreuzzuges. München, 1972.

¹⁵ В. Н. Златарски. Потеклото на Петра и Асеня, водачите на въстанието от 1185 г. Списание на Българската академия на науките, кн. 45. София, 1933, с. 42; Жофруа дьо Виллардуэн. Завладяването на Цариград, с. 70.

¹⁶ В. Н. Златарски. История на българската държава през средните векове, т. III. София, 1940, с. 45.

¹⁷ Там же, с. 45.

¹⁸ Жофруа дьо Виллардуэн. Завладяването на Цариград, с. 70.

государствами, то византийцам было нетрудно, да к тому же еще и весьма выгодно, отрицать ее существование и всячески ее хулить. Так развенчание народного восстания в Тырнове сочеталось с вымыслом о том, что предводители освободительной борьбы болгарского народа претендовали чуть ли не на греческий престол. Посему, дескать, Петр хотел, чтобы его называли «королем Греции». Таким образом, византийцы всячески подчеркивали внутренний характер восстания, стараясь внушить крестоносцам, что движения за свободу в Болгарии и в Сербии никак не связаны между собой¹⁹. Кроме того, можно предположить, что, исколесив владения Византии на Балканском полуострове и в Азии, Ансберт испытал на себе влияние современной ему византийской политической мысли и оценок происходящего. Спустя 15 лет аналогичные позиции заняли Жофруа де Виллардуэн и Робер де Клари. Активные участники Четвертого крестового похода и его летописцы, они выражали взгляды высшего (Виллардуэн) и низшего (Клари) рыцарства на положение на Балканах в начале XIII в. И те и другие считали себя законными наследниками Византийской империи, отвоеванной у «недостойных владетелей». По этой причине, исходя из собственной выгоды, они усвоили византийскую историко-правовую традицию, особенно в отношении земель, которыми некогда, впрочем и не так давно, владел восточный император. Жофруа де Виллардуэн подчеркивал, что Калоян «несправедливо владеет значительной частью территории»²⁰, и пояснял далее: «И знайте, что во время этого похода, в который отправился сам император (речь идет об Алексее IV Ангеле. — К. М.), все греки по одну и другую сторону рукава присоединились к нему, [подчинились] его приказаниям и воле и выразили ему свою верность и готовность подчиняться как собственному господину. Исключением был лишь Иоаннис, король Влахии и Болгарии. А этот Иоаннис был влах, который восстал против собственного отца и дяди, и вел он с ними войну 20 лет и отнял так много и х (выделено нами. — К. М.) земли, что стал богатым (могущественным) королем»²¹.

Доказательства, которыми оперировал Виллардуэн, несли на себе отпечаток византийской идеологии. Он считал Калояна мятежником, захватившим чужую землю, т. е. землю Исаака II Ангела, его брата Алексея III Ангела и их преемника, ставленника крестоносцев императора Алексея IV. Чтобы добиться признания за собой прав владетеля земли, Калоян должен был объявить себя вассалом византийского императора (это самое большее, на что можно было рассчитывать). Но о том, насколько болгарский властелин сообразовывал свои действия с этим историческим правом Византии и ее латинских «наследников», свидетельствует и сам Виллардуэн: Калоян был близок к тому, чтобы присвоить все византийские области к западу от рукава св. Георгия. Следовательно, у этого автора находим важные указания о возможности длительной борьбы за освобождение земель, населенных, по сведениям византийцев, «мизийцами» или, по-иному, «влахами». Ни греческие историки, ни Виллардуэн не поясняют, каким образом болгары превратились во влахов. Они просто пользуются этим названием.

Со своей стороны, Робер де Клари утверждает: «Влахия — одна из стран, находящихся во владениях императора. Влахия — очень сильная страна, она вся окружена горами, так что попасть туда и выбраться назад

¹⁹ В. Н. Златарски. История. . . , т. III, с. 2 и сл.; С. Л и ш е в. Третий крестоносен поход и българите. Известия на Института за българска история, т. 7. София, 1957, с. 205—240.

²⁰ Жо ф р у а д ь о В и л л а р д у э н. Завладяването на Цариград, с. 223, § 276.

²¹ Там же, с. 183, § 202.

можно лишь через ущелье»²². Несомненно, что Клари, говоря о Северной Болгарии, следует за византийскими историками и идеологами и называет ее «Влахией». Солидаризируясь с современной ему византийской политической мыслью и разделяя претензии крестоносцев, он считает «Влахию» частью земли византийского императора и его преемника. Он пересказывает известную в Византии версию о том, что Иван Влах (для него царь Асен I Старый и царь Калоян одно и то же лицо) был слугой императора и его конюхом. Каждый год он передавал императору 60—100 выращенных им коней. Однажды царский евнух жестоко избил его. Тогда разгневанный Иван Влах вернулся во Влахию и поднял там восстание²³.

Влияние господствовавшей в Византии точки зрения на причины восстания несомненно. Вот как рассказывает непосредственный участник событий Никита Хониат: «Виновниками этого зла и возмутителями всего народа были два родных брата: Петр и Асень. Желая найти повод для возмущения, они явились к царю, во время его пребывания в Кипселлах, с просьбой принять их в состав римского войска и царскою грамотой пожаловать им одно почти неприступное место в Эме. Но просьба их не была удовлетворена: так уж угодно было Богу. Тогда они стали высказывать жалобы на то, что их будто презирают, и, напрасно настаивая на своей просьбе, высказались горячо и резко, намекая на отделение от римского государства и на то, что они в состоянии будут сделать, возвратившись домой. Особенно был дерзок и груб Асень; так что севастократор Иоанн приказал отколотить его по щекам за бесстыдство»²⁴. И Никита поясняет, что, вернувшись в Хем, Петр и Асень в самом деле подняли бунт. Посему он называет их «нечестивыми» и «богомерзкими» людьми.

В. Н. Златарский считает рассказ Никиты Хониата о событиях 1185 г. в Тырнове чересчур тенденциозным. Хониат не скрывает своей цели — скомпрометировать популярную среди народа идею восстановления независимости Болгарии. Вместе с тем он стремится подчеркнуть, что ни император Исаак II Ангел, ни его приближенные, к которым он в период написания своей «Истории» (после 1205 г.) относился весьма критически, не обладали сильным государственным умом. Временная дистанция и то обстоятельство, что большинства его «героев» уже не было в живых, освобождали летописца от необходимости придерживаться существовавших представлений о происшедших событиях. Поэтому нередко в «Истории» причины и их следствие меняются местами. Однако следует признать, что Никита Хониат не забывает о государственных интересах Византии: Болгария — опасный противник Римской империи, и автор считает ее неотделимой от исконных византийских земель. Влияние такой позиции испытывают на себе Клари и Виллардуэн: по их мнению, болгарское государство, созданное в 1185—1187 гг., и его правители стоят «вне закона».

Важным свидетельством этнической принадлежности владхов является рассказ де Клари о встрече царя Калояна с предводителем рыцарей Пьером де Брашо. Французский хронист постоянно называет болгарского властелина «Иваном Влахом». Но интересно другое: в их диалоге имеется важная реплика, которая в корне подрывает «терминологию» Клари. На вопрос Калояна, почему рыцари пришли из такого далека завоевывать земли, неужели того, чем они располагают на родине, им недостаточно для пропитания, крестоносец заявил, что он и его товарищи ведут борьбу за отцовское наследство: разрушенная некогда хитроумными греками Троя являлась, якобы, прародиной римлян. Французские и итальянские

²² Б. П р и м о в. Роберт дьо Клари, с. 15.

²³ Там же.

²⁴ «Никиты Хониата История. . .», с. 19; В. Н. З л а т а р с к и. История. . ., т. II, с. 412—413.

рыцари — потомки изгнанных из своего отечества троянцев. На вопрос, знакома ли им история Троянской войны, «Влах», т. е. Калоян, и куманы ответили: «Да ведь мы слышали об этом более других»²⁵. Утверждение Калояна о том, что он «более других» знаком с событиями в древней Трое, можно объяснить как отзвук и отражение вековой культурной традиции болгарского народа, поскольку до середины XIV в. ни влахского, ни тем более куманского государства не существовало. Еще в X в. рассказ о Троянской войне был переведен на болгарский язык²⁶. При такой ситуации нетрудно понять, о каких влехах повествует Клари. Утверждение, что в Болгарии «более других» знают о Трое и ее трагическом конце, причиной которого явилась измена греков, созвучно словам царя Калояна из его письма папе Иннокентию III, что у себя во дворце он располагает старинными болгарскими царскими книгами²⁷. Что касается куманов, то о них Калоян упоминает постольку, поскольку они являлись союзниками болгар и присутствовали при беседе с высокопоставленными крестоносцами.

Итак, если византийцы (Хониат), латиняне (французы Виллардуэн и Клари) и австрийцы-немцы (Ансберт), исходя из собственных интересов, именуют восставших на севере от Хемуса до Дуная «влагами», то естествен вопрос, почему и в болгарских исторических источниках начала XIII в. также встречается это, как с основанием можно утверждать, презрительное наименование. Одно из возможных, основанных на исторических фактах объяснений заключается в том, что вlahи действительно участвовали в восстании. На это указывают Ф. И. Успенский, В. Г. Васильевский, М. С. Дринов, Г. Г. Литаврин, В. Н. Златарский, П. Муцафчиев²⁸. Но была и другая причина. Еще в 1189—1190 гг. братья Асень и Петр считали будущее Византии не особенно благоприятным и не без учета этого пытались вступить в контакт с римским папским престолом²⁹. Когда в 1204 г. возникла Латинская империя в Константинополе, пришлось по понятным причинам принять тезис внешне этнического, а по сути политического характера, который, хотя и временно, но все же обеспечивал только что освободившейся Болгарии известную стабильность.

С учетом этой необходимости установился широкий эпистолярный обмен между царем Калояном и папой Иннокентием III. В письмах ярко проявляются большие дипломатические способности болгарского правителя. Кстати, эту черту не отрицает и известный историк церкви прошлого столетия

²⁵ Б. Примов. Роберт дьо Клари, с. 17—18; Жофруа дьо Виллардуэн. Завладяването на Цариград, с. 16—17.

²⁶ К. Калайдович. Йоан Екзарх Болгарский. М., 1824, с. 178—188. Ср. Троянские сказания. Средневековые рыцарские романы о Троянской войне по русским рукописям XVI—XVII вв. Подготовка текста и статья О. В. Творогова. Л., 1972, с. 1—232.

²⁷ «Извори за българската история», т. XII. София, 1965, с. 310. По данному вопросу существуют различные точки зрения. Вполне возможно, что среди книг этой библиотеки находилась и копия болгарского перевода рассказа о Троянской войне, в которой древние мирмидоняне — воины эпического героя Ахилла отождествляются с болгарами или гуннами. Как известно, по своему происхождению куманы близки этому древнему народу. По этим вопросам см. К. Калайдович. Там же, с. 181; М. С. Дринов. Съчинения, т. I. София, 1909, с. 117; Ив. Дуйчев. Приноси към средновековната българска история. . . Троянската притча и българите. Годишник на Пловдивската народна библиотека и музей. 1937—1939. София, 1940, с. 198—201.

²⁸ Ф. И. Успенский. Образование Второго болгарского царства. с. 101; В. Г. Васильевский. «Образование Второго болгарского царства» Ф. Успенского. ЖМНП, ч. ССIV. СПб., 1879, с. 173; М. Дринов. Разбор сочинения Ф. Успенского «Образование Второго болгарского царства». Записки императорской академии наук, т. 39. СПб., 1881, с. 1—30; Г. Г. Литаврин. Вlahи византийских источников, с. 97; В. Златарски. История. . . , т. II, с. 416—419; П. Муцафчиев. История на българския народ, т. II, с. 36.

²⁹ «Извори. . . », т. XII, с. 310.

Е. Е. Голубинский³⁰, который в целом был настроен по отношению к Калояну сверхкритично, из-за использования им при переписке старых болгарских царских книг. В большинстве своих писем к папе Калоян называет себя господином болгар и влахов, но уже в его первом послании уточнено (почти не имеет значения, принадлежит ли это уточнение папской канцелярии), что письмо было переведено с болгарского на греческий язык, а затем с греческого на латынь³¹. Вызывает удивление, что «потомок благородного дома города Рима»³², т. е. Калоян, не знает латинского языка, а пишет письма по-болгарски. Он также направляет болгарских юношей, в том числе и своего сына, изучать латинский язык³³, чтобы впоследствии использовать их в Болгарии в качестве переводчиков. Исходя из этого становится понятным, почему в некоторых письмах (не столько в их названиях, сколько в действительном содержании) Калоян именует себя лишь болгарским правителем, опуская титул владетельного господаря. Так, в письме № 9 (нумерация по болгарскому изданию) читаем: «Калоян, император болгар»³⁴. Папа не делает в связи с этим никаких замечаний и в свою очередь в письме № 10 называет Калояна лишь «господином болгар»³⁵. В письме № 29 от Иннокентия венгерскому королю Эммериху Калоян вновь назван «господином болгар», а епископ Василий — «болгарским епископом»³⁶. Этими же титулами пользуется папа и в письме к королю Эммериху. Там Калоян назван «господином болгар Иоаницием», а немного ниже в письме поясняется, что не вlahи, а болгары некогда подчинялись Византии³⁷.

Это письмо показывает, на основе каких государственных традиций Калояна признали в Риме преемником. «На третью главу (письма, отправленного папе венгерским королем. — *К. М.*), — пишет Иннокентий, — мы отвечаем таким образом: хотя ты нам пишешь, что если вышеупомянутый Иоаниций захватил и держит ныне часть царства, принадлежащего другому, то он не является господином ничьей земли. В силу этого ты удивляешься, что мы предложили так внезапно, не спрашивая тебя, короновать в цари столь явного твоего врага. Это, говоря без обиняков, до некоторой степени все же не так, так как ты не знаешь полной правды на этот счет. Действительно исстари в Болгарии многие цари короновались апостолической властью — подобно Петру, Самуилу и другим после них. Действительно в результате проповеди нашего священноименитого предшественника папы Николая царь болгар, на чьи вопросы папа весьма часто отвечал, заслужил крещения вместе со всем вверенным ему царством. Но позднее, поскольку греки оказались более сильными, болгары потеряли царское достоинство и даже стали рабами, попав под иго Константинополя, до тех пор пока двое братьев сиречь Петр и Иоаниций из рода прежних царей не начали не столько захватывать, сколько возвращать землю своих отцов. Наконец однажды они одержали замечательную победу над крупными властелинами и многочисленными народами. Впрочем мы не отрицаем, что они могли вторгнуться в некоторые части страны (Венгрии. — *К. М.*), но мы положительно утверждаем, что они вернули себе большую часть страны (Болгарии. — *К. М.*) по праву отцов. Посему мы намерены по

³⁰ Е. Е. Г о л у б и н с к и й. Краткий очерк истории православных церквей — болгарской, сербской, румынской или молдавлахийской. СПб., 1871, с. 274 (подстрочное примечание).

³¹ «Извори. . .», т. XII, с. 309.

³² Там же, с. 308.

³³ Там же, с. 360—361.

³⁴ Там же, с. 319.

³⁵ Там же, с. 320.

³⁶ Там же, с. 349.

³⁷ Там же, с. 352—353.

примеру нашего предшественника короновать его царем не чужой земли, а собственной, желая, чтобы и сам он вернул несправедливо отнятую у него землю, а также, чтобы несправедливо удерживаемая земля была ему отдана назад так, как он сам пожелал бы этого от нас, а именно: мы должны распорядиться, чтобы тебе и ему, обеим сторонам земли, где осуществлено было насилие, отпущено было правосудие»³⁸.

За всю историю болгарского средневековья едва ли найдется другой иностранного происхождения государственно-правовой документ, который бы столь деловито, спокойно, точно и наконец беспристрастно признавал историческое право болгар как одной из независимых европейских народностей. Учитывая рассматриваемую здесь проблему, следует подчеркнуть значение признания борьбы болгарского народа за независимость в конце XII в., когда под руководством братьев Петра и Асена болгары одержали «замечательную победу». Они собирают воедино («возвращают») землю своих отцов, и все достигнутое ими в этом отношении не является незаконным, а соответствует «праву отцов». Именно поэтому особо подчеркивается в письме Иннокентия, что они владеют не чужой, а собственной землей. Болгарская литература в присущем ей во времена византийского владычества боевом тоне (наиболее отчетливо выраженном в «Солунской легенде», чья острая памфлетная направленность разоблачает слова солунского митрополита о болгарях — «людоедах»)³⁹ клеймит тяжкое почти двухвековое «константинопольское иго». Следует также подчеркнуть, что эту, как и многие другие истины относительно исторического прошлого Болгарии, папа в письме Эммериху защищает с полной убежденностью: споры здесь излишни. Подобная определенность позиции объясняется не столько ожиданием каких-либо дипломатических или политических выгод в будущем, сколько реальными знаниями относительно прошлого Болгарии.

Однако борьба за освобождение болгарских земель еще не была завершена. Поэтому и в грамоте о подчинении болгарской церкви Риму без каких-либо догматических отступлений (вопреки унии закон, обычай и обряды остались такими, какими были при прежних царях Болгарии и Влахии) Калоян уверял папу в том, что, какие бы новые территории он ни освоил, христианские или языческие безразлично, он подчинит их папскому престолу⁴⁰. Очевидно, что ожидалось территориальные расширения Болгарии на запад, на юг и на север. В западном и южном направлениях, как и ныне, находились области, жители которых придерживались христианства: сербы, венгры, греки и латиняне, а на севере — куманы. Отдельное упоминание о Влахии в золотопечатнике имело для того времени глубокое оправдание. Значительная часть земель к северу от Дуная веками была политически подчинена или находилась в сфере болгарского культурного влияния⁴¹.

Следовательно, не желая по политическим соображениям признавать народный характер болгарского освободительного движения, византийские историки, писатели и политики конца XII — начала XIII в. называли болгар валахами⁴². По аналогичным причинам, испытывая влияние Византии, тот же термин усвоили летописцы Четвертого крестового похода Жофруа де Виллардуэн и Робер де Клари, а 15 годами раньше — австрийский каноник Ансберт, хронист Третьего крестового похода. В целях

³⁸ Там же, с. 353.

³⁹ Б. С т. А н г е л о в. Из старата българска, руска и сръбска литература, т. II. София, 1967, с. 63.

⁴⁰ «Извори. . .», т. XII, с. 335.

⁴¹ В. Т ь п к о в а - З а и м о в а. Долни Дунав — гранична зона на Византийския Запад. София, 1976, с. 1—188. В работе отражена точка зрения румынских исследователей за последнее десятилетие.

⁴² В. Н. З л а т а р с к и. Потеклото на Петра и Асена, с. 45.

защиты не только дипломатическим способом от территориальных притязаний латинян болгарские владетели династии Асеней и наконец Калоян соглашаются на не менее выгодный для них компромисс: принять титул царей и болгар и владов. Таким путем восстанавливалось положение в болгарском государстве, сходное с существовавшим в IX в., когда князь Борис вел письменные диалоги с папой Николаем I. Стремясь укрепить собственное влияние на всем Балканском полуострове, воспринимает версию о римском происхождении Асеней и папа Иннокентий III, признавший их потомками прежних болгарских царей. Так на протяжении примерно одного десятилетия развертывается активная политическая борьба, все участники которой преследовали различные цели, но более всего выгодной она оказалась для Болгарии⁴³.

Сколь непостоянными были выгоды других партнеров можно судить по письмам императора Генриха Фландрского папе в связи с пленением его брата императора Болдуина царем Калояном. С неестественной для римлянина ненавистью к другому римлянину Генрих презрительно называет Калояна «этот влах Иоаниций»⁴⁴ и утверждает, что город Одрин был самым укрепленным городом Греции, находящимся «по соседству с народом влахским». Без сомнения, что под именем «влаха Иоаниция» и «народа влахского» выведены Калоян и болгарский народ. Как хорошо известно, Задунайская Влахия никогда не соседствовала с Одрином, непосредственно не граничит с ним и «Мегали Влахия», т. е. нынешняя Фессалия. Истина была понятна для современников, хотя и затушевывалась в угоду высшим государственным интересам и соображениям.

Для крестоносцев и их летописцев Калоян был презренным «влахом», так как его наступательная воинственная политика лишила их испытанных военных и политических руководителей. Недооценив полководческие способности болгарского владетеля, пали жертвой собственного высокомерия император Болдуин Фландрский, маркиз Бонифаций Монферратский и граф Луи де Блуа⁴⁵. Виллардуэн отмечает, что войска Калояна («короля Болгарии и Влахии») были составлены из куман, болгар и греков⁴⁶. Ему также принадлежит уточнение, что погибший в битве с болгарами маркиз Бонифаций Монферратский был некоторое время королем Солуни⁴⁷.

Если император Генрих с нескрываемой насмешкой говорил о влашско-римском происхождении династии Асеней, то немного времени спустя греческие писатели начинают говорить по-другому. Из интересного послания охридского архиепископа грека Димитра Хоматиана (1216—1234) керкирскому митрополиту Василию Педиадиту очевидно, что Хоматиан «не знает» о существовании владов, но знает о болгарах. «Немногим ранее, — пишет он, — болгарские правители, завладев нашими землями, поставили повсюду в церквах этого края [Юго-Западная Болгария. — К. М.] архиереев из болгар»⁴⁸. И дальше: «Власть же царства в это время (начало XIII века. — К. М.) распространилась почти на всю Болгарию, когда и сам император ромеев сбежал из Цариграда и прибыл сюда, а тогдашний цариградский патриарх вступил в переговоры с царем болгар»⁴⁹.

⁴³ Д. Ангелов. Рецензия за труда на Всеволод Николаев «Потеклото на Асеневиц и етническият характер на основаната от тях държава» «Исторически преглед», год. III, кн. 3. София, 1948, с. 378.

⁴⁴ «Извори. . .», т. XII, с. 365.

⁴⁵ Жофруа дьо Виллардуэн. Завладяването на Цариград, с. 269, 327.

⁴⁶ Там же, с. 275.

⁴⁷ Там же, с. 326.

⁴⁸ П. Ников. Принос към историческото изворознание на България и към историята на българската църква. Списание на Българската академия на науките, кн. XX(11). София, 1921, с. 45.

⁴⁹ П. Ников. Принос. . ., с. 47—49. О связях Цариградской патриархии с Болгарией см. «Извори. . .», т. XII, с. 319.

В этом послании Димитра Хоматиана, содержащем столь ясные этнические и государственно-правовые термины, обсуждался вопрос, считать ли болгарских епископов законными. Естественно, ответ был отрицательным, вследствие чего в случае захвата юго-западной части Болгарии войсками деспота Эпира болгарским епископам угрожало изгнание. На местах осталось лишь низшее духовенство. По субъективной оценке Хоматиана, причиной этого было «естественное человеколюбие и наконец ненормальное состояние дел». В действительности же охридский архиепископ не имел другого выбора. В густо населенные болгарами области ему было невыгодно, хотя бы в первое время, посылать греческих священников: они говорили на непонятном диалекте языка. Что касается высшего духовенства, то было постановлено следующее: «Рукоположенные в Загоре болгарские епископы, начиная с сегодняшнего дня (т. е. дня, когда было принято это решение. — К. М.), полностью отлучены от церкви»⁵⁰.

Со второго десятилетия XIII в. отказываются от этнического понятия «влахи» и болгарские писатели. Так, например, большая часть Синодика, изданного во времена царя Борила (1207—1218), была переведена «с греческого на болгарский язык»⁵¹. В более позднем добавлении о восстановлении болгарской патриархии говорится: «Великий и благочестивый царь Асень, сын старого Асеня, который испытывал великую любовь к Богу и прославил и просветил болгарское царство больше всех болгарских царей, правивших до него, ... обновил болгарское патриаршество». Далее подчеркивается, что Иван Асень был «христоролюбивым болгарским царем» и что храм Вознесения Христова в Тырнове был «матерью болгарской церкви»⁵². Болгарский характер Второго царства четко и категорично подчеркнут в Тырновской надписи царя Ивана Асеня II по поводу одержанной им в 1230 г. победы у с. Клокотница над эпирским деспотом Федором Комниним. Как и в Синодике, в ней отмечается, что Иван Асень был сыном старого Асена и что он — «в Христа Бога верный царь и самодержец болгарский»⁵³. При этом в тексте надписи содержится ряд элементов северовосточного болгарского наречия, которые и ныне являются его отзвуками. Из этих элементов достаточно указать два: «Разбих(ъ) войскѣ грѣцкѣ» и «кюр(ъ) Тодора Комнина». Хотя в целом и сохранены старинные формы правописания, но морфологическая структура надписи ощутимо приближена к современной болгарской речи. Однако это уже другой вопрос.

Не встречается упоминание о влахах из Болгарии и в Хронике Георгия Акрополита. В своем рассказе о династии Асений, и в частности о Калояне, Георгий Акрополит пользуется лишь названиями «болгары», «болгарский». Ему принадлежит важное сообщение, будто бы Калоян настаивал, чтобы его в противовес Василию Болгаробойце называли Ромебойцей⁵⁴. Эту антиномию также можно исторически объяснить, учитывая обсуждаемый здесь вопрос о том, какой смысл вкладывал Никита Хониат, и не только он, в понятие «мизийцы».

⁵⁰ П. Н и к о в. Принос. . . , с. 57. «Загорой» называл Болгарию и папа Иннокентий III в некоторых своих письмах болгарскому архиепископу Василию. Папа называл Василия «архиепископом Загоры». Подобная терминология характерна для сербской житийной литературы времени царя Борила. См. В. Н. З л а т а р с к и. История. . . , т. III, с. 281.

⁵¹ М. Г. П о п р у ж е н к о. Синодик царя Борила. София, 1928, с. 80.

⁵² Там же, с. 62 и сл. Новый вариант рассказа о восстановлении болгарской патриархии публикует В. S t. A n g e l o v. Deux contribution de l'histoire de la culture medieval bulgare. «Byzantinobulgarica», t. IV. Sofia, 1973, p. 82—83. Ср. Ст. К о ж у х а р о в. Неизвестен летописен разказ от времето на Иван Асен II. «Литературна мисъл», г. XVIII, кн. 2, 1974, с. 123—135.

⁵³ В. Н. З л а т а р с к и. История. . . , т. III, с. 593.

⁵⁴ «Извори. . . », т. XV, София, 1971, с. 155—156; В. Н. З л а т а р с к и. История. . . , т. III, с. 268—269.

Возникновение Второго болгарского царства было отмечено распространением легенды о том, что св. Димитрий Солунский покинул свою постоянную резиденцию в Солуни и переехал в Тырново. Позднее по дипломатическим соображениям возникла и вторая легенда: о римском происхождении новой царской династии и управляемом ею народе. Но несмотря на это, в 1195 г. Асень I Старый перенес мощи св. Ивана Рильского из Софии в Тырново и тем самым вполне определенно подчеркнул национальный характер и политическую независимость освобожденного им болгарского государства. Это понимание практического значения происшедшего содержится и в его речи, где дана оценка деятельности императора Алексея III Ангела (Комнина)⁵⁵. Эта речь, хотя вполне вероятно и сочиненная Никитой Хониатом, является подтверждением, своеобразной художественной иллюстрацией тех нравственных и политических принципов, на которых братья Петр и Асень, и особенно Асень, основывали свои действия, выступая во главе освободительной борьбы болгарского народа с конца XII в. Их девизом, которому они следовали, учитывая стратегические и тактические моменты, с осторожной расчетливостью, было: «Не доверяй слухам!»⁵⁶.

Продолжавшаяся два десятилетия борьба за независимость Болгарии завершилась успехом потому, что, как отмечал Никита Хониат, современные ему правители Византии забыли завет императора Василия II Болгаробойцы: быть всегда начеку в отношении владх. Как известно, в течение сорока лет Василий II не воевал с владхами, он избрал объектом своей военной деятельности болгар, откуда и получил свое прозвище⁵⁷. Это обстоятельство следует учитывать при решении вопроса, собрались ли в начале мятежа в Тырнове около церкви св. Димитра представители «двух народов» (т. е. болгары и владхи) или «двух полов» (т. е. мужчины и женщины). На наш взгляд, отдать предпочтение следует второму предположению⁵⁸.

Примечательно, что в зависимости от обстановки и практических соображений могли меняться представления и «этнического» характера. О том, насколько это верно, свидетельствует письмо № 17 Калояна к папе Иннокентию III. Рассуждая о необходимости иметь для болгарской церкви свое «святое миро», Калоян пишет, что миро получить от греков в Тырнове они не могут, ибо греки ненавидят болгар («нас» и «вас») (т. е. латинян)⁵⁹. Язык и содержание письма будничны и просты и вместе с тем глубоко историчны и верны. Тот, кто достиг подобной глубины понимания ценности и значения обыденного, мог во имя интересов развития пойти не на один компромисс.

Исторические источники свидетельствуют и о том, что владхи участвовали в освободительной борьбе болгар в 1185—1187 гг. Однако не они являлись основной военной силой, определявшей массовый характер борьбы. Тем не менее их участие послужило доказательством и контрдоказательством для четырех точек зрения: византийской, франко-итало-немецкой, папской и болгарской. С учетом сложившихся на Балканском полуострове в конце XII — начале XIII в. политических отношений этим фактом

⁵⁵ Никиты Хониата История. . ., с. 156—159.

⁵⁶ Ф. И. Успенский Византийский писатель Никита Акоминат из Хон, с. 146; С. т. Младенов. Потекло и състав на средновековното българско «българоунь», прикор на цар Асеня I. Списание на Българската академия на науките, 45, 1933, с. 49—66. По мнению Младенова, «българоунь» означает «мудрый», «знающий».

⁵⁷ Б. Примов. Създаването на Втората българска държава. Автор обращает внимание на это обстоятельство.

⁵⁸ И. в. Дуйчев. Въстанието в 1185 г. и неговата хронология, с. 343. Именно такую позицию и занимает автор.

⁵⁹ «Извори. . .», т. XII, с. 337.

оперировали тогдашние политические деятели Балкан, да и не только Балкан. Как с полным основанием подчеркивает Г. Г. Литаврин, название влахи и его распространение в конце XII — начале XIII в. есть результат специфики политического мышления византийских писателей той эпохи. Болгарией назывались преимущественно земли, входящие в пределы Самуилова царства⁶⁰. Таким образом современный анализ подтверждает точку зрения Ф. И. Успенского⁶¹ о том, что, говоря о болгарях, византийские писатели XII—XIII вв. (прежде всего имелся в виду Никита Хониат, но не он один) были тенденциозны. В целом византийские историки стремились говорить как можно меньше о болгарях и Болгарии. Упомянув же о ней (как например писатель Георгий Антихийский), доносили до читателя чувство неприязни⁶².

Царь Калоян хорошо знал расстановку политических сил на Балканах и в Европе, горько переживал насильственную смерть двух своих братьев и стремился осуществить их замыслы. Он многого просил у папы, но не получил всего желаемого и притворился, что не испытывает чувства досады. Такая линия поведения была присуща и самому папе Иннокентию III⁶³. Вот почему в историографии существует точка зрения, что царь Калоян был одним из наиболее крупных болгарских дипломатов эпохи Средневековья⁶⁴. «Его деятельность, — заключает Ников, — делает Калояна одним из самых реалистичных болгарских политиков, обладавших тонким чувством ощущения переживаемого момента и возможности осуществить задуманное и всегда руководствовавшихся этим чувством»⁶⁵.

Со смертью царя Калояна отпала необходимость в спекулятивном или полуспекулятивном жонглировании некоторыми понятиями⁶⁶. И вновь новая легенда положила конец старой. В окрестностях Солуни получили распространение слухи о том, что болгарский царь был убит покровителем города св. Димитрием. Эта легенда как будто положила конец старым версиям. «Все»⁶⁷ было достигнуто — Болгария раз и навсегда была освобождена от византийской опеки.

Более двухсот лет назад с присущей ему прозорливостью Паисий Хилендарский отметил это обстоятельство. Используя некоторые из известных ему фактов относительно Тырновского восстания и династии Асеней, он провозгласил близкий по звучанию к народным преданиям, патриотический для своего времени призыв: «Да живить Асенъ! Многая лътасъну царю!»⁶⁸. Призыв этот содержит оценку проявленного представителями династии, и особенно Калояном, умения в сложной политической обстанов-

⁶⁰ Г. Г. Литаврин. Влахи византийских источников, с. 97.

⁶¹ Ф. И. Успенский. Образование Второго болгарского царства, с. 101—104. Эта точка зрения не изменилась и после опубликования рецензии В. Г. Васильевского. Там же, с. 174.

⁶² Г. Цанкова, П. Тивчнев. Нови данни за историята на софийската област през последните години от византийското владичество. Известия на Института за история, т. 14—15. София, 1964, с. 315—323.

⁶³ Е. Е. Голубинский. Краткий очерк. . . , с. 274.

⁶⁴ П. Ников. Българската дипломатия в началото на XIII век. Българска историческа библиотека, I, кн. 3. София, 1928, с. 76—108; Б. Чолпанов. Цар Калоян. Сб. Бележити българи, кн. I. София, 1967, с. 215—241. Автор подробно рассказывает о Калояне — военном стратеге и полководце.

⁶⁵ П. Ников. Там же, с. 107. Ср. со старой работой В. В. Макушева. Болгария в конце XII — первой половине XIII века. Варшава, 1872.

⁶⁶ Д. Ангелов. Итальянски извор за българската средновековна история. «Исторически преглед», 1972, № 6, с. 96. Использование итальянским историком А. Дандоло в XIV в. термина «царь влахов» применительно к Калояну является отражением терминологической инерции и воспринимается как запоздалый рецидив.

⁶⁷ Ф. И. Успенский. Там же, с. 255—256.

⁶⁸ И. Иванов. История славеноболгарская, събрана и нареджена Паисием иеромонахом. София, 1914, с. 36.

ке избрать правильную позицию, выгодную с точки зрения интересов борьбы за процветание Болгарии.

В самом деле, «влах Йоаниций» был необыкновенным человеком. Он сумел удержать у себя в продолжении целых двух лет греческого униатского архипресвитера из Бриндизи Доминика и лишь по истечении 730 дней поверил, что он не изменник, а посланник папы Иннокентия III⁶⁹. Калоян понимал: чтобы преуспеть в своей деятельности (сам он считал себя не только преемником, но и потомком болгарских царей Симеона, Петра и Самуила), он должен быть внимательным и осторожным. В основе мировосприятия Калояна лежали прочные знания о том, что в эпоху Первого царства Болгария владела землями к северу от Дуная, превратившимися в XI—XII вв. в постоянное местопребывание влахского народа, чувствовавшего себя исторически связанным с болгарами и посему принявшего участие в их освободительной борьбе.

Так в военном и дипломатическом сражении на нескольких фронтах 800 лет назад Болгария воскресла для новой жизни. Уместно считать, что создание Второго болгарского царства по своему значению разнозначно событию, положившему в 681 г. начало болгарскому государству.

⁶⁹ «Извори. . .», т. XII, с. 310—311.

М. М. ФРЕЙДЕНБЕРГ

ПРОБЛЕМЫ РАННЕЙ ИСТОРИИ ДУБРОВНИКА В НОВЕЙШЕЙ ЮГОСЛАВСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Не всем столетиям одинаково повезло в дубровницкой историографии. Исследователи, по крайней мере в последние годы, предпочитают века расцвета — XV—XVI; в это время республика превратилась в мощный фактор и балканского и средиземноморского развития, да и источников по этим двум векам сохранилось немало. Историю предшествующих столетий, например, XIII века, югославские исследователи изучали менее пристально. Следует поэтому оценить то, что произошло за последние годы.

Хотя Задар, Сплит, Дубровник зафиксированы в источниках как города уже с конца IX в., — по-настоящему оценить их городское развитие становится возможным только с середины XIII в. Даже коммунальные хартии, полученные городами в самом начале XII в., не дают реальной картины происходящего внутри городских стен. Лишь с последней трети XIII в. начинают записываться городские статуты, создается нотариат, вводится регулярное оформление и хранение актов — в распоряжение исследователя поступает обильный документальный материал. Первые дошедшие до нас нотариальные книги из Дубровника датируются 1278—1282 гг. После их публикации прошло уже около тридцати лет¹, за это время было выявлено множество новых текстов.

Профессор Й. Лучич одним из первых приступил к публикации накопившегося материала. На протяжении нескольких лет он регулярно издает на страницах «Архивного вестника»² неопубликованные акты из дубровницкого архива — распоряжения венецианских властей, письма епископов, постановления коммуны, договоры с соседями, частнопровольные акты обычного городского содержания (продажа соли и масла, уплата долга, земельные сделки) — всего опубликовано 43 документа. Особенно интересны соглашения с Анконой и Реканати (1206), грамота дожа Райнерия Зено о споре между Дубровником и Корчулой, разрешение Карла Неаполитанского вывезти 300 мер («сальм») зерна в Дубровник. Каждая публикация строго выдержана археографически, она содержит, как правило, вводную характеристику документов, их опись и текст *in extenso* — добротная, серьезная работа.

Данные XIII в. не только вводятся в научный оборот, но и активно исследуются. Й. Лучич подвергает анализу систему торговых связей Дубровника с остальными далматинскими городами, с итальянскими ком-

¹ Они были изданы Г. Чремошником в 1951 г.

² J. Lučić. Neobjavljene isprave i akti XIII stoljeća iz Dubrovačkog arhiva. «Arhivski vjesnik», X, Zagreb, 1967, s. 117—133; XIII, 1970, s. 381—395; XV, 1972, s. 55—68; XVI, 1973, s. 109—122.

мунами, даже с Испанией и Англией. Результаты этой работы изложены в серии статей, каждая из которых по существу исчерпывает тему ранней коммерческой истории республики (на более раннем этапе, в XII в., например, она почти не поддается изучению). Эти статьи строятся, как правило, по географическому принципу (Дубровник и Задар, Дубровник и Эпир и т. д.), в них использован весь существующий и известный материал, архивный и опубликованный, примечания наполнены выдержками из текстов, наконец, в приложениях Й. Лучич приводит наиболее яркие документы, извлеченные им из архивов. Ему удастся установить, что в первые десятилетия после установления своего господства над Дубровником в 1205 г. Венеция не ограничивает свободы дубровницкой торговли, стремясь только не выпускать ее за пределы Адриатики, и в течение всего XIII в. морская торговля города преобладает над сухопутной. В Дубровник быстро переселяется ремесленное население других далматинских городов. Во взаимоотношениях городов друг с другом важную роль играют совместные судебные собрания, именуемые «станак»³. Наконец, коммерческие связи Дубровника со всем Средиземноморьем создаются как бы тремя кругами — от Омиша до Албании; от Истрии до Эпира и от Венеции, включая всю Италию, до Апулии⁴.

Есть еще одно исследование о XIII в. в истории Дубровника. В обстоятельной статье М. Брандт подверг анализу отношения города с богомильской Боснией, выяснив, что помощь, оказанная Дубровником боснийским государям, имела целью противодействовать венгерскому проникновению⁵. Но этот этюд по политической истории стоит особняком, преобладает изучение социально-экономической структуры.

Проявляют интерес югославские исследователи и к ближайшей к Дубровнику сельской округе, так называемой Астарее. История здешнего крестьянства представляет двойной интерес — и с точки зрения судеб пригородной европейской деревни и потому, что ни в одном районе Балкан не сохранилось такого количества источников, как здесь⁶. Опираясь на отличное знание архивов, Й. Лучич приступает к решению этой задачи, на протяжении ряда лет он публикует результаты своих исследований отдельными статьями, прежде чем в 1970 г. сводит их в книгу⁷.

Астареей именовались материковые земли, с раннего средневековья вошедшие в состав дубровницкого дистрикта, и в течение нескольких столетий, вплоть до 1333 г., до приобретения п-ова Пелешац, бывшие основным объектом аграрной политики города⁸. Дубровчанам приходилось оборонять эту территорию во время войн, особенно частых в XII—XIII вв. при первых Неманичах. Для управления этим округом коммуна создала специальный аппарат, где назначенные городом магистраты (князь, вице-князь) функционировали параллельно с сельскими сходками («сбо-

³ J. L u č i ć. O pomorskim vezama Dubrovnika sa Zadrom i ostalim gradovima Dalmacije u XIII stoljeću. «Pomorski zbornik», br. 4. Zagreb, 1966, s. 355—379; «Prilog povijesti veza između Šibenika i Dubrovnika u srednjem vijeku». «Historijski zbornik», god. XXI—XXII. Zagreb, 1968—1969, s. 329—342.

⁴ J. L u č i ć. Pomorsko-trgovačke veze Dubrovnika na Mediteranu u XIII stoljeću. «Rad Jugostavenske Akademije znanosti i umjetnosti», knj. 359. Zagreb, 1971, s. 133—161; «O najranjim vezama Dubrovnika s Engleskom i Španjolskom». «Historijski zbornik», god. XXVI—XXVII. Zagreb, 1975, s. 183—200.

⁵ M. B r a n d t. Dubrovnik i heretička Bosna u prvoj polovini XIII stoljeća. «Ana li Historijskog instituta u Dubrovniku», god. XII. Dubrovnik, 1970, s. 27—58.

⁶ Вот почему исследователи континентальной сербской деревни все чаще обращаются к дубровницкому архиву. См. М. Б л а г о ј е в и ћ. Земљорадња у средњовјековној Србији. Београд, 1973.

⁷ J. L u č i ć. Prošlost Dubrovačke Astoreje. Dubrovnik, 1970.

⁸ J. L u č i ć. Dubrovačka Astoreja (granice i područje do 1366). «Beritičev zbornik». Dubrovnik, 1960, s. 49—55.

ры») ⁹. Земля вблизи города обрабатывалась особенно интенсивно. Площадь, засаженная виноградной лозой, стоила примерно в 3,5, а кое-где и в 5 раз дороже пашни, но в XIV в. цены меняются — пашня стоит все дороже, виноградники дешевлеют. Ассортимент сельскохозяйственных культур чрезвычайно широк, зерновые находятся здесь на последнем месте по сравнению с виноградной лозой, овощами, фруктами. Наконец, автор отмечает важное место в хозяйстве пригородной деревни ремесел (добыча камня, производство извести и черепицы), морского извоза, поставок на рынок продуктов скотоводства, навоза ¹⁰ — по степени насыщенности ремесленно-промысловыми занятиями дубровницкая деревня была типична для всей Далмации. Характеризует Й. Лучич и систему землевладения, высказывая важную мысль о том, что на эдешних малых площадях даже крупные хозяйства не превышали 15—25 га ¹¹.

В обширной публикации Й. Лучич затрагивает вопрос более позднего времени — о приобретении и сохранении дубровницкой коммуной территории так называемого Приморья ¹². Эта борьба разворачивается в 1399—1405 гг., и одним из ее самых интересных эпизодов становится распределение вновь приобретенных земель. Все Приморье было разделено на 29 равных частей — «десятин» (*decennae*), каждая из которых, в свою очередь, делилась на 10 долей или 40 четвертин. Аналогичный раздел уже производился ранее, в связи с приобретением Стона и Пелешаца, и при его изучении исследователи обычно обращали внимание на то, сколько долей получили нобили и простолюдины, т. е. на социальный характер раздела ¹³. На это же обращает внимание и Й. Лучич. На наш взгляд, материал, собранный и опубликованный им в обширном приложении ¹⁴, позволяет изменить ракурс рассмотрения и обратить внимание на принципы общинного равенства, положенные в основу этого раздела. Элемент общинной эгалитарности в развитой городской коммуне — вот факт, на который до сих пор не обращали внимания, но который бросается в глаза и вызывает далеко идущие сопоставления.

Но самой интересной и содержательной является в исследованиях Й. Лучича проблема крестьянской зависимости в окрестностях Дубровника, и при этом не колоната (аренды, когда повинности крестьянина ограничивались долей урожая), а так называемого кметства. Различие между колонатом и кметством ощущается в Далмации повсюду. В задарском округе, например, в Равних Котарах оно сводилось к тому, что кмет был втянут в сферу воздействия не столько города, сколько феодальной вотчины, более «полнонаделен», больше обязан отработочной рентой ¹⁵. Кметство не только территориально распространено, но и хронологически устойчиво — оно доживает до конца XIX в., и естественно, что в XIX в.

⁹ J. L u č i ć. Uprava u Dubrovačkom vangradskom teritoriju (Astoreja). «Arhivski vjesnik», VI, 1963, s. 231—250.

¹⁰ J. L u č i ć. Grane privrede u Dubrovačkoj Astoreji (do u polovinu XIV st.). «Anali Historijskog instituta u Dubrovniku», god. X—XI. Dubrovnik, 1966, s. 135—163.

¹¹ J. L u č i ć. Vlastela kao zemljovlasnici u okolici Dubrovnika (Astoreji) (do 1366. godine). «Istorijski glasnik». Zagreb, 1966, br. I, s. 61—87.

¹² J. L u č i ć. Stjecanje, dioba i borba za očuvanje Dubrovačkog Primorja 1399—1405. «Arhivski vjesnik», XI—XII, 1969, s. 99—201.

¹³ D. R o l l e r. Agrarno-proizvodni odnosi na području Dubrovačke republike od XIII. do XV. st. Zagreb, 1955; Н. П. М а н а н ч и к о в а. Исторические источники о землевладении в Дубровнике во второй половине XIII—XIV вв. «Славяно-балканские исследования. Историография и источниковедение». М., 1972, с. 18.

¹⁴ Тексты 42 документов (решений Большого совета, инструкций чиновникам земельного кадастра 1399 г.) занимают 47 страниц, т. е. больше половины работы.

¹⁵ М. М. Ф р е й д е н б е р г. Деревня и городская жизнь в Далмации XIII—XV вв. Калинин, 1972, с. 116—130.

его судьбы вызывают полемику в литературе. Сейчас историков занимают, разумеется, иные вопросы: что именовать кметством в окрестностях Дубровника? Насколько оно близко к феодальной зависимости? Когда оно появляется?

Значительный вклад в изучение истории местного крестьянства внес Д. Роллер¹⁶, который усматривал главные элементы кметства в том, что кмет получал от земельного собственника дом, именовался его «человеком», обязывался тремя натуралиями в году и скромной извозной повинностью — возить землевладельца от дома до участка. Важную мысль по поводу кметства высказала Д. Динич-Кнежевич — по ее мнению, одной из причин появления кметства явилась «черная смерть» середины XIV в., вызвавшая обостренную потребность в рабочей силе¹⁷. Соглашаясь в принципе с первым и со вторым мнениями, Й. Лучич дополняет их существенным соображением: кметство всегда сопровождалось отработочной рентой, иногда очень значительной — в XIX в. она равнялась 90 дням в году¹⁸.

Свою концепцию Й. Лучич отстаивает в споре с оппонентами¹⁹, для ее окончательного обоснования привлекая тезис В. И. Ленина о четырех признаках барщинного хозяйства в России²⁰. Сопоставляя эти признаки с реальным статусом кмета, Й. Лучич приходит к выводу, что природа кметства не была феодальной²¹. Этот неожиданный вывод сразу же вызывает возражения. Как широко известно, феодализм вовсе не обязательно предполагает существование судебной зависимости крестьянина, а тем более его привязанности к земле (*glebae adscriptitio*), отсутствие которой Й. Лучич особенно подчеркивает у кмета. Дело вполне может ограничиться сословной неполноправностью крестьянина, а она вблизи Дубровника была налицо: далматинский «*districtualis*» никогда не был равен в своих правах с горожанином. Но главное даже не в этом, а в том, что кмет являлся держателем чужой земли, подвергался эксплуатации (для Й. Лучича ее существование не вызывает сомнений), которая в этих условиях могла быть только феодальной.

И еще одно соображение. Й. Лучич постоянно повторяет, что одной из главных причин появления кметства была нехватка рабочей силы (возникшая в XIV в. в результате массовых эпидемий). Но тогда не совсем ясно, почему землевладелец должен был обязательно предоставлять кмету жилье, дом. Ведь если в результате убыли населения возникла избыточная земля, то число безземельных крестьян, не имеющих своего дома, должно было заметно сократиться. А кметство было явно ориентировано именно на таких безземельных. Эту неувязку Й. Лучич не объясняет.

И тем не менее основная характеристика кметства, которую мы находим у Й. Лучича, представляется вполне убедительной, особенно когда она подтверждается еще и островным материалом. В состав дубровницкой территории уже давно входили острова, которые с римских времен (от Плиния Старшего) носили название «Элафитских» — Лопуд, Колочеп, Шипан. Их топонимике, истории аграрной характеристике Й. Лучич уделяет значительное внимание, и именно здесь, на о. Шипан, он находит до-

¹⁶ D. Roller. Ibid.

¹⁷ D. Dinić-Knežević. Utjecaj kuge od 1348 na području Dubrovnika. «Godišnjik Filozofskog fakulteta u Novom Sadu», V. Novi Sad, 1960, s. 11—33.

¹⁸ J. Lučić. Dokumenti o počecima kmetstva u Dubrovniku. «Arhivski vjesnik», IV—V, 1962, s. 213—223; «Agrarno-proizvodni odnosi u okolici Dubrovnika». «Zgodovinski časopis», letnik XXII. Ljubljana, 1968, s. 61—95.

¹⁹ J. Lučić. O počecima kmetstva u Dubrovačkoj Astoreji (s osvrtom na zadarsko područje). «Arhivski vjesnik», XV, 1972, s. 265—296.

²⁰ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 3, с. 185—186.

²¹ J. Lučić. O počecima..., s. 294—295.

казательства существования кметства уже с конца XIII в.²² Это дает ему возможность еще раз обосновать тезис о том, что дубровницкая коммуна обязана появлением кметства вовсе не приобретению значительных территорий Стона и Пелешаца, для обработки которых, как полагают в литературе, уже не хватало прежней рабочей силы, а серьезной внутренней перестройке.

Островной материал позволил Й. Лучичу подтвердить еще одну догадку, высказанную при анализе данных из Астареи — о существовании в городской округе не только зависимых крестьян разного статуса, хорошо известных в литературе, но и мелких свободных собственников²³. Он высказывает справедливую мысль и о критериях, с помощью которых можно выявить наличие этой прослойки (например, отчуждение дома или участка при условии, что фамилия человека не встречается в числе зависимых). На о-ве Шипан Лучич находит значительную (43%) прослойку собственников, в числе которых вполне могли быть и свободные крестьяне²⁴.

В последние годы внимание исследователей привлекают ранние этапы истории Дубровника, первые столетия его существования. Акад. Г. Новак начинает рассмотрение этого сюжета с римских времен, доводя его до завоевания Эпидавра славянами в 612—614 гг.²⁵ Выдающийся авторитет в области далматинской истории, Г. Новак пересматривает ряд традиционных воззрений. Так, Эпидавр, по его мнению, был основан не греками, а древними иллирийцами; нет связи между Эпидавром на Пелопоннесе и Эпидавром в Далмации; место, где позднее возник Дубровник, было населено еще в бронзовую эпоху и т. д. Продолжая рассмотрение этой темы, Й. Лучич приводит доводы в пользу того, что Дубровник существовал еще до переселения в него беженцев из Эпидавра²⁶. С особенной тщательностью он исследует политическую историю города и торговую деятельность дубровчан с VII по XII в.²⁷ Полностью средневековая история Дубровника разработана в книге того же Й. Лучича, вышедшей в Загребе годом раньше²⁸.

Книга имеет двойное предназначение: она издана на французском языке и щедро снабжена фотографиями реалий дубровницкого прошлого — резьбы по камню, сокровищ из церковных ризниц, таинственных улочек, живописных окрестностей и, таким образом, явно ориентирована на зарубежного читателя, может быть, даже впервые знакомящегося с историей города. В то же время многочисленные примечания с обильной библиографией рассчитаны на знатока, способного проверить доказательность авторского изложения. Сразу же возмативать должное иллюстративному оформлению книги. Это органический компонент книги, самым активным образом служащий замыслу автора. Й. Лучич приводит факсимиле самых редких документов из дубровницкого архива — буллы 1022 г., которой папа Бенедикт VIII жалует паллий дубровницкому архиепископу, акта 1023 г. из архива аббатства на о. Локрум, договоров с Равенной и Пизой, грамоты бана Кулина 1189 г. Насколько мне известно, это первая столь

²² J. Lučić. Prošlost Elafitskog otoka Šipana (do 1300. godine). «Starohrvatska prosvjeta», serija III, sv. 10. Zagreb, 1968, s. 93—163; «Iz srednjovjekovne prošlosti otoka Lastova». «Institut za hrvatsku povijest. Radovi», sv. 6. Zagreb, 1974, s. 5—51.

²³ J. Lučić. Prošlost Astareje..., s. 89.

²⁴ J. Lučić. Prošlost otoka Šipana..., s. 128.

²⁵ G. Novak. Povijest Dubrovnika od najstarijih vremena do početka VII stoljeća (do propasti Epidauruma). «Anali Historijskog instituta u Dubrovniku». X—XI, Prilog, s. 1—84.

²⁶ J. Lučić. O nekim problemima najstarije dubrovačke povijesti. «Historijski zbornik». XIX—XX. Zagreb, 1967, s. 537—547.

²⁷ J. Lučić. Dubrovčani na jadranskom prostoru od VII stoljeća do godine 1205. «Rad JAZU», knj. 369. Zagreb, 1975, s. 5—38.

²⁸ J. Lučić. L'histoire de Dubrovnik. II partie. Zagreb, 1974.

обширная факсимильная подборка подобных памятников, фотографии которой настолько отчетливы, что могут служить пособием по латинской и кириллической палеографии. Богатый опыт работы автора с архивными материалами наложил на книгу яркую печать. Редкий рисунок Дубровника XII в., найденный Й. Лучичем в архиве семьи Гучетичей и вынесенный на обложку книги, служит достойной оправой работы.

Содержание книги довольно разносторонне. Это — происхождение Дубровника, его рост и застройка, его история в IX в., характеристика окрестной территории с точки зрения топонимики (славянской и романской); отношения города с Хорватским государством и Византийской империей, ранняя церковная история города — происхождение архиепископии и первых аббатств; отношение с Сербским государством Неманичей, связи с Италией; наконец, муниципальная и социальная организация города. В рамках этой проблематики автор высказывает ряд важных соображений. Так, он находит в плане древнего Дубровника античные *cardo* и *decumanus* и приходит к выводу, что беженцы из Эпидавра (а также из Салоны!) привнесли в застройку города античные традиции. Впрочем, эти традиции были не только градостроительными, но и коммерческими, мореходческими, административными. Город очень рано становится хозяином соседних земель, тех, за которые, по свидетельству Константина Багрянородного, вносит *tributum pacis* князьям Травунии и Захумья, т. е. самой исконной территории города — Астареи. Очень подробно охарактеризована система торговых договоров, заключенных с итальянскими городами — Мольфеттой, Пизой, Равенной, Анконой, Монополи и Термоли на протяжении с 1148 по 1203 г. Так закладываются основы будущего торгового и морского преобладания Дубровника на Адриатике, ни один далматинский город не может похвастаться такой международной активностью.

Интересны, хотя не бесспорны, наблюдения Й. Лучича над внутренней структурой города. Он поддерживает известное мнение М. Костренчича о ведущей роли епископа в становлении города — по его убеждению, пребывание епископа придавало городскому управлению значение подлинной муниципальной организации. Впрочем, по этому поводу можно было бы привести суждение, недавно высказанное Л. Маргетичем, о том, что община верующих во главе с епископом не играла практически никакой роли в образовании средневековой городской общины²⁹. Важен вывод Й. Лучича о том, что, даже оставаясь под византийским суверенитетом, город в середине XII в. достиг уровня коммунальной автономии. На наш взгляд, в очерке, названном «Экономическая и социальная структура...», социальная характеристика заменена перечнем профессий, а экономический очерк вообще отсутствует, но полнота муниципальной характеристики у Й. Лучича вне всяких сомнений.

Нужна была известная смелость, чтобы взяться за изучение этапа в истории города, так слабо обеспеченного источниками и располагающего в то же время такой обильной историографической традицией. Недаром многие страницы книги Й. Лучича на треть, а то и на половину оказались заполненными примечаниями. Но, может быть, становясь похожей на библиографический справочник, книга приобрела дополнительное достоинство?

В последние годы югославские историки стали проявлять интерес к проблемам отношений между городом и деревней. Упомянем в этой связи небольшую, но характерную статью Й. Лучича «Взаимодействие села и горо-

²⁹ L. Margetić. Rijeka, Creske općine u svijetlu isprave od 5 listopada 1283. i pitanje kontinuiteta dalmatinskih gradskih općina. «Institut za hrvatsku povijest. Radovi», 7, 1975, s. 5—80.

да в далматинском поясе в средние века»³⁰. На материале своих прежних исследований автор стремится выяснить, как конкретно происходит такое «взаимодействие» (так мы понимаем используемый Лучичем мало употребительный термин *prožimanje*). Способы воздействия городской экономики на крестьянство были, по его мнению, многообразны; здесь и практика денежной аренды, и наемный труд, и усвоение крестьянами «динамики и ритма городской борьбы за жизнь». От автора не укрывается устойчивость натурально-хозяйственных традиций на селе, обусловленных сохранением исполщины. Но совершенно непонятно утверждение Й. Лучича, что «в принципе горожанин не занимался земледелием» (с. 216), и только в порядке исключения, может быть, «в раннем средневековье некоторые бедные горожане сами обрабатывали *частичку* (выделено мною. — М. Ф.) своей земли» (с. 217). В отношении далматинского города, в котором всегда был высок удельный вес аграрных занятий, это неправильно.

Подведем некоторые итоги. Мы могли убедиться в том, что ранняя история Дубровника (включая и XIII в.) разрабатывается не очень широким кругом исследователей; работы Й. Лучича занимают в нем видное место. Работам этих историков (в том числе и Лучича) присущи такие положительные качества, как стремление к сплошному обследованию архивных фондов с целью введения в научный оборот максимального количества досих пор неизвестных источников; комплексное использование материалов; насыщенность изложения фактическим, главным образом, архивным материалом. Отметим и то, что исследовательский анализ в этих работах целеустремлен, он подчинен задаче ответить на четко сформулированные вопросы, и авторам не чужда не только экономическая, но и социальная проблематика.

Возможно, следует указать на то, что в рассмотренной нами сфере изучения еще мало сравнительно-исторических исследований, сопоставления хотя бы с другими далматинскими городами, достаточно изученными за последние годы (Задар, Трогир). Это позволило бы более уверенно обосновать дубровницкую специфику и понять, почему так разошлись пути далматинских городов под власть Венеции и Дубровницкой республики, начиная с XV в. Возможно, что есть необходимость и в критическом очерке дубровницкой историографии (хотя бы наиболее исследованных столетий). Но и то, что уже сделано, свидетельствует о несомненных успехах.

³⁰ J. L u č i ć. Prožimanje sela i grada u dalmatinskom pojasu u srednjem vijeku. «Radovi instituta JAZU u Zadru», 20, 1973, s. 211—226.

С. Ф. МУСИЕНКО

МИР И ЧЕЛОВЕК В ПРОЗЕ ЗОФИИ НАЛКОВСКОЙ 1920-х ГОДОВ

Есть писатели неослабевающей силы влияния во времени. И каждое новое поколение литераторов и читателей открывает для себя все новые грани их творчества. К таким деятелям культуры Польши принадлежит Зофья Налковская (1884—1954). Ее творчество — заметное явление польской культуры XX в. В нем отразились сложности, противоречия, важные исторические события и идейно-эстетические искания первой половины XX в.

Литературный дебют писательницы был связан с модными философскими учениями Фрейда и Шопенгауэра, с теориями эстетизма и психологизма, особенно популярными в период «Молодой Польши», с развивающейся в Европе борьбой женщин за эмансипацию. Для первых произведений Налковской, как верно отмечалось в польской критике, характерны камерность, эстетизм, холодное изящество, метафорическая перегруженность¹, но в то же время их высоко ценили за «оригинальность суждений и выводов», «свежесть видения мира», «металлическую чистоту стиля»².

Вступление в период литературной зрелости связано с первой мировой войной, ставшей для Налковской творческим рубежом. В автобиографии, подготовленной для мюнхенского издательства в 1929 г., она писала: «В первый период моего творчества... мне казалось... достаточным критерием мое суждение о мире... Все изменилось, когда вспыхнула война... Я увидела то, чего не знала до сих пор, — чужое страдание»³.

Отношение Налковской к войне обнаруживается и в ее абстрактно-гуманистических декларациях и в горячем сочувствии народным низам — рабочим и крестьянам, скитавшимся по дорогам Европы, солдатам, проливающим кровь. «Война есть зло, — писала Налковская, — независимо от того, за что она ведется»⁴. А в произведениях «Граф Эмиль» и «Тайны крови», над которыми писательница работала в период войны, она тщательно анализировала массовую психологию и «биологические инстинкты масс»⁵. Однако вряд ли можно согласиться с утверждением польского литературоведа Г. Кирхнер о том, что в книге Налковской исследуется война как явление «в его отношении к принципам существования личности»⁶. По сути, тем самым предполагается поза холодного рассудочного анали-

¹ J. K r z y ż a n o w s k i. Dzieje literatury polskiej. Warszawa, 1970, s. 609.

² W. M a c h. O twórczości Zofii Nałkowskiej. В кн. Zofia Nałkowska. Pisma wybrane. Warszawa, 1956, s. 7.

³ Цит. по «Autorzy naszych lektur». Wrocław — Warszawa — Kraków, 1964, s. 147.

⁴ Z. N a ł k o w s k a. Widzenie bliskie i dalekie. Warszawa, 1956, s. 14.

⁵ «Literatura polska 1918—1939», t. I. Warszawa, 1975, s. 634.

⁶ Ibid., s. 635.

Дом, в котором жила Зофья Налковская с 1923 по 1926 год
(ныне ул. Академическая, 15)

тика, познающего «милитаристскую личность» и связанную с ней «психологию преклонения перед авторитетом вождя». Эволюция взглядов Налковской на самом деле шла в направлении осознания войны не только как общечеловеческой трагедии, но и как социального бедствия с конкретным определением ее причин, а порой и указанием совершенно конкретных носителей зла. Свидетельством такой эволюции являются дневники Налковской периода первой мировой войны.

«Война не является чем-то отличным от жизни, это всего лишь конденсация или ускорение ее зла»⁷, — записывает она 2 сентября 1914 г., но уже через несколько дней спокойные размышления сменяются негодующими записями, обличающими бесчеловечность войны. «Творятся вещи дикие, как в самые страшные времена средневековья. Исчезают государства с полями и городами: Любельское и Келецкое вытоптаны, сожжены, изрыты могилами»⁸ (24 сентября 1914 г.). «Массы рабочего люда уходят с беженцами на восток за миражами вывезенных заводов. Оставшихся безработных агитируют выезжать на запад. Так растет новое поражение... За этот год Европа одичала»⁹ (24 августа 1915 г.)

Небезынтересен и тот факт, что уже тогда Налковской был присущ критицизм по отношению к авантюристским планам Пилсудского, спекулировавшего на национальных чувствах народа и романтическом порыве молодежи. В 1915 г. она записывает в дневнике: «С приездом нескольких отдельных легионеров начал врываться... новый вихрь романтизма... Сквозь дым, кровь, неправдоподобие мерцает видение независимой Польши... Однако истина в том, что, по сути, эта жертвенная борьба, это героическое гневное действо — всего лишь манифестация... Мне кажется, что это поражение и трагедия даже в том случае, если тень надежды станет надеждой»¹⁰.

⁷ Z. Nałkowska. Dzienniki 1909—1917. Warszawa, 1976, s. 348.

⁸ Ibid., s. 395.

⁹ Ibid., s. 393.

¹⁰ Ibid.

Памятник Элизе Ожешко в Гродно, на открытии которого выступала Зофья Налковская

Дневники Налковской периода первой мировой войны являются не только важным документом эпохи, но и помогают увидеть писательницу в новом свете, как вдумчивого человека, который понимает, какой трагедией для страны может обернуться холодный расчет польских капиталистов и помещиков, использующих в корыстных интересах свободолюбивые стремления народа. Вместе с этими раздумьями в ее творчестве появляется новый герой — человек сложного психического склада, мучительно ищущий смысл жизни. В каждом новом произведении Налковская показывала, как ширилась пропасть между разными социальными слоями, как в душе человека она порождала разлад между мечтой и действительностью, а несуществляемость надежд вела к пессимизму, бездеятельности, а порой и смерти. Несовершенный мир становился преградой для проявления добра и человечности.

Проблему утраченных иллюзий, известную европейской литературе XIX в., Налковская решала на актуальном национальном материале и в новом эстетическом оформлении. В межвоенном творчестве писательницы соединяются разнообразные тенденции: психологизм, социальность, уважение к факту и философичность.

Анализ чисто психологических конфликтов, которые истолковывались в раннем творчестве Налковской как противоречие между инстинктом и интеллектом (см. «Женщины», «Нарциса», «Змеи и розы»), приобретает элементы социального обоснования уже в «Графе Эмиле» путем противопоставления различных жизненных принципов. Не случайно именно в этот период Налковская констатирует изменения в своем собственном подходе к действительности: «Теперь, — читаем дневниковую запись, — мир

более интересный и более важный вокруг меня, чем во мне»¹¹. Рефлексирующий Эмиль, глубокая, многогранная натура, открывает галерею сомневающихся интеллигентов. В образе Желявы (комендант Эмиля) ощущается нарочитая однозначность: отсутствие мысли, тупость повиновения, солдафонство. «Милитаристская личность», таким образом, описана с нескрываемой иронией, более того, с явным осуждением нищенского тезиса о культе силы. Не случайно в польском литературоведении «Граф Эмиль» расценивается как произведение полемически противопоставленное традициям эстетизма и Молодой Польши¹². В этом романе обозначилась проблематика будущего творчества Налковской, связавшей социальное разложение общества с распадом его моральных норм и деградацией личности, что потребовало большего внимания к историческим событиям и показа общественно-политической обусловленности человеческого характера. Этим объясняется активизация общественной деятельности самой писательницы и ее интерес к политике. А события личной жизни в 20-е годы помогли ей увидеть, как отразилась буржуазная «независимость» Польши на судьбе народа, особенно трагичной для населяющих окраины национальных меньшинств.

В 1922 г. Налковская с мужем, полковником Яном Гожеховским, получившим назначение в гродненскую жандармерию, поселилась в Гродно. Несмотря на принадлежность к высшему обществу Налковская выполняла важное поручение Патроната¹³ — курировала отдел опеки над узниками Гродненской тюрьмы, встречалась с местной интеллигенцией.

Писательница снимала квартиру в доме на одной из центральных (в прошлом) улиц Гродно. Дом сохранился и до сих пор, сейчас в нем помещается районная библиотека.

Трехлетний период пребывания Налковской в Гродно (1923—1926) оставил значительный след в ее творчестве. Он отражен прежде всего в дневниках, которые готовит к печати издательство ПНР «Czytelnik». Фрагменты дневниковых записей этого времени уже использовали польские литературоведы, занимающиеся творчеством Налковской¹⁴.

Непосредственные впечатления о провинции и Гродно, душевные переживания Налковской переданы в романах «Недобрая любовь» и «Роман Терезы Геннерт», составляющих своеобразное проблематическое единство, в сборнике рассказов «Стены мира», томе воспоминаний «Видение близкое и далекое» и др. Как стало известно, писательница работала в Гродно над произведениями «Дом над лугами», «Роман Терезы Геннерт», «Галка».

Гродно и его окрестностям Налковская посвящала интересные очерки и эссе, которые печатала в варшавской и местной периодике. «Это тот край, — говорила Налковская о Гродно в 1924 г., — познание которого было для меня воплощением поэзии в жизни»¹⁵. «Когда я думаю о Гродно, его необычная затуманенная красота кажется мне каким-то удивительным палимпсестом. Столетия оставляли на том же самом месте вечно изменяющиеся формулы прекрасного... Миры запада и востока взаимно стирались, побеждали и леденили друг друга»¹⁶.

В сферу внимания писательницы попали и памятники седой старины города, и величественный Неман, и ласковая, добрая к человеку природа: влажные луга, густой лес на берегу реки, извивающиеся дороги. Однако

¹¹ Ibid., s. 458.

¹² E. P i e ń k o w s k a. Zofia Nałkowska. Warszawa, 1975, s. 39—45.

¹³ Патронат — общественно-политическая организация с центром в Варшаве.

¹⁴ H. K i r c h e r. Najściślejsze zależności. В кн. O prozie polskiej XX wieku. Wrocław, 1974; E. P i e ń k o w s k a. Ibid.; E. Frąskowiak-Wieganđtowa. Sztuka powieściopisarska Nałkowskiej (lata 1935—1954). Wrocław — Warszawa — Gdańsk, 1975.

¹⁵ Z. N a ł k o w s k a. Widzenie bliskie i dalekie, s. 303.

¹⁶ Ibid., s. 308.

с присущей ей чуткостью Налковская передает и трагизм современной ей действительности — страдание народа, видя свою задачу в максимальном приближении к читателю, в совместном ощущении вины и ответственности за несовершенства жизни¹⁷.

Солидарность народа и писателя станет одной из ведущих проблем в художественном творчестве Налковской. Впервые эту мысль она высказала в торжественной речи по случаю открытия памятника Элизе Ожешко в Гродно в сентябре 1929 г.

«Необыкновенное сплетение всевозможных влияний, сплетение проблем, исторических и политических, психологических, национальных и социальных — весь этот узел общественной жизни, затянутый веками, попал в осторожные руки мудрой и бесконечно доброй женщины... Произведения Ожешко воплотили в себе неупорядоченную красоту этого края и все разрушающие его социальные трагедии»¹⁸.

Было бы неверно проводить механические аналогии между творчеством Ожешко и Налковской, однако в творчестве последней ощутима близость к традиции Ожешко в изображении человеческого характера и его социальной обусловленности. Главное не только во внимании к «чужому страданию» и в душевной чуткости, которую проявляли к человеку обе писательницы, но и в беспощадной критике социального зла. Несмотря на литературную славу, Налковская чувствовала себя глубоко несчастным человеком, так как не могла улучшить положение народа. Для Налковской, как когда-то и для Ожешко, горькой школой прозрения было наблюдение над жизнью Гродненщины и особенно знакомство с местной тюрьмой. Муж писательницы не разделял ни ее страданий, ни ее принципов, более того, он запрещал Налковской посещать арестованных, что впоследствии привело к окончательному разрыву между супругами. Сложное сплетение противоречий в личной и общественной жизни объясняет настроения горечи и безысходности, отраженные в дневниках и художественных произведениях 20-х годов: «Я не хочу возвращаться туда (в Гродно), где все вызывает осуждение, — писала Налковская в 1926 г., — где все противоречит моим идеалам, где все толкает меня к смерти. Осталась там моя Диана, мои книги и милые сердцу предметы, осталась тюрьма, которую я любила, но и она мне была так же запрещена, как запрещены близкие мне люди, как запрещено все, что мне дорого»¹⁹.

Наиболее значимые произведения, проблемно и тематически связанные с 20-ми годами — «Роман Терезы Генперт», «Галка», «Недобрая любовь» и «Стены мира» — подводят к итоговому роману Налковской межвоенного периода — «Границе». В этих произведениях заметно расширяется сфера жизненных наблюдений Налковской, что приводит к показу основных социальных слоев Польши — страдающая интеллигенция и бывшие легионеры, разуверившиеся в идеалах пилсудчины; обездоленный, униженный и забытый народ и, наконец, сытые буржуа, остающиеся в выигрыше от любых жизненных перемен. Творческая удача Налковской заключается в достижении логического синтеза в изображении социального и психологического факторов. Каждый характер не только социально обоснован, но и психологически мотивирован. При этом писательница оставляет возможность читателю самому сделать заключение, в чьих руках мир, если кандидаты в положительные герои или уходят из жизни, или остаются на ее обочине.

Некоторые критики межвоенного периода упрекали Налковскую в том, что в ее книгах больше отражена душевная жизнь личности, чем события.

¹⁷ Ibid., s. 136.

¹⁸ Ibid., s. 139.

¹⁹ Цит. по: «O prozie polskiej XX wieku», s. 88.

Нам представляется, что в этом и заключено новаторство Налковской, сумевшей показать Польшу через призму души человека и доказать, что личность живет по законам эпохи, что познание тайны психологии начинается с познания социальных принципов жизни. Качество эпохи писательница определяет тем, какие типы людей становятся вершителями судеб, какая мораль господствует в обществе и, наконец, за какие истины страдает человек.

Налковская никогда не прибегала к открытому дидактизму, а как бы вместе с читателем искала истину и хотела разобраться в сути событий. «В моих книгах я никогда не поучаю и не провозглашаю какой-либо истины, — пишет Налковская. — Должна признаться, что сама ее не знаю. А лишь стараюсь отыскать ее частички здесь и там, распознать ее по маленьким, едва заметным признакам.... Как луч света преломляется в воздухе, так и она (истина) преломляется во мраке и глубинах душ людей, обыкновенных, скромных, страдающих»²⁰.

Поэтому произведения Налковской представляют не только своеобразные экскурсии в глубины психологии, но и являются образцом социально-психологического анализа жизни общества, что дало основание З. Пендзиньскому определить романы и рассказы писательницы как «драмы, одетые в прозу»²¹. Не случаен и тот факт, что критики и литературоведы межвоенного периода видели в прозе Налковской прежде всего философичность. Еще Кароль Ижиковский назвал «Ровесниц» «женским Гамлетом»²². Близок к нему в этой оценке и прогрессивный мыслитель К. Чаховский, считавший, что каждое новое прочтение произведений Налковской открывает «ранее не замеченные тайны содержания и красоту», а в идейном плане определивший их как «гамлетовскую борьбу с действительностью»²³.

Уже в 30-е годы С. Подгурска-Околув предвидела значение творчества Налковской для будущих поколений и подчеркивала его актуальность и историческую достоверность, говоря, что в «Романе Терезы Геннерт» «роится в глазах от живых людей и ситуаций», что здесь «все в движении, как в живом здоровом организме. И если лет через 100 кто-нибудь захочет вникнуть в суть польской жизни на рубеже 1920—1925-х годов, то он должен будет изучить эту книгу как исторический документ. В перспективе времени она не утратит... своей свежести, и, кто знает, не углубятся ли ее светотени»²⁴.

Мы уже упоминали об идейной, проблемной близости «Романа Терезы Геннерт» (1923) и «Недоброй любви» (1928). Первый роман повествует о становлении «независимости» буржуазной Польши, во втором анализируются социально-этические принципы, распространенные в период военной диктатуры. Сходна в обоих произведениях и схема повествования: собственно сюжет и социальный фон, причем оба фактора выступают в диалектическом единстве. Налковская почти исключает принцип описательности внешних событий, деталей, портретов. Значимость приобретает выражение внутреннего состояния персонажей, заключающееся не только в их самостоятельном проявлении, но и в «перекрестном» освещении характеров: поступки героя оценивают окружающие люди, а также автор-повествователь. Сюжетные, проблемные, психологические нити повествования ведут к одному центру — душевному миру женщины. Эволюция героинь и есть процесс воздействия законов общества на психологию личности.

²⁰ Z. Nałkowska. Widzenie bliskie i dalekie, s. 14.

²¹ Z. Pędziński. Dalecy i bliscy. Poznań, 1957, s. 187.

²² K. Irzykowski. Cięższy i lżejszy kaliber. Warszawa, 1957, s. 170.

²³ K. Czachowski. Obraz współczesnej literatury polskiej 1884—1934. Warszawa—Lwów, 1936, s. 378.

²⁴ S. Podgórsk a-Okołó w. Kobiety piszą. Warszawa, 1938, s. 126.

А поскольку Налковская утверждает социальную обусловленность человеческой природы, то внутренний мир персонажа представляется в гуще жизни, а не в изоляции. Постепенно расширяя границы повествования и вводя новых персонажей, Налковская тем самым открывает читателю законы нового этапа в жизни страны: коррупцию, стяжательство, сделки с совестью и откровенную реакционность правительства. Ибсеновский принцип — показ буржуазии как царства компромиссов, — в котором деградация личности становится нормой бытия и даже залогом успеха, писательница переносит на Польшу. Преуспевающие люди в «Романе» постоянно апеллируют к понятиям «реальность мышления», «трезвость поступков», но за ними скрывается страшная правда жизни — царство денег, рабами которого становятся не только буржуа, но и бывшие офицеры, когда-то мечтавшие о свободе и службе родине. Не случайно в ткань повествования писательница вводит слова, выражающие принцип жизни Пера Гюнта «быть собою довольным». В основе жизненного успеха Терезы лежит сделка с совестью и трезвый расчет, бывший офицер Гондзилл превратился в спекулянта и чиновника, который не стесняется запускать руку в государственную казну. Пустозвонство, жонглирование высокими словами и постепенное душевное опустошение привело к тому, что благородные идеалы превращались в «дешевую мечту», за которую можно поплатиться жизнью²⁵. Горькое заключение писательницы: «весь мир превращается в тыл»²⁶ — это и есть результаты трагических изменений. Дегероизация жизни привела к тому, что деятели политики и науки, мечтавшие о счастье и свободе, становятся «бывшими людьми», «ушедшими от самих себя».

Поняв, что революция стала невозможной, романтик Линь попытался кончить жизнь самоубийством. Коммунист Анджей Лятерна вынужден бежать из Польши, чтобы не попасть в тюрьму. Идеалы его сестры Зоси оказались несбыточными в эксплуататорской Польше. Однако безнаказанными остаются хозяева жизни Геннерт и Седновский, легко скрывает свое преступление и полковник Омский. Убийство героини Терезы Геннерт, которое он совершил, трудно объяснить с точки зрения законов разума и логики. И, пожалуй, в его трактовке есть элементы фрейдизма. Однако вряд ли можно согласиться с Х. Кирхнер, сводящей любовь и преступление Омского к «компенсации инстинкта и заполнению пустоты»²⁷. Характер Омского следует рассматривать в сложном комплексе законов действительности. Наделяя полковника индивидуальными чертами собственного мужа, Налковская в то же время представляет читателю определенный социальный тип, в котором находила опору военная диктатура. С психологической точки зрения Омский является однозначной натурой. Основная жизненная позиция полковника заключается в стремлении перенести на мирную жизнь законы войны, для которых характерна жестокость, доходящая до садизма, опора на авторитет вождя. Вот почему так трагичен не только роман самой Терезы, но запутана и осложнена жизнь всей страны. Вот почему обвинение в адрес поколения отцов и бывших легионеров, высказываемое Лятерной, разделяет и писательница.

Смелость оценок и беспощадность приговора, который вынесла Налковская буржуазной Польше в своем произведении, дали основание В. Маху поставить «Роман Терезы Геннерт» рядом с «Кануном весны» и увидеть

²⁵ Z. Nałkowska. Romany Teresy Hennert. Kraków, 1956, s. 176.

²⁶ Ibid., s. 20.

²⁷ H. Kirchner. Proza — Zofia Nałkowska. В кн. Literatura polska 1918—1975, t. I. Warszawa, 1975, s. 638.

в нем «самую отважную социально-политическую интерпретацию начала независимости Польши»²⁸.

На вопрос о том, к чему же привела страну военная диктатура, опиравшаяся на людей типа Омского и Геннerta, отвечает роман «Недобрая любовь». Перенос его действие в далекую провинцию, Налковская расширяет границы повествования и показывает радиус действия законов военного насилия и социального зла. Шумную Варшаву сменяет тихое Гродно. Однако жестокость, коррупция, духовная деградация общества на окраине приобретают еще более уродливые формы. Налковская прежде всего обращала внимание на интерпретацию в романе социальных факторов действительности, чему способствовала и сюжетная конструкция произведения. Действие романа начинается с приезда в провинцию министра Валеви́ча и завершается его повторным визитом. В эти четко очерченные временные и событийные границы писательница помещает все многообразие жизни и социальных изменений санационной Польши. Литературоведы межвоенного периода обратили внимание лишь на жанровый эксперимент и мастерство психологических зарисовок в романе. А. Лорентович даже упрекнул писательницу в том, что она «устроила литературную лабораторию». И лишь К. Выка увидел в творчестве Налковской соединение традиций Стефана Жеромского с тенденциями современного европейского романа. Перемещение в «Недобрый любви» центра тяжести с события на человеческий характер привело Налковскую к социально-аналитическому принципу трактовки психологии личности. В романе намеренно подчеркивается застойность провинциальной жизни после социальной и политической трагедии в судьбе общества и человека. Объектом внимания по-прежнему остается интеллигенция, причем в данном случае подчеркивается ее кастовая замкнутость и духовное банкротство. «Ушедших от своих идеалов людей» Налковская делит на разочарованных, страдающих (старый Слушанский) и приспособившихся к новому времени (Валеви́ч). О первых писательница говорит с явным сочувствием. Не разделяя принципов буржуазной действительности, ненавидя сделки с совестью и коррупцию, они замыкаются в своем страдании, однако их не оставляет тревога о будущем, они стремятся разобраться в новых явлениях революционного движения, в борьбе прогрессивной молодежи. Душевный кризис Слушанского понятен писательнице, которая сама переживала подобные настроения в конце первой мировой войны, что явствует из сопоставления романа с ее дневниковыми записями от 19 сентября 1916 г.²⁹ С позиций пережитых разочарований писательница осуждает соглашательство Валеви́ча, умевшего «любой ценой солидаризироваться»³⁰ с новым строем.

Вот почему писательница и революцию в Польше расценила как смену декораций, как расчет с остатками феодализма и приход к власти буржуазии. Пожалуй, одним из последних «дворянских гнезд» на окраине были Поры — имение старой графини Осенецкой, характер которой, по словам писательницы, «разошелся с ее судьбой». Осенецкая потеряла все во время войны 1914 г., и с тех пор осталось чувство неотвратимости утрат: крестьяне расстреляли ее сына и отняли большую часть имения. Однако Осенецкая видела свою историческую миссию в том, чтобы сохранить старые нормы жизни. Она подчеркивала свое безразличие к страданиям народа, видя в нем причины трагедии дворянства.

И все же социальную эстафету графиня передавать не хотела: ее выр-

²⁸ W. M a c h. O twórczości Zofii Nałkowskiej. В кн. Z. N a ł k o w s k a. Pisma wybrane. Warszawa, 1956, s. 14.

²⁹ Z. N a ł k o w s k a. Dzienniki 1909—1917, s. 442—443.

³⁰ Z. N a ł k o w s k a. Pisma wybrane, t. I, s. 536.

вала из старческих рук Флер — американка, — на которой был женат сын Осенецкой. В отличие от графини, Флер управляла по-новому, с учетом буржуазной перспективы: умела удовлетворять мелкие потребности фольварочных крестьян и слуг, понимала особенности окраинной жизни. В лице Флер писательница представляет новую общественную элиту, а вернее социальный тип буржуа, который поддерживается правительством. Обращая внимание на проявление в характерах персонажей типичных для 20-х годов социальных качеств, Налковская дает обобщенный образ эпохи и подчеркивает, что изменения после первой мировой войны и переворота 1926 г. лишь замкнули круг социального зла. В романе наиболее полно очерчены четыре персонажа, воплотившие социальные и моральные принципы эпохи: графиня Осенецкая (сословное дворянство), генерал Нинота (офицерство), Флер (буржуазия) и, наконец, Валевич.

Верность социальных выводов в романе «Недобрая любовь» связана с изменением мировоззрения писательницы, заключающемся в ее увлечении материалистической философией, идеалами правдоподобия и достоверности в искусстве, с усилением ее внимания к коммунистическому движению. Именно к этому периоду относится дневниковая запись Налковской от 26 октября 1926 г.: «У меня складывается впечатление духовной близости с коммунистами»³¹. А вскоре после ее отъезда из Гродно, появились произведения, в которых писательница обращается к антивоенной проблематике («Галка», 1928), к судьбам народа и деклассированных элементов («Стены мира», 1931).

Роман «Галка» Налковская назвала интернациональным, поскольку до сих пор она обращалась к сугубо польским проблемам. Ведущая идея «Галки» — осуждение войны. Верная социально-психологическому принципу, Налковская не показывает батальных сцен и трагических военных будней, а вскрывает следы войны в душах людей. В произведении легко обнаруживается проблемно-философское, а порой и сюжетное сходство с «Волшебной горой» Томаса Манна, что и дало основание Ю. Кшижановскому назвать «Галку» «исполненной очарования миниатюрой „Волшебной горы“»³².

Вряд ли можно принять определение Кшижановского полностью. Скорее следует говорить о влиянии идей Т. Манна на европейскую литературу, в том числе и на Налковскую. Философско-аналитические сентенции и типы немецкого писателя глубже и многообразнее. «Волшебную гору» называли романом эпохи, романом расчета и прощания с прошлым и в то же время романом, в котором автор предостерегал человечество от надвигающейся угрозы фашизма. Налковская же видела свою задачу прежде всего в осуждении и отрицании войны. Поэтому в «Галке» писательница ассоциирует себя с рассказчицей, участвующей в дебатах о войне, родине, человечестве, вспоминая о милой сердцу Польше. Однако, утверждая пацифистские идеалы, Налковская сумела разглядеть страшную особенность века — шовинистическую пропаганду и разжигание вражды между народами. Поэтому наиболее значительное место в романе отводится дискуссиям, в которых явственно выделяются три главные проблемы: не диктуется ли союз двух народов стремлением поработить третий? Можно ли сохранить пацифистские убеждения, если у народа и страны отнимают жизненно важные территории? И, наконец, возможно ли построение справедливого общества на земле? Эти вопросы, естественно, не могли решить персонажи романа, как и не могла решить их буржуазная интеллигенция 20-х годов. Однако мысль о социальной справедливости у многих

³¹ Цит. по кн. E. Pieńkowska. Zofia Nałkowska, s. 118.

³² J. Krzyżanowski. Dzieje literatury polskiej. Warszawa, 1970, s. 610.

связывалась с Советской страной. Так, одна из героинь, интерпретируя мысли сторонника революционных преобразований Тодцкого, говорит: «Я не знаю, как он себе представляет царство божье на земле, но думаю, что оно очень похоже на Республику Советов»³³.

Главным для героев романа является решение мировых проблем, а личные судьбы играют второстепенную роль, хотя почти все персонажи — люди больные и изолированные от мира. Для Налковской, как когда-то и для Томаса Манна, посещение туберкулезного санатория послужило поводом для показа человеческих судеб в моменты крайнего духовного напряжения, в моменты расчета с прошлым. В произведениях обоих писателей горный санаторий — это волшебная гора, заколдованный мир, в котором находятся люди, утратившие родину, идеалы, смысл жизни. И, пожалуй, на этом сходство кончается, так как Томас Манн в финале своего романа заставлял главного героя Ганса Касторпа вернуться к людям, чтобы обрести свое место в жизни. Налковская же оставляет всех на волшебной горе, т. е. констатирует неотвратимость утраты. Трагичность судеб персонажей «Галки» заключается, главным образом, в том, что они остались в стороне от жизни. И пожалуй, более справедливо соотнести эстетический опыт Налковской с традицией Марселя Пруста, герой которого, живя в полной изоляции от мира, «строит здание воспоминаний», идет «за утраченным временем».

Однако говоря о ситуационном сходстве романа Налковской с прустовским поиском утраченного времени, следует подчеркнуть противоположность их идейных принципов: целью Пруста было привести героя к утверждению одиночества. Налковская же в «Галке» выражает пацифистские идеалы, свойственные европейской интеллигенции 1920-х годов, проводя в произведении основную мысль: «народы не должны угнетать друг друга»³⁴.

Спорным представляется высказывание В. Пентака о том, что Налковская иронически обыгрывает собственные романтические иллюзии³⁵. Сравнение философской и идейной позиции писательницы с миропониманием Сеттембрини является недостаточно обоснованным. Свою задачу Налковская видела прежде всего в том, чтобы показать воздействие войны на судьбы людей и массовость трагедии, вне зависимости от национальных различий и положения в обществе. Персонажи Налковской не борцы, а жертвы войны, которая деформирует человеческую психику, оставляя в душах незаживающие раны. В романе отразились пессимистические настроения, характерные для европейской интеллигенции после первой мировой войны, и духовный кризис общества.

Творческий период 1920-х годов Налковская заключает циклом произведений, тематически связанных с жизнью народных низов. Эти произведения явились своеобразным итогом пребывания писательницы в провинции — в Литве, под Вильнюсом, в Гродно.

Защита заключенных в гродненской тюрьме стала для писательницы делом первостепенной важности, однако его выполнению чинили препятствия не только местные власти и администрация тюрьмы, но и ее собственный муж — полковник жандармерии. В дневниках гродненского периода Налковская сетует на одиночество, всевозможные запреты и непонимание со стороны окружающих. Упоминание о тюрьме мы находим в большинстве ее произведений 1920-х годов, причем образ тюрьмы доводится до символического обобщения беззакония и насилия над человеком, установившегося в санационной Польше. Познанию этого беззакония,

³³ Z. Nałkowska. Choucas. Warszawa, 1970, s. 139.

³⁴ Ibid., s. 26.

³⁵ S. Pięta. Nałkowska. В кн. E. Pieńkowska. Zofia Nałkowska, s. 286.

безусловно, способствовало близкое соприкосновение с миром арестованных, их родственников и страшными тюремными буднями. В художественном творчестве по цензурным соображениям отражена лишь небольшая часть этих наблюдений. С 1926 г. в польской периодике начинают появляться рассказы Налковской о судьбах народных низов: «Неслышимый крик» («Głos Prawdy», 1926), «Семья Марции» («Kobieta współczesna», 1927), «Зависимость» («Świat», 1927), «Преступники», «Утешение», «Счастье», «Женщины там» («Pamiętnik Warszawski», 1930), которые в 1931 г. были объединены в сборник под названием «Стены мира», ставший значительным событием в межвоенной польской литературе. Впервые в центре внимания писательницы оказывается маленький человек, представляющий социальные низы (обездоленное крестьянство гродненщины, городские батраки и узники местной тюрьмы). Налковская открыто выражает свою позицию в решении проблемы народа — в «Стенах мира» явственно ощущается репортажно-документальная тенденция, сливающаяся с авторскими размышлениями о «независимой» Польше. Поэтому описанием гродненской тюрьмы и начинается показ полицейского террора, жестокости и глубокого равнодушия буржуазно-политических заправил к страданиям народа.

Хотя среди обитателей тюрьмы есть как совершившие преступления, так и случайные жертвы полицейского произвола, однако подлинную границу, разделяющую людей, писательница видит в иной плоскости, в социальной структуре общества, где четко обозначились два слоя: страдающие низы и наслаждающаяся верхушка. Эту границу писательница ощущала даже в собственном доме³⁶. Поэтому понятие «стены мира» относится не только к тюрьме, но включает в себе мир социальных низов, а точнее мир белорусского крестьянства, страдающего от двойного гнета (рассказ «Семья Марции»).

В рассказах присутствует тема терпения, слепой покорности судьбе и духовной примитивности крестьянства. Видимо, это дало основание некоторым критикам упрекнуть Налковскую в фаталистическом подходе к проблеме народа. Вряд ли можно согласиться с подобным упреком, ибо сама писательница в каждом произведении рассмотренного периода говорила прежде всего о социальной обусловленности человеческого характера. Так, в «Стенах мира» постоянная тема немного терпения выполняет важную идейную функцию: помогает писательнице мотивировать протест народа против несправедливости жизни. Выражение этого протеста очень различно; психическое заболевание (Марция), попытка самоубийства (Вапуля) и даже преступление (Петров, Ловская). Для Налковской было наиболее важным вскрыть социальные причины преступления, поэтому в рассказах воспроизводится та общественная атмосфера, в которой зреют зерна преступности — крушение нравственно-политических идеалов, приведшее к жестокости, доходящей до садизма («Женщины там»), социальное унижение человека и фальшь («Утешение»), полицейский произвол и беззаконие («Преступники», «Люди в тюрьме»).

Условия санационной цензуры не позволяли Налковской показать политических заключенных. Она лишь упоминает о том, что сидели они в одиночных камерах, куда помещали самых страшных преступников («Люди в тюрьме»)³⁷. Судьбам политических узников писательница посвятила значительную часть своих дневников, ставших известными лишь через много лет после ее смерти. В архивах Налковской сохранилась рукопись под названием «Тюрьма», приложение к дневникам гродненского

³⁶ Z. Nałkowska. Pisma wybrane, t. I, s. 547—548.

³⁷ Z. Nałkowska. Pisma wybrane, t. I, s. 552.

периода, в которых описаны страшные тюремные будни. Эта тетрадь — документ большой политической важности, разоблачающий цинизм и жестокость польского буржуазного правительства. Налковская считала гродненскую тюрьму своей политической школой. Несомненно, она предвидела документальную значимость тюремных записок, касающихся проблем политики и судеб политических заключенных. Поэтому в центре внимания уже не авторские размышления и эмоции, а сами факты и судьбы людей, знакомство с которыми помогает читателю понять, почему народ шел за коммунистами и почему Налковская говорит о своей идейной близости с ними. При описании страданий политических заключенных писательница отмечает, что они подвергаются пыткам, жестоким избиениям, от которых часто умирают.

Современный читатель ощущает восхищение писательницы мужественными борцами за справедливость, которые рассказали ей о тюремном произволе, а порой и поверяли ей важные тайны. Известная польская писательница, жена жандармского полковника, разделяла справедливый гнев белорусского народа, вызванный национальным и социальным угнетением. Это подтверждается, в частности, воспроизведенной в дневниках 1926 г. ее беседой с белорусским партизаном³⁸.

К сожалению, архивные материалы и дневники Налковской гродненского периода очень мало изучены в польском литературоведении. Сама писательница считала, что ее пребывание в провинции помогло ей глубже познать жизнь. Не случайно большинство произведений 1920-х годов связано с гродненской тематикой. Здесь, «на кресах», Налковская почувствовала бездонность пропасти, разделяющей народ и буржуазию, и без колебаний встала на сторону страдающего народа. И пожалуй, с этого периода и начали утверждаться новые гражданско-политические идеалы в ее творчестве, которые привели писательницу в лагерь демократической культуры, связанной с группой «Пшедместье».

³⁸ H. K i r c h e r. Najściślejsze zależności. В кн. O prozie polskiej XX wieku, s. 88.

Е. М. ЧЕРНЕЦОВА

ПОЗДНЕГОТИЧЕСКАЯ СКУЛЬПТУРА В ЧЕХИИ И СЛОВАКИИ

Поздняя готика в Чехии и Словакии охватывает период со второй половины XIV до начала XVI в. За это время в общественном сознании происходят коренные сдвиги, в результате которых в центре мироздания оказывается человек. Все те проявления человеческого бытия, которые ранее подавлялись и осуждались, теперь оцениваются по-новому. Эти изменения получили дальнейшее развитие в культуре Возрождения.

Эпоха поздней готики представляет собой крайне сложный этап в развитии искусства, получивший самые противоречивые оценки¹. К недостаткам изучения этого этапа относятся и то, что не установлены достаточно четко его хронологические границы, нет единой терминологии. В немногочисленной советской литературе по этим вопросам не существует пока устойчивой традиции в его изучении². В русской и советской литературе по истории средних веков проблемы поздней готики почти не имеют освещения, а в зарубежных трудах они получили слишком разные толкования. Достаточно сказать, что в связи с поздней готикой авторы оперируют понятиями декаданс готики, неоготика XV в., Ренессанс, марьеризм, барокко, рококо. Хотя каждое из этих определений опирается на конкретные черты, использование этих терминов вносит элементы модернизации в понимание эпохи. Вместе с тем попытки применить к поздней готике критерии, определяющие различные этапы развития искусства, свидетельствуют о большом своеобразии этого явления. Искусство этого времени лишено стилистического единства. Но вместе с тем можно проследить в нем и общие черты.

Эти черты легко обнаруживаются в скульптуре, которая в большом количестве создавалась для церквей. Определенные тематические типы культовой скульптуры бесконечно повторялись и мало изменялись на протяжении веков³. Поэтому представляется наиболее целесообразным

¹ См. J. Białostocki. Late gothic: disagreement about the concert. «Journal of the archeological association», 3 ser., v. XXIX, 1966.

² См. В. Н. Лазарев. Происхождение итальянского Возрождения, т. 2. М., 1960; Т. П. Знамеровская. Проблемы кватроченте и творчество Мазаччо. Л., 1975; М. Я. Либман. Искусство Германии XV—XVI вв. М., 1964; его же. Западноевропейское искусство около 1400 г. и проблемы так называемой интернациональной готики. В сб. Современное искусствоведение Запада. М., 1977; его же. Проблема эволюции стиля в немецком искусстве XV—XVI вв. В сб. От эпохи Возрождения к 20 веку. М., 1963; Е. П. Ювалова. Искусство чешской и словацкой готики. «Художник», 1972, № 4; ее же. Тржебоньский алтарь. «Искусство», 1963, № 9.

³ А. Я. Гуревич. Категории средневековой культуры. М., 1972, с. 36.

проиллюстрировать стилевые течения поздней готики на пластике этого периода.

Изучение этого этапа развития искусства важно, так как трудно понять самостоятельную ценность искусства Северного Ренессанса без достаточно ясного представления о поздней готике, которая, наряду с высокой, явилась базой Северного Возрождения, мало связанного с античностью. Период развития поздней готики совпадает по времени со значительными успехами в политике централизации в Чехии, где в середине XIV в. насчитывалось около 100 городов⁴. Пражский двор оформился как столица чешского курфюрста и германского императора. Была проведена централизация денежной системы, выделен пражский суд как высший земский орган, учрежден пражский архиепископат⁵, что освободило Чехию из-под церковной власти германского духовенства. В 1348 г. основан пражский университет. Ранний гуманизм Чехии XIV столетия оказал влияние на духовную жизнь всей Европы первой половины XV в.⁶

Урбанизация, развитие ремесел и торговли приводят к политической и культурной независимости городского сословия, которое, являясь в то время наиболее прогрессивной частью общества, начинает играть ведущую роль в культурной жизни⁷. Придворно-рыцарская культура под влиянием городской⁸ приобретает все более светский характер, определивший развитие рыцарского романа и любовной лирики.

Философия в XIV в. постепенно освобождается от схоластического томизма под влиянием номинализма Оккама, который выступил также с критикой политических притязаний церкви, способствуя этим разделению светской и церковной областей влияния⁹. Но, говоря о философии, не следует забывать также о мистике XIV в. Она была новым явлением, направленным против ортодоксальных устоев средневекового христианства и долго прослеживалась в северном гуманизме¹⁰, способствуя более свободному решению священных сюжетов в рамках религиозного искусства.

Сдвиги, происшедшие в культуре, литературе и философии, нашли отражение и в изобразительном искусстве. Оно перестает быть всецело символическим. Реалистические тенденции вторглись уже в высокую готику, знаменуя новую ступень развития средневекового творчества. Поздняя готика характеризуется переплетением реалистических устремлений и консервативных тенденций. Формальное единство, присущее классической готике, нарушается¹¹. Часто с присущим северу тщательным мастерством исполнения художники приходят к большой иллюзорности, но наряду с этим вырабатываются условные приемы. В Чехии сложение национального искусства проходило в позднеготических формах¹², чем и был обусловлен бурный расцвет чешской поздней готики.

Скульптура, изображающая отдельно стоящие фигуры и сцены из

⁴ Б. Т. Рубцов. Чехия накануне гуситского движения. «Труды Одесского государственного университета», т. XII, вып. 1, 1950, с. 40.

⁵ Г. Э. Сачук. К вопросу о положении королевской власти в Чехии в первой половине XVI в. «Ученые записки Института славяноведения АН СССР», т. V, 1957, с. 220.

⁶ E. Winter. Frühhumanismus, sein Entwicklung in Böhmen und deren europäische Bedeutung für die Kirchenformbestrebungen in 14. Jahrhundert. Berlin, 1964.

⁷ A. Hauser. The social history of art, v. 1. New York, 1952, p. 252.

⁸ Б. И. Пуршев. Зарубежная литература средних веков. М., 1974, с. 304—305.

⁹ См. В. Ф. Асмус. Философская мысль в странах Западной Европы. Краткий очерк истории философии. М., 1971, с. 116.

¹⁰ М. Я. Либман. Искусство Германии..., с. 13.

¹¹ A. Hauser. Ibid., p. 261.

¹² Е. Ювалова. Искусство чешской и словацкой готики, с. 47.

библейской истории, все более находит место в алтарях и служит объектом поклонения. Потребность именно в такой пластике привела к вытеснению камня деревом. Очень часто деревянная скульптура богато раскрашивалась, иногда объединялась с живописью, входя в состав алтарных композиций. Теряется монументальность трактовки формы. Появляются мелкие детали, много подробностей. Тяготение к натуре проявляется сначала в мелочах. Изображение лиц приобретает большее разнообразие. Нередко появляются лица с выраженными этническими чертами. Большое значение приобрела линия, богатые изгибы которой вызывают ассоциации с графикой¹³ и повышают декоративность. Но в борьбе с этим возрастает и степень условности: силуэты фигур становятся ломаными, центральная ось часто изогнута, соответствующим распределением масс достигается неустойчивость поз.

Несмотря на узкие тематические рамки скульптура пользуется широким диапазоном возможностей для передачи разных оттенков человеческих переживаний. Желание выявить в религиозных персонажах земное начало свидетельствует об изменениях в системе взглядов людей этой эпохи. Реформация и ереси создают почву для более свободного толкования священного писания. Эта особенность в развитии искусства носила прогрессивный характер и была обусловлена вкусами городского сословия — наиболее передовой части общества. Но, как отмечалось, это не было единственной тенденцией, и дело было не только в сильном влиянии феодальных кругов. Войны, периодические неурожаи, голод, эпидемии, стихийные бедствия создавали предпосылки для стремления уйти от реальности, в которой человек чувствовал себя незащищенным и беспомощным. Такую возможность предоставляли спиритуалистические и мистические учения, находившие выражение также и в изобразительном искусстве. Указанные тенденции редко проявлялись в чистом виде.

Произведения позднеготической скульптуры можно разделить на три группы, хронологически следующие друг за другом: «мягкое», «угловатое» и «розетообразное» стилевые течения¹⁴.

Возникновение и развитие интернационального готического стиля, именуемого иначе мягким¹⁵ или красивым¹⁶, происходит со второй половины XIV в. на протяжении семидесяти лет, конец его совпадает с появлением Ван Эйка во Фландрии и Брунелески и Мазаччо во Флоренции¹⁷. В формировании интернациональной готики ведущую роль играл элемент рафинированной эстетизации, не утративший этой роли и в дальнейшем. Эта особенность дала основания сравнивать мягкий стиль с маньеризмом. «Мягкое» стилевое течение имеет отклонения, выражавшие демократические вкусы. Его представители охотно пользуются отдельными техническими достижениями стиля.

В интернациональной готике преобладает скульптура, представляющая фигуры святых. Рельеф пользуется меньшей популярностью. Для того

¹³ А. К у т а л. Sochařství. В кн. České umění gotické, t. 1. Praha, 1949, s. 77; Ч. А. М е з е н ц е в а. Значение печатной графики для развития немецкой скульптуры 1450—1550-х годов. Л., 1972 (Автореферат кандидатской дисс.).

¹⁴ Виллем Раам считает, что при изучении готической скульптуры следует прежде всего обращать внимание на характер драпировок, которые в этот период являются почти единственным художественным выразительным средством. См. V. R a a m. Goti puuskulptuur eestis. Tallinn, 1976, s. 92.

¹⁵ Я. Вег и М. Я. Либман считают мягкий стиль течением интернациональной готики, но они не объясняют на основании чего выделяют это течение.

¹⁶ Сейчас в Чехословакии все большее распространение получает термин «стиль красивых мадонн».

¹⁷ «The international style. The arts in Europe around 1400». Exhibition. Catalogue. Baltimore, 1962.

Рис. 1. «Пьета» из Тынского собора в Праге, ок. 1390 г.

чтобы представить широту диапазона интернациональной готики можно сравнить две группы «Оплакивания», относящихся к одному иконографическому типу и созданных примерно в одно время. Обе композиции состоят из двух фигур.

«Пьета» из Тынского собора в Праге¹⁸ (рис. 1) относится к «горизонтальному» типу оплакиваний. Крестьянский тип Марии, ее крепко сбитая фигура с широкими плечами мало соответствует представлению о мадонне «мягкого стиля». Складки покрывала образуют внизу ритмический узор, что типично для изображения драпировок в средневековом искусстве. Под одеждой угадываются формы тела. Такая трактовка человеческого тела, заметно приближающаяся к реалистической передаче натуры, готовит почву для проторенессанса.

Лицо Марии лишено идеализации и даже несколько грубовато. Оно выражает страдание. В этом раскрывается человеческая, земная сущность оплакивания. В прощании с сыном мадонна предстает как человек, переживающий глубокую скорбь. Именно эта сторона образа наполняет его вневременным смыслом, благодаря которому он не утратил своего значения до наших дней. Изображая тело Христа, мастер чувствует себя

¹⁸ Все скульптурные произведения, которые будут рассмотрены, экспонировались на выставке «Искусство чешской и словацкой готики», проходившей в Москве и Ленинграде в 1971 г. См. Искусство чешской и словацкой готики. Каталог. М.—Л., 1971. Пьета из Тынского собора в Праге. Прага, около 1390 г. Дерево, спина полая, высота 125 см без полихромии. Прага. Музей города Праги, инв. № 16493.

Рис. 2. «Пьета» из Ленинградского Эрмитажа, ок. 1400 г.

менее уверенно и допускает ошибки, из которых лишь некоторые могли быть оправданы композиционными задачами. В фигуре Христа соразмерны с фигурой Марии и пропорциональны друг другу только руки и голова. Торс укорочен, бедра словно вырастают из грудной клетки. Длинные руки, вытянутые вдоль тела, скрадывают неестественное впечатление, производимое коротким торсом. Вместе с тем с помощью этих деформаций, мало заметных на первый взгляд, достигается удачное расположение тела Христа на коленях мадонны. Подчеркнуто ломанной линией силуэта мастер добивается впечатления аскетически истощенной плоти. Лицо Иисуса грубовато, в чем заметно отличие от общей тенденции поздней готики, где лица имеют ярко выраженный идеализированный характер. Выражение лица говорит о последней страшной борьбе. Суровость и аскетизм образов воплощают религиозную идею. Однако земное начало выражено с наименьшей силой. Это — и материальность фигур, и народность типов, и конкретность одежды богоматери.

«Пьета» из собрания Ленинградского Эрмитажа ¹⁹ (рис. 2) также относится к произведениям интернационального готического стиля. Она близка к тынской по времени создания, но производит иное впечатление. Поза эрмитажной мадонны более экспрессивна. Грубчатые складки плаща,

¹⁹ См. «Пьета». Чехия или Прибалтика, около 1400 г. Камень, спина пластическая, высота 100 см; незначительные остатки меловой основы, на архитектуре трона следы полихромии. Ленинград, Гос. Коллекция Эрмитажа.

типичные для мягкого стиля, создают беспокойный динамичный ритм. Но вместе с тем, мастер ставит перед собой задачу передать реальную ткань: покрывало, обрамляющее мелкими складками лицо, обрисовывает форму головы, под краем плаща, которым накрыта левая рука мадонны, ощущаются пальцы. Изображению фигуры Марии присущи готические условности: пропорции тела вытянуты, поза лишена естественности, которую можно отметить в тынской скульптуре, драпировка, окутывающая тело, не вполне следует его формам. Идеально-обобщенные черты лица создают изысканный и нежный облик Марии. Скульптор ставит перед собой задачу создания утонченного образа с элементами куртуазного светского начала, связанного с рыцарским культом «прекрасной дамы», объектом которого в мистических учениях XIV в. стала мадонна. Примечательно, что ленинградская богоматерь изображена более юной, чем тынская. В этом отразилось мистическое представление об отсутствии возраста у персонажей священного писания²⁰.

В ленинградской скульптуре тело Христа более соотносено с пропорциями фигуры мадонны, но оно менее устойчиво расположено. Лицо Иисуса полно смертной муки. Создание такого образа связано с поклонением Христу страдающему, распространявшимся в проповедях «братьев общей жизни», последователей «нового благочестия»²¹. Но мастер стремится в изображении страданий и смерти сохранить утонченную красоту бога. В результате мистическое начало преобладает, хотя присутствуют и элементы жизненной достоверности.

Две рассмотренные нами скульптуры демонстрируют различие в трактовке одной темы в рамках одного стилевого течения. Однако «Оплакивание» отличается изысканным изяществом, дробностью линий, неустойчивостью фигур, некоторой манерностью поз, которым противостоят материальность, устойчивость, обобщенность линий другой. Оба мастера стремятся к достоверности создаваемых образов, хотя каждый идет к этому своим путем. В авторе тынской скульптуры угадывается значительный художник круга Петра Парлержа — ведущего чешского скульптора тех лет. Он свободно владеет средствами выразительности, присущими интернациональной готике, но идет по пути упрощения форм для достижения большей реалистичности общего впечатления.

Интернациональная готика то приобретает светский, куртуазный оттенок, то мистична, стремится оторваться от реальности. Ее образы — результат идеализации. Мастера, работающие в «мягком стиле», в основном консервируют формальные черты, сосредоточивая внимание на усовершенствовании, доведении до виртуозности технического мастерства. Большое значение имело введение передовыми скульпторами конкретных деталей, которые делали более близкими библейские сюжеты. Эта черта оказывала влияние на консервативное искусство, которое вынуждено было делать подобные заимствования, чтобы не оторваться от тенденций художественного развития эпохи. Между крайними полюсами интернациональной готики существовало множество градаций, где указанные выше черты встречались в разных комбинациях.

Следующим этапом поздней готики является стилевое направление, именуемое «угловатым» или стилем «жестких складок». Эти описательные названия указывают на наиболее характерную черту стилизаций. И если мягкий стиль можно считать сравнительно изученным, то угловатый стиль долго не выделялся из поздней готики и до настоящего времени им занимались меньше. «Жесткий» стиль охватывает время с 20-х годов XV в.

²⁰ А. Я. Гуревич. Категории средневековой культуры, с. 118.

²¹ И. Л. Вильчинская. Альбрехт Альддорфер. М., 1977, с. 62.

до конца этого столетия. Сложение стиля происходило вплоть до середины XV в. Он несколько приближает скульптуру к Возрождению. В живописи же, миниатюре и гравюре такая черта, как ломающиеся складки драпировок, часто сохраняется и в период перехода к Возрождению. Происхождение этого стиля связывается с Нидерландами. В Чехии ознакомление с ним осуществилось через немецкое искусство с некоторым опозданием, вызванным гуситскими войнами (1419—1434 гг.), замедлившими в целом развитие чешского искусства²². Для «жесткого» стиля характерны многофигурные композиции, часто принимающие форму высокого рельефа. Большое развитие получают деревянные, нередко раскрашенные створчатые алтари. Каждая их часть содержит композицию, передающую сцену в интерьере или пейзаже. Такие произведения настолько изобилуют деталями, что вполне могут служить материалом для изучения истории быта²³. Характерен интерес к драматическим сюжетам.

К «угловатому» стилю поздней готики относится статуя мадонны из Словакии конца XV в.²⁴ (рис. 3). Пропорции фигуры еще производят впечатление некоторой вытянутости. Поза естественна, в ней нет чрезмерной экспрессии, характерной для произведений предыдущего течения. Принцип распределения драпировок тот же, что и в интернациональной готике. В верхней части они переданы большими плоскостями, в нижней детализированы и стилизованы. Переливающиеся, плавные изгибы драпировок сменяются резкими изломами²⁵, которые создают причудливую игру линий и светотени. Ткань по-прежнему не связана со скрытым под ней телом, она играет роль экспрессивного средства и декоративного мотива. Образ богоматери как бы приближен к собирательному образу горожанки. В интернациональной готике тенденция подобной трактовки была отмечена в бюргерском течении. В «угловатом» стиле она становится в целом преобладающей, связанной с усилением влияния вкусов горожан и нарастанием стремления следовать натуре. Обнаженное пухлое тело младенца передано естественно. В его левой руке держава, которая больше подошла бы богу-вседержителю. Лицо младенца не по возрасту серьезное, его взгляд направлен на зрителя. Стремление к натуре вступило в конфликт с религиозной идеей и не получило удовлетворительного решения. Насыщенные цвета, энергично заломленные складки одежды, обилие позолоты²⁶ придают скульптуре нарядность.

Другим образом стиля может служить великолепно выполненная деревянная нераскрашенная статуя, считающаяся изображением святой Варвары²⁷ (рис. 4). Святая здесь скорее воплощение идеала женской красоты XV в. Девушка держит книгу. Жест правой руки, лишающий фигуру замкнутости, обращен непосредственно к зрителю, что создает впечатление нарушения границы между святой и простыми мирянами. Легкий изгиб торса не нарушает ощущения уравновешенности частей тела. Пропорции гораздо правильнее, чем в мягком стиле. Передача формы более приближена к действительности. Выражение лица святой соответствует ее жесту.

²² L. Keszner. *Ceská gotická malba*. Praha, 1962.

²³ O. Šronkova. *Die Mode der Gotischen Frau*. Prag, 1955.

²⁴ Мадонна. Словакия, конец XV века. Дерево, высота 159,5 см; полихромия. Братислава. Словацкая национальная галерея, инв. № Р 60.

²⁵ Такая трактовка складок, при всей их условности, опирается на работу с натурой. Чтобы получить подобную драпировку, ткань пропитывали сахарным сиропом, сминали и изучали ее. (Я. Вег. *Немецкая и чешская станковая живопись XV в.* Будапешт, 1967, с. 31).

²⁶ Работу скульпторов XV в. отличает увлечение позолотой, иногда чрезмерное. См. A. Schiller. *Early wood carwings in Hungary*. Budapest, 1965, p. 11.

²⁷ Святая Варвара (?) Словакия, 1-я четверть XVI в. Дерево, высота 118,5 см; без полихромии; Братислава, Словацкая национальная галерея, инв. № Р 140.

Взгляд направлен на зрителя, что еще более способствует восприятию ее как земного существа. На лице благожелательная, ободряющая улыбка. Изображение подробностей одежды можно отнести за счет возросшего интереса скульптора к миру вещей, окружающих человека. Общее очертание силуэта несколько разорвано из-за жестких складок. В нижней части одежда похожа на смятую бумагу. Динамика словно переместилась из неустойчивого силуэта, характерного для скульптур «мягкого» стиля — в дробящуюся, причудливую игру изломанных складок одежды.

Так как скульптура не раскрашена, художник пластически, углубляя белок глаза по отношению к радужной оболочке, создает впечатление зрачка. Тонкая, выступающая из фона полоска передает линию бровей.

Рис. 3. Статуя мадонны из Словакии, XV в. Братислава. Словацкая национальная галерея

Рис. 4. Статуя святой Варвары(?) из Словакии. 1-я четв. XVI в. Братислава. Словацкая национальная галерея

Таким же приемом профилирован венец и украшающие его камни. Скульптуре «жесткого» стиля присуща статичность, в противоположность неуравновешенности, экспрессивности, свойственной позам фигур в скульптуре «мягкого» стиля. Эта черта связана с нарастающим стремлением к естественности и равновесию, к поискам новых средств выразительности, отличающих произведения «жесткого» стиля от произведений предыдущего этапа в развитии искусства.

Не менее важным в смысле приближения к ренессансному искусству является и другая особенность, которая складывается в это время. Мы говорим о внутреннем уходе от спиритуализма, свойственного большинству произведений интернациональной готики. Уже со второй трети XV в. в культовой скульптуре начинает усиливаться светский элемент. Реальный человек, уже обретший определенную ценность в мировоззренческих представлениях общества, вошел в изобразительное искусство, но еще не снял библейские наряды, привычка к которым была незыблемой в течение веков.

Наблюдается переход от отвлеченных, идеально-прекрасных, доходящих до ирреальности образов к изображениям в той или иной мере типическим, тяготение к которым перешло в «жесткий» стиль из бюргерского русла интернациональной готики и получило свое дальнейшее развитие. Незнание анатомии и все еще частая деформация тел (правда, имеющая композиционное оправдание) также вносят готическую условность в характер изображений. Эти и некоторые другие черты дают основание относить «угловатый» стиль к поздней готике, а не Возрождению, как это делают некоторые авторы.

Завершает позднюю готику стилевое течение, которое возникло около 1500 г. (сведения о более ранних его произведениях в литературе не встречаются). Скульптура этого круга в меньшей степени, чем предыдущие течения, поддается выделению. Но, так как наша задача — выяснить в общих чертах особенности позднеготической скульптуры, мы коснемся и этого направления. Эта группа памятников еще не получила научной разработки. Ее произведения объединены и могут быть условно названы «стилем завихряющихся складок», так как край драпировки в его произведениях образует одно — два завихрения, по форме похожих на розетку или овал. Трактовка фигур носит нарочито грубоватый характер.

О происхождении этого стилевого течения пока судить трудно, так как памятники этого круга еще мало изучены. А. Стейндж²⁸ в статье, посвященной поздней фазе готики, говорит, что в венской скульптуре этого времени встречаются французские иконографические мотивы и стилистическая условность пражской парлержевской мастерской. Не исключено, что слияние чешского и французского искусства, произошедшее на австрийской почве, породило это новое стилевое течение. В настоящее время нет достаточного материала для вынесения определенного суждения по этому вопросу. Произведения этого стилевого течения встречаются в чешском, словацком, венгерском и немецком искусстве.

Р. Сальвини²⁹ использует для скульптуры этого времени термин «натурализм». Л. Кеснер³⁰, в свою очередь, относит особую группу памятников, созданных после 1500 г., к «позднеготическому реализму». Но так как автор приводит в качестве примера лишь два произведения, трудно судить, идентичны ли они тому стилевому течению, о котором здесь идет речь. Кеснер указывает на существенную черту произведений «позднего-

²⁸ A. Stange. The funal phase of the gothic. Encyclopedia of world art, v. 6. New York, 1962, p. 563—564.

²⁹ R. Salvini. Medieval sculpture. London, 1971.

³⁰ L. Kesner. Ceska goticka malba.

Рис. 5. Статуя мадонны с младенцем из Словакии, ок. 1500 г. Братислава. Словацкая национальная галерея

тического реализма» — утрату религиозного характера. Поскольку говорить о реализме в средневековом искусстве, на наш взгляд, не приходится, лучше называть это течение натурализмом.

А. Матейчек подчеркивает, что в конце XV в. начался новый этап, в котором «живописно развитые складки» сочетаются с углубленным знанием механики и анатомии человеческого тела³¹. Приведенные авторы единодушны в том, что стиль, возникший на рубеже XV—XVI вв., непосредственно предшествует Ренессансу в скульптуре. В религиозной пластике отмечается некоторый консерватизм, который заставляет относить ее образцы еще к поздней готике. Это были преимущественно статуи отдельно стоящих святых, реже — композиции из нескольких фигур. Высокий рельеф был развит так же, как и в «угловатом» стиле. В качестве примера можно привести мадонну с младенцем из Словакии³² (рис. 5), созданную около 1500 г.

Обеими руками Мария поддерживает младенца. Правая рука показана в сложном движении: плечо приподнято, локоть согнут, кисть отведена вверх. Художник словно демонстрирует умение передавать «механику» движений человеческого тела. Складки одежды выполнены в глубоком рельефе. Нижний край ткани образует завихрение, напоминающее розетку или овал, характерный для драпировок этого стиля. Этот элемент несколько оживляет скульптуру, лишая фигуру статичности, опасность которой вполне реальна при статичности ее позы. Миловидное, полное, озаренное радостью лицо мадонны идеализировано, но на бюргерский манер. В его выражении нет религиозности, которая еще присутствует в статуе мадонны с младенцем, упоминавшейся ранее. Отсутствуют и какие-либо атрибуты или символы божественной власти. Образ младенца передан не менее живо. Резвость позы и улыбка ребенка свидетельствуют о приближении к реалистической трактовке образа. Золотой плащ в сочетании с красным и синим цветами его подкладки и платья придают торжественность образу, напоминают, что перед нами богоматерь.

Техническое мастерство скульптора достигает высокого уровня. Переход от скул к щекам передан едва заметным углублением поверхности, создающим очень легкую тень. Опущенные веки, двойной подбородок, приподнятые в улыбке уголки губ близки к натуре и убедительны. Это

³¹ А. М а т е й ч е к. Umění doby gotické. В кн. Dějepis výtvarných umění na Československu. Praha, 1935, s. 49.

³² Мадонна. Словакия, около 1500 г. Дерево, высота 114,5 см, полихромия и позолота. Братислава, Словацкая национальная галерея, инв. № Р 350.

Рис. 6. Пастух из скульптурной группы «Рождество Христа» мастера Павола из Левочи, до 1508 г.

относится и к фигурке младенца, в которой чувствуется тщательное и несколько наивное следование натуре. Мирское начало преобладает.

Одним из интереснейших мастеров поздней готики, крупнейшим представителем позднеготического натурализма, создавшим мастерскую в Левочи (Словакия), был мастер Павол. Он находился под влиянием Вита Ствоша³³, но его работы отличались тем не менее большой самостоятельностью. Реалистичность произведений Павола настолько велика, что они уже выходят за рамки готики³⁴. Для собора св. Якова в Левочи Павол создал деревянный резной алтарь, который датируется 1509—1515 гг.³⁵. К статуям, включенным в алтарь, относится экспонировавшаяся на упомянутой выставке в Москве и Ленинграде коленапреклоненная фигура пастуха из сцены «Рождество Христа»³⁶ (рис. 6). Пастух изображен в умело построенной сложной позе. Он стоит, опершись на одно колено, корпус подался вперед, правую руку он прижимает к сердцу, левой делает нере-

³³ A. Matejček. Ibid., s. 82.

³⁴ Ibid., s. 82.

³⁵ K. V a k u ť i k. Pavol z Levoče, jeho dielo a škola. Levoče, 1967.

³⁶ Коленапреклоненный пастух из группы «Рождество Христа». Мастер Павол из Левочи, до 1508 г. Дерево, высота 96 см; полихромия. Левоча, деканский собор св. Якова.

питательное движение вперед, к младенцу. Плащ моделирован большими плоскостями, что делает небольшую фигурку (96 см) монументальной. Такое изображение тканей производило бы несколько неестественное впечатление, если бы не умение правильно определить пропорции и согласовать с фигурой драпировки одежды. Необыкновенное мастерство скульптора с наибольшей силой реализуется в изображении головы и рук. В этом, очевидно, сказалось влияние творчества Вита Ствоша. Хорошо промоделированы запястья рук, фаланги пальцев. Очень выразительны жесты рук, без эффектации передающие душевное состояние пастуха. Лицо почти портретно. Мимика его сдержана, но это никак не в ущерб передаче умиленно-взволнованного состояния, в котором находится пастух. Скульптура полихромна. Лицо и руки раскрашены в телесный цвет. В противоречии с монументальностью трактовки форм на века выписана каждая ресница. Павол из Левочи, как и другие художники тех лет, так неистово стремился к отражению природы и человека, что иногда терял чувство меры в передаче деталей. По своим художественным достоинствам эта скульптура является если не ренессансным, то во всяком случае проторенессансным произведением. Упрощение формы, лаконизм пластического решения, удачная передача сложной позы, выразительность, заключающаяся в лице, а не в экспрессивности позы, главенствующая роль масс, а не линии в построении формы, значительное приближение к реальности, — все это говорит об отходе скульптора от готических традиций, о переходе на качественно иную ступень развития искусства. Вместе с завершением «готического натурализма» оканчивается большой и сложный период в развитии искусства средних веков — период поздней готики.

В настоящей работе кратко охарактеризованы три стилистические группы в скульптуре поздней готики. Их выделение современной наукой вовсе не исключает возможности выявления в дальнейшем еще и других групп или течений, так как период поздней готики еще очень мало разработан. Это замечание в равной мере относится и к другим видам изобразительного искусства этого периода.

Назвать это время упадком, разложением высокой готики, значит не видеть в нем того нового, что отличает его от высокой готики и делает самостоятельным важным этапом. К сожалению, само название «поздняя готика» ассоциируется с завершением чего-то, существовавшего раньше. Но вряд ли было бы правильным рассматривать двухсотлетний период в развитии искусства лишь как окончание существовавшего раньше этапа.

Большое количество тенденций, тянувшихся от конца высокой готики, переплетались, исчезали и вновь появлялись в поздней готике. Мистицизм и спиритуализм достигли наибольшего развития в период господства «мягкого» стиля, затем почти сошли на нет, чтобы вновь вспыхнуть в 70—80-х годах XV в. в творчестве отдельных мастеров. Реалистические элементы высокой готики, практически утраченные в интернациональном стиле, вновь упорно нарастали к рубежу XV—XVI вв. в стиле угловатых и завихряющихся складок. К концу поздней готики произошла секуляризация церковных сюжетов, которые стали трактоваться почти как бытовые эпизоды. Драматические ситуации по большей части утратили надреальный, религиозный смысл.

Деформация фигур прослеживается на протяжении всей поздней готики. Это во многом было обусловлено экспрессивной и декоративной манерой передачи драпировок, не выявлявших, а маскировавших формы тела, а в интернациональной готике также поисками идеальной грации. Несмотря на это, конец поздней готики знаменуется заметными успехами в области познания анатомических и двигательных особенностей человеческого тела. Эта черта носила эмпирический характер, хотя и не была еще научно обос-

нована, что отличало ренессансный подход к решению художественных задач. Центр внимания переместился из сферы экзальтированных душевных переживаний, обращенных к богу, в область человеческих чувств и отношений. Осуществился пересмотр ценностей, в результате которого человек подошел к осознанию своей значимости и проявил интерес к природе.

Для поздней готики характерна борьба между средневековой условностью и интенсивными поисками новых изобразительно-выразительных средств в искусстве. Это время невиданного прежде развития познавательных интересов, что, вероятно, и дало основания некоторым исследователям считать данный этап началом эпохи Возрождения. Художники делали штудии с натуры, стремились к ее познанию, хотя это еще лишь эпизодически, не будучи отраженным в завершенной системе, проявлялось в произведении изобразительного искусства.

Резкие переходы свидетельствуют о напряженных поисках, о динамичном развитии искусства в борьбе нового со старым. Нужно было выработать изобразительный язык, близкий и понятный для людей, не знакомых с античными художественными образцами. Подобные, несколько лихорадочные тенденции все более пронизывали позднюю готику. Им противостояли консервативные настроения, стремившиеся во что бы то ни стало удержаться на готических позициях. Особенной консервативностью отличалась южная Чехия³⁷.

Прогрессивное искусство нашло свое развитие в синтезе скульптуры и живописи, например, в творчестве Павола из Левочи. Техническое мастерство резчиков находилось на таком уровне, что говорить о зависимости скульптуры от живописи, как это делает М. Я. Либман³⁸, было бы неверно. Некоторые скульпторы конца XV — начала XVI в. отказались от полихромии, добившись поразительной живости образов только пластическими средствами. Такова работа неизвестного словацкого мастера, создавшего упомянутую статую св. Варвары. Стремление к реальности выразилось в появлении индивидуально трактованных фигур, где подробно пересказываются все особенности лица, прическа, жесты, передаются суставы пальцев и даже вены, выступающие из-под кожи. При этом скульпторы умеют верно схватить и передать не только физические особенности, но и настроение, душевное состояние.

Несмотря на все эти успехи, которые были достигнуты скульптурой в период поздней готики, на протяжении всего периода в скульптуре Чехии и Словакии сохранилась приверженность к готической условности. Скульптура этого периода, характеризовавшегося напряженными поисками, утратила монументальность форм и целостность образов высокой готики, за исключением случаев, которые не создали особого течения и не оказали решающего влияния на общий путь развития скульптуры. В скульптуре переход к Ренессансу совершился позже, чем в живописи. Чешскую и словацкую скульптуру второй половины XIV — начала XVI вв. следует оценивать как переходный период от готики к Ренессансу.

³⁷ L. K e s n e r. Ibid.

³⁸ М. Я. Л и б м а н. Искусство Германии..., с. 169.

ОСНОВНЫЕ ТИПЫ КОНСТРУКЦИЙ С ОТГЛАГОЛЬНЫМ ИМЕНЕМ В БАЛКАНСКИХ ЯЗЫКАХ

Одна из основных особенностей языков балканского ареала состоит, как известно, в том, что инфинитив в этих языках замещается личными глагольными конструкциями¹. Это явление затрагивает все языки и диалекты Балкан, но распространено далеко не равномерно. Наиболее полно замещение инфинитива личными конструкциями проявляется в новогреческом, болгарском, македонском, тоскском диалекте албанского языка, арумынском и мегленорумынском². В румынском и сербском тенденция к утрате инфинитива проявляется менее отчетливо. Кроме того, в румынском, в большей мере, чем в других балканских языках, распространены конструкции, которые можно рассматривать как синтаксические эквиваленты заменяющих инфинитив личных глагольных конструкций³. В дан-

¹ Этому вопросу посвящены многочисленные работы. Об албанском инфинитиве см., например: A. X h u v a n i. L'infinifitif en albanais. «Lingua posnaniensis», VIII. Posnaň, 1960, p. 66—70; M. D o m i. L'albanais et sa structure grammaticale. «Revue des études slaves», t. 45. 1966, p. 30; М. А. Г а б и н с к и й. Появление и утрата первичного албанского инфинитива. Л., 1970; об исчезновении болгарского инфинитива см., в частности: К. М и р ч е в. Към историята на инфинитивната форма в българския език. «Годишник на Софийския университет», XXXIII. 1937, с. 2—34; А. М и л е в. Членуваният гръцки инфинитив в евангелския текст и неговото предаване в старобългарския превод. «Известия на института за български език», VIII. София, 1962, с. 75—91; о реликтах болгарского инфинитива см. М. С л. М л а д е н о в. Инфинитивни форми в говора на село Церово, Благоевградско. «Rocznik slawistyczny», t. XXXIV, cz. 1. 1973, s. 61—65; ср. также: Св. И в а н ч е в. Към въпроса за остатъчния съкратен инфинитив (суфин) в съвременния български език. «Български език», XXVI, кн. 1—2. 1976, с. 72—75; проблемы сербскохорватского инфинитива рассматриваются, в частности, в работах: М. I v i ć. Problematika srpskohrvatskog infinitiva. «Зборник за филологију и лингвистику», XV/2. Нови Сад, с. 115—138; М. Д е я н о в а. Промени в дистрибуцията на сърбохърватския инфинитив. (Наблюдения над упадъка на присустантивния инфинитив.) «Български език», XXIV, кн. 2. 1974, с. 154—165; ср. также: В. П. Г у д к о в. Употребление инфинитива и конструкций с *да* в сербском языке (сочетания с глаголами). «Вопросы лингвистики и методики преподавания иностранных языков». М., 1958, с. 98—112; проблемы румынского инфинитива исследуются, в частности, в работах: M. I l i e s c u. Encore sur la perte de l'infinifitif en roumain. «Actes du premier congrès international des études balkaniques et sud-est européennes». Sofia, 1968, p. 115—118; I. D i a c o n e s c u. Infinitivul în limba română. Rezumatul tezei de doctorat [București], 1971.

² Ср. G. R o h l f s. La perdita dell'infinifito nelle lingue balcaniche e nell'Italia meridionale. «Omagiu lui I. Iordan». București, 1958, p. 733—744.

³ Список таких эквивалентов приводится, в частности, в работе «О грамматических трансформациях румынских конструкций с конъюнктивом в аспекте балканского языкового союза». «Лингвистические исследования 1975. Вопросы строя индоевропейских языков», т. I. М., 1975, с. 276—289; данные о географическом распределении этих конструкций можно найти, например, в: «Atlasul lingvistic român. Serie nouă», t. I—VII. București, 1956—1972. Особенно показательна карта 1746. (т. VI).

ной работе рассматриваются румынские конструкции с отглагольным именем, которые являются одним из таких синтаксических эквивалентов⁴. Эти конструкции состоят из глагола в личной форме (V_{fin}) и отглагольного имени ($Subst$). Последнее может присоединяться к глаголу а) без предлога; б) при помощи предлога.

Б е с п р е д л о ж н ы е к о н с т р у к ц и и с о т г л а г о л ь н ы м
и м е н е м

1. В современном языке порядок расположения элементов рассматриваемой конструкции — строго фиксированный: на первом месте стоит глагол в личной форме, на втором — отглагольное имя. Ср., например: *Începuseră reeditarea istoricilor* (Diehl, I,4) досл. 'Они начали переиздание историков'.

2. Отглагольное имя может располагаться контактно и дистантно по отношению к глаголу. Примеры контактного расположения: *De ce refuz colaborarea cu studiourile americane?* (R. lit., 17/76, 23) 'Почему я отвергаю сотрудничество с американскими студиями'; *Așteaptă trecerea și întoarcerea avioanelor* (Băn., 65) досл. 'Ждет пролета и возвращения самолетов'. При дистантном расположении элементов между V_{fin} и $Subst$ встречаются следующие лексемы: а) различные адвербы, такие как, например: *aici* 'здесь', *astfel* 'таким образом', *parcă* 'словно', *pe cât se poate* 'насколько возможно', *pe deplin* 'полностью' и др.; б) личные местоимения в функции субъекта V_{fin} . Ср., например: *...încercă el timid o ieșire din cercul fatal* (Pard., 202) досл. 'Предпринял он робко выход из фатального круга'; в) существительные в дативе⁵ (в функции косвенного дополнения V_{fin}). Например: *Bunin a căutat să înlenească lui Briusov și Belmont publicarea poeziilor lor* (Nic., 76) досл. 'Бунин попытался облегчить Брюсову и Балмонту публикацию их стихов'.

С и н т а к с и ч е с к и е с в о й с т в а V_{fin} в к о н с т р у к ц и и
 $V_{fin} + Subst$

Глагол в рассматриваемых конструкциях должен обладать, по крайней мере, двумя синтаксическими свойствами: 1) он должен быть переходным глаголом с объектной валентностью, реализованной при помощи отглагольного имени. Ср. *Încercase în gând rostirea lecției de a doua zi* (Teod., 188) досл. 'Он попробовал мысленно произнесение завтрашней лекции'⁶; 2) кроме того, он должен принадлежать классу глаголов, обуславливающих конъюнктив. Ср. *Încercase în gând să rostească lecția de a doua zi* 'Он попробовал мысленно произнести завтрашнюю лекцию'.

⁴ Ср. А. Сапараче. Folosirea infinitivului lung. «Limba română», 1962, № 3, p. 314—317; ср. также: М. Ivić. Ibid., s. 120, где отмечается возможность замены сербскохорватского инфинитива *da*-конструкцией и отглагольным именем. Например: *Otkrila sam da mi se strašno svida komandirati* (= *da komandiram* || *komandujem-komandiranje* || *komandovanje*).

⁵ Проблема румынских падежей настолько сложна, что, как известно, заставляла такого тонкого лингвиста, каким был С. Пушкариу, сомневаться в существовании морфологической категории падежей (см. S. Pușcariu. *Limba română*, t. I. București, 1940, p. 141—142). Тем не менее большинство современных румынских исследователей в своих работах придерживается традиционного деления на *номинатив*, *генитив*, *датив*, *аккузатив* и *вокатив* (ср., например: V. Guțu Romalo. *Sintaxa limbii române. Probleme și interpretări*. București, 1973, p. 92—107; E. Vasiliu, S. Golorențiu-Eretescu. *Sintaxa transformățională a limbii române*. București, 1969, p. 246, 247, passim). Мы в нашей работе также следуем этой традиции.

⁶ Для конструкций с отглагольными именами не всегда легко найти русский эквивалент. Иногда приходится прибегать к непривычным, а порой и заведомо неправильным оборотам.

Отглагольные имена, которые встречаются на месте *Subst* в рассматриваемой конструкции

В роли *Subst* могут выступать следующие типы *nomina actionis*⁷: 1) так называемый субстантивированный полный инфинитив (*infinitivul lung*); 2) субстантивированный супин; 3) некоторые другие типы отглагольных имен. Рассмотрим каждый тип в отдельности.

Первый тип образуют весьма употребительные и продуктивные имена действия на *-re*⁸. Они обладают всеми свойствами существительного, т. е. могут изменяться по числам и падежам, употребляться с артиклем, иметь определение в форме прилагательного, притяжательного местоимения и существительного в генитиве, и в то же время сохраняют некоторые черты глагола, в частности способность сочетаться с наречием (ср. *plecarea acasă* 'уход (или отъезд) домой').

Ко второму типу *nomina actionis* относятся отглагольные имена на *-t* и *-s*, которые, по мнению большинства современных исследователей, представляют собой субстантивированный супин⁹. Эти отглагольные имена в некоторых случаях, по-видимому, противопоставляются именам на *-re* по признаку факт/процесс. Об этом свидетельствуют, например, данные толковых словарей, в которых имена на *-re* сопровождаются термином *acțiune* 'действие', в то время как имена на *-t*, *-s* — термином *fapt* 'факт'¹⁰.

Другие типы имен действия значительно реже встречаются в конструкции с отглагольным именем. Отметим некоторые случаи: а) имена с суффиксом *-ție*, ср. *se grăbi să înceapă discuția* (=să discute) (Pard., 112) 'Поспешил начать разговор'; б) имена без суффикса, образованные от основы глагола, ср. *prietenul meu sfârși povestea* (=să povestească) (Voic., I, 321) 'Мой друг кончил рассказ'; в) имена, образованные от глагола простым отсечением окончания, ср. *a început colindul străzilor* (=să colinde străzile)¹¹ досл. 'Начал обход улиц'; г) имена, унаследованные из латыни,

⁷ Об этом типе отглагольных имен см. прежде всего в работе: E. Benveniște. Noms d'agent et noms d'action en indo-européen. Paris, 1948, p. 64, 111; см. также: E. Carabulea, M. Popescu-Marin. Explicarea numelui de acțiune prin substantive cu forma de infinitiv lung și supin. В кн. Studii și materiale privitoare la formarea cuvintelor în limba română, t. IV. 1967, p. 275, где, в частности, дается определение понятия имени действия.

⁸ Из литературы, посвященной этому вопросу, см. прежде всего упоминавшуюся работу: E. Carabulea, M. Popescu-Marin. Explicarea..., p. 275—320; ср. также: «Gramatica limbii române», t. I. București, 1963, p. 224, 228; K. Sandfeld, H. Olsen. Syntaxe roumaine, t. I. Paris, 1936, p. 272—274; I. Diaconescu. Ibid., p. 19—23. Этот тип отглагольного имени, как отмечают исследователи (ср., в частности: F. Asan, L. Vasiliu. Unele aspecte ale sintaxei infinitivului în limba română. «Studii de gramatică», t. I. 1956, p. 110—111; I. Diaconescu. Infinitivul lung în secolul al XVI-lea. «Studii și cercetări lingvistice», 1967, № 4, p. 436), существует уже в первых дошедших до нас памятниках румынской письменности. В это время полный инфинитив выступает в двух функциях — именной и глагольной, причем уже в XVI в. доминирующей является именная функция. Интересно, что, по недавно опубликованным данным, то же соотношение существует в современном мегленорумынском, который, в отличие от дакорумынского, почти утратившего полный инфинитив в глагольной функции, сохранил обе функции полного инфинитива (см. P. Ațanăsov. Infinitivul meglenoromân. «Studii și cercetări lingvistice», 1976, № 2, p. 137—150).

⁹ Ср., например; E. Carabulea, M. Popescu-Marin. Ibid., s. 279—289; «Gramatica limbii române», t. I, p. 233—234; I. Iordan, V. Guțu Romalio, A. Niculescu. Structura morfologică a limbii române contemporane. București, 1967, p. 208—209.

¹⁰ См., например: «Dicționarul limbii române moderne» [Buc.], 1958, p. 787: *Spălare*, *spălări*, s. f. Acțiunea de a (se) spăla; *Spălat*, uri, s. n. Faptul de a (se) spăla.

¹¹ Пример взят из книги: I. Iordan. Limba română actuală. O gramatică a greșelilor. București, [1947], p. 245—246.

или заимствованные из других романских языков, ср. *au început fuga* (= *să fugă*)¹² досл. 'Начали бегство'. Следует отметить, что эти случаи являются единичными и что большинство отглагольных имен, которые встречаются в интересующих нас конструкциях, относятся к первому и второму типам.

Прежде чем перейти к дальнейшему изложению материала, необходимо сделать несколько уточнений.

Во-первых, мы принимаем точку зрения¹³, согласно которой: а) исходным моментом для образования конструкций с конъюнктивом является «склеивание в одно предложение двух ядерных конструкций, одна из которых в глубинной структуре рассматривается как подчиненная по отношению к другой»; б) при этом возможна номинализация подчиненной конструкции, частным случаем которой является введение в поверхностной структуре группы с глагольным именем. Кроме того, предполагается, что подчиняющая ядерная конструкция содержит соотносительное слово, с помощью которого вводится подчиненная ядерная конструкция¹⁴. В дальнейшем при номинализации соотносительное слово и подчиненная конструкция замещаются отглагольным именем¹⁵.

Во-вторых, мы придерживаемся той точки зрения, что у каждого отглагольного имени может быть свой семантический субъект и объект¹⁶. С этой целью мы вводим, основываясь на известной работе В. Н. Сидорова и И. С. Ильинской¹⁷, разграничение понятий: а) *подлежащее и дополнение* (глагола в личной форме) и б) *субъект и объект* (отглагольного имени).

Далее рассматриваются различные виды конструкций с отглагольными именами, в зависимости от способов выражения их субъекта¹⁸. При этом выделяются следующие типы: 1) *субъект отглагольного имени совпадает с подлежащим глагола в личной форме*; 2) *субъект от-*

¹² Пример заимствован из: «Gramatica limbii române», t. II, s. 243, § 726.

¹³ См. В. В. Иванов. К типологии инфинитива в балканских языках. «Славянское и балканское языкознание. Проблемы морфологии современных славянских и балканских языков». М., 1976, с. 217; ср. также: J. Dubois. Grammaire structurale du français; la phrase et les transformations. Paris, 1969, p. 15 passim, где рассматривается трансформация склеивания (*la transformation généralisée ou binaire*, по терминологии Дюбуа), а также некоторые типы номинализаций.

¹⁴ См. G. Pană Dindelegan. Sintaxa transformatională a grupului verbal în limba română. București, 1974, p. 30, ссылка 30; p. 44, 80, 217; ср. также: F. Ciobanu. Unele aspecte ale corespondenței dintre elementele prepoziționale și cele conjuncționale, cu referire specială la locuțiuni. «Studii de gramatică», t. III [București], 1961, p. 71—72, где анализируется употребление соотносительных слов *faptul* и *aceea* в современном румынском языке; о роли соотносительных слов при образовании русских сложноподчиненных предложений см. в работе: О. Г. Карпюк, Г. Юлдашева. К вопросу о классификации сложноподчиненных предложений в русском языке. «Структурная типология языков». М., 1966, с. 185—198; ср. также: А. А. Зализняк, Е. В. Падучева. К типологии относительного предложения. В сб. Семантика и информатика. М., 1975, с. 59, 63.

¹⁵ Ср., в частности: G. Pană Dindelegan. Ibid., s. 153, ссылка 22.

¹⁶ См., в частности: М. Н. Петерсон. Очерк синтаксиса русского языка. Москва — Петроград, 1923, с. 66 (*действие и его субъект; действие и его объект*); ср. также: А. Lombard. L'infinifitif de narration dans les langues romanes. Ursala — Leipzig, 1936, p. 223 (*l'idée de sujet; l'idée d'objet*); эта традиция восходит, по-видимому, еще к латинским грамматикам; ср., например: «Grammaire générale et raisonnée de Port-Royal». Paris, 1846, p. 158—159, где с этой точки зрения анализируются фразы с латинским инфинитивом.

¹⁷ К вопросу о выражении субъекта и объекта действия в современном русском литературном языке. «Известия Академии наук СССР, отделение литературы и языка», т. VIII, вып. 4. 1949, с. 343—354.

¹⁸ См. в этой связи: А. А. Потебня. Из записок по русской грамматике, т. I—II. М., 1958, с. 341—342; ср. также: C. Frincu. Încuirea infinitivului în limba română veche. «Anuar de lingvistică și istorie literară», t. XX. 1969, p. 82.

глагольного имени соотносится с его определением в форме существительного в генитиве; 3) с субъект отглагольного имени соотносится с косвенным дополнением глагола в личной форме.

Субъект отглагольного имени совпадает с подлежащим глагола в личной форме

Необходимым условием этого тождества является принадлежность V_{fin} к семантически строго определенному классу глаголов. Сюда относятся, по нашим данным, глаголы со следующими значениями: а) 'начинать', 'продолжать', 'кончать'; б) 'рисковать'; в) 'стремиться', 'пытаться'; г) 'избегать'; д) 'выучивать, усваивать' и некоторые другие.

Тождеством субъектов объясняется ряд важных особенностей анализируемых структур. Так, например, существительное в генитиве, определяющее отглагольное имя, может быть только генитивом объекта¹⁹. Ср., например: (1) *El înceru tipărirea unui nou memoriu de lucrări* (Căl., 152) досл. 'Он начал печатанье *нового списка работ*'. Кроме того, при трансформации конструкции с отглагольным именем в конструкцию с конъюнктивом лицо и число глагола в конъюнктиве совпадает с лицом и числом V_{fin} . Ср.: (1') *El înceru să tipărească un nou memoriu de lucrări* (*înceru* — 3 л. ед. ч. и *să tipărească* — 3 л. ед. ч.).

Рассматриваемые конструкции обычно состоят из глагола в личной форме (с подлежащим, выраженным или подразумеваемым) и отглагольного имени в функции прямого дополнения глагола. Отглагольное имя может иметь определение в форме существительного в генитиве или притяжательного местоимения, которые играют роль объекта. В том случае, когда отглагольное имя соотносится с непереходным или возвратным глаголом, оно не имеет при себе несогласованного определения. Ср., например: *Imediat ce termină povestirea se simți prost* (Ivas., 21) досл. 'Как только он(а) кончил(а) *рассказ*, он(а) почувствовал(а) себя плохо'; *Terminînd cusutul Ioanide merse la comutator* (Căl., 30) 'Кончив *шитье*, Иоаниде подошел к выключателю'.

Трансформацию таких конструкций в конструкцию с конъюнктивом, видимо, целесообразно производить в два этапа: 1) конструкция с отглагольным именем преобразуется в синонимичную конструкцию с конъюнктивом, у которой эксплицитно выражены все субъектно-объектные отношения. Для этого в подчиняющую конструкцию вводится элемент *faptul*, выполняющий функцию прямого дополнения V_{fin} ; отглагольное имя заменяется личной формой глагола в конъюнктиве; в то же время в подчиненную конструкцию вводится существительное или местоимение в номинативе, которое играет роль подлежащего глагола в конъюнктиве и совпадает с подлежащим глагола подчиняющей конструкции; глагол в конъюнктиве согласуется со своим подлежащим в лице и числе. Ср. *Monica*

¹⁹ О генитиве субъекта и объекта см. прежде всего в работе: Э. Бенвенист. К анализу падежных функций: латинский генитив. В кн. Э. Бенвенист. Общая лингвистика. М., 1974, с. 162—164; ср. также: S. Pușcașiu. Ibid., p. 189; В. Н. Богородицкий. Синтаксис родительного падежа в русском языке. «Очерки по языковедению и русскому языку». М., 1939, с. 211; R. Jakobson. Beitrag zur allgemeinen Kasuslehre: Gesamtbedeutungen der russischen Kasus. «Selected writings. II. Word and Language». The Hague — Paris, 1971, p. 37—44; C. Watkins. Remarks on the genitive. «To honor Roman Jakobson. Essays on the occasion of his seventieth birthday», t. III. The Hague — Paris, 1967, p. 2197—2198; ср. также: Дж. Гринберг. Некоторые грамматические универсалии, преимущественно касающиеся порядка значимых элементов. «Новое в лингвистике», т. V. М., 1970, с. 145; И. И. Ревзин. Трансформационное исследование конструкций с субъектным и объектным приименным дополнением (*genitivus subjectivus* и *genitivus objectivus*). В кн. Проблемы грамматического моделирования. М., 1973, с. 88—96.

acceptase plecarea la Paris pe socoteala Olguței (Teod., IV, 145) ↔ *М о н и с а acceptase [faptul] să plece [М о н и с а] la Paris*; 2) в полученной фразе опускаются соотносительное слово и подлежащее глагола в конъюнктиве. Ср. *Monica acceptase să plece la Paris pe socoteala Olguței* 'Моника согласилась ехать в Париж за счет Ольгуцы'. Если отглагольное имя сопровождается определением в форме существительного в генитиве, то вводится дополнительное правило, которое превращает несогласованное определение отглагольного имени в прямое дополнение глагола в конъюнктиве. Ср. *Încerpuse publicarea unui roman* (Chor., 144) досл. 'Он(а) начал(а) публикацию романа' ↔ *Încerpuse să publice un roman*.

С у б ъ е к т о т г л а г о л ь н о г о и м е н и с о о т н о с и т с я с е г о о п р е д е л е н и е м в ф о р м е с у щ е с т в и т е л ь н о г о в г е н и т и в е

В эту группу входят конструкции, которые по своей структуре совпадают с теми из рассмотренных выше конструкций, где отглагольное имя сопровождается несогласованным определением в форме существительного в генитиве. Однако в отличие от этих конструкций, в которых может употребляться только генитив объекта, здесь возможен лишь генитив субъекта. Ср., например: (1) *Încerpuse publicarea unui roman* и (2) *Așteptau trecerea orelor în care veneau* (Băn, 66). Обе фразы можно представить при помощи следующей структурной формулы: $V_{fin} + Subst_a + Subst_g$. Однако, если в (1) отглагольное имя соотносится с переходным глаголом, а его несогласованное определение является генитивом объекта (ср. *publicarea unui roman* ↔ *cineva publică un roman*), то во (2) отглагольное имя соотносится с непереходным глаголом, а его определение представляет собой генитив субъекта (ср. *trecerea orelor* ↔ *orele trec*).

Трансформация (2) в конструкцию с конъюнктивом также осуществляется в два этапа: 1) на первом этапе вводится соотносительное слово *faptul*, которое занимает место отглагольного имени; отглагольное имя заменяется личной формой глагола в конъюнктиве; определение в генитиве становится подлежащим глагола в конъюнктиве; этот последний согласуется с подлежащим в лице и числе; 2) соотносительное слово опускается, и образуется фраза естественного языка. Ср. *Așteptau [faptul] să treacă orele în care veneau* ↔ *Așteptau să treacă orele în care veneau* 'Они ждали, чтобы миновали часы, в которые они прилетали'; ср. также: *Hotărînd plecarea ștafetei* (Voic., I, 85) ↔ *Hotărînd [faptul] să plece ștafeta* ↔ *Hotărînd să plece ștafeta* досл. 'Решив, чтобы гонец уехал'.

С у б ъ е к т о т г л а г о л ь н о г о и м е н и с о о т н о с и т с я с к о с в е н н ы м д о п о л н е н и е м г л а г о л а в л и ч н о й ф о р м е

Можно выделить три вида косвенных дополнений V_{fin} : 1) существительное в дативе; 2) местоимение в дативе; 3) существительное с предлогом.

1. Субъект отглагольного имени соотносится с косвенным дополнением глагола, выраженным существительным в дативе. В этой группе выделяется два типа конструкций: а) с генитивом объекта; б) без генитива объекта. Заметим, что в таких конструкциях не может быть генитива субъекта.

Конструкции с генитивом объекта обычно состоят из глагола в личной форме (с подлежащим выраженным или подразумеваемым), отглагольного имени в функции прямого дополнения и существи-

тельного в дативе в функции косвенного дополнения. Отглагольное имя определяется существительным в генитиве. Порядок следования элементов обычно такой: подлежащее — сказуемое — косвенное дополнение — прямое дополнение — определение. Например: *Porunseau harapului tăierea capului* (Teod., 162) 'Приказывали арапу отсечь голову (досл. отсечение головы)'. Трансформация таких конструкций в конструкции с конъюнктивом осуществляется в два этапа: 1) конструкция с отглагольным именем преобразуется в соответствующую конструкцию с конъюнктивом, у которой эксплицитно выражены все субъектно-объектные отношения. Для этого на место отглагольного имени ставится соотносительное слово *faptul* (ср. *Porunseau harapului faptul*); отглагольное имя преобразуется в личную форму глагола в конъюнктиве; в подчиненную конструкцию вводится существительное в номинативе, которое служит подлежащим глагола в конъюнктиве и соотносено с косвенным дополнением глагола подчиняющей конструкции; глагол в конъюнктиве согласуется в лице и числе со своим подлежащим, а существительное в генитиве, выступающее в роли несогласованного определения отглагольного имени, принимает форму аккузатива и становится прямым дополнением глагола в конъюнктиве. Ср. *Porunseau harapului [faptul] să taie [harapul] capul*; б) на втором этапе соотносительное слово и подлежащее глагола в конъюнктиве опускаются. В результате этого получается следующая фраза естественного языка: *Porunseau harapului să taie capul*.

Конструкции без генитива объекта. Структура этих конструкций совпадает с только что рассмотренными, с той разницей, что отглагольное имя здесь не имеет определения в генитиве. Однако оно может сопровождаться обстоятельством, что указывает на его связь с глаголом. Ср. *Interzicea Zoei intrarea în locuința imperială* (Diehl, I, 350) досл. 'Запрещал Зое вход в императорские покои' (где отглагольное имя *intrarea* сопровождается обстоятельством *în locuința...*). Трансформация в конструкцию с конъюнктивом полностью совпадает с описанной выше. Отсутствует лишь правило, по которому определение в генитиве переходит в дополнение в аккузативе. Ср. *Interzicea Zoei intrarea în locuința imperială ↔ Interzicea Zoei [faptul] să intre [Zoe] în locuința imperială ↔ Interzicea Zoei să intre în locuința imperială*. Ср. также пример, который является другой реализацией той же структуры: *A înlesnit celor doi evadați o intrare mai puțin pitorească în Toulouse* (R. lit., 18/75, 19) досл. 'Облегчил двум беглецам менее живописный вход в Тулузу'. Трансформация в конструкцию с конъюнктивом: *A înlesnit celor doi evadați [faptul] să intre [cei doi evadați] mai puțin pitoresc în Toulouse ↔ A înlesnit celor doi evadați să intre mai puțin pitoresc în Toulouse*. Отметим превращение согласованного определения отглагольного имени, выраженного прилагательным (*o intrare mai puțin pitorească*) в обстоятельство, выраженное наречием (*să intre mai puțin pitoresc*).

2. Субъект отглагольного имени соотносится с косвенным дополнением глагола, выраженным местоимением в дативе. Как и в предыдущем случае, здесь выделяется два типа конструкций: а) с генитивом объекта; б) без генитива объекта.

Конструкции с генитивом объекта. Структура этих конструкций отличается от рассмотренных выше тем, что косвенное дополнение глагола в личной форме выражено в них не существительным, а местоимением. Соответственно, порядок следования элементов несколько другой, а именно: подлежащее — косвенное дополнение — сказуемое — прямое дополнение — опреде-

л е н и е. Ср., например: *Le recomand citirea scrisorii datate 18 mai* (R. lit., 12/75, 14) 'Я советую им прочитать письмо (досл.: чтение письма) от 18 мая'. Трансформация в конструкции с конъюнктивом и в этом случае выполняется в два этапа: 1) отглагольное имя превращается в личную форму глагола в конъюнктиве; место отглагольного имени заполняется соотносительным словом *faptul*; в подчиненную конструкцию с конъюнктивом вводится личное местоимение в номинативе, которое соотносится с косвенным дополнением подчиняющей конструкции и выполняет функцию подлежащего этой конструкции; глагол в конъюнктиве согласуется со своим подлежащим в лице и числе; несогласованное определение отглагольного имени становится прямым дополнением глагола в конъюнктиве. Ср. *Le recomand [faptul] să citească [e i, e l e] scrisoarea*; 2) соотносительное слово и личное местоимение, выступающее в роли подлежащего подчиненной конструкции, опускаются. Ср. *Le recomand să citească scrisoarea dată 18 mai*. Ср. также следующую трансформацию: *Vizita teatrului leningrădean ne-a prilejuit cunoasterea câtorva actori de mare clasă* (R. lit., 46/74, 16) 'Приезд ленинградского театра дал нам возможность знакомства с несколькими актерами высокого класса' ↔ *Vizita teatrului leningrădean n e-a prilejuit [faptul] să cunoaștem [n o i l] câțiva actori de mare clasă* ↔ *Vizita teatrului leningrădean ne-a prilejuit să cunoaștem câțiva actori de mare clasă*.

К о н с т р у к ц и и б е з г е н и т и в а о б ъ е к т а. В этих конструкциях отглагольное имя соотносится с непереходным глаголом и поэтому не может иметь определения в форме существительного в генитиве. Ср., например: *Ne recomandă tăcerea și rostirea la timpul potrivit* (Vianu, 241) досл. 'Рекомендует нам молчание и говорение в определенное время'. Трансформация в конструкцию с конъюнктивом осуществляется способом, который был изложен в предыдущем разделе, за исключением того правила, которое переводит существительное в генитиве, определяющее отглагольное имя, из одной падежной формы в другую. Ср. *Ne recomandă [faptul] să tăcem și să rostim [n o i l] la timpul potrivit* ↔ *Ne recomandă să tăcem și să rostim la timpul potrivit*.

3. С у б ъ е к т о т г л а г о л ь н о г о и м е н и с о о т н о с и т с я с косвенным дополнением глагола в форме существительного с предлогом. Этот тип конструкций почти полностью соответствует тому, который был рассмотрен в разделе 1. а). Различие заключается в форме косвенного дополнения. Трансформация в конструкцию с конъюнктивом осуществляется способом, описанным в том же разделе. Ср. *Ioanide așteaptă de la musafir motivarea vizitei matinale* (Căl., 43) досл. 'Иоаниде ждет от гостя объяснения утреннего визита' ↔ *Ioanide așteaptă de la musafir [faptul] să motiveze [m u s a f i r u l] vizita matinală* ↔ *Ioanide așteaptă de la musafir să motiveze vizita matinală*.

О т г л а г о л ь н о е и м я п р и с о е д и н я е т с я к г л а г о л у
п р и п о м о щ и п р е д л о г а

1. П р е д л о г и , п р и с о е д и н я ю щ и е о т г л а г о л ь н о е имя: *cu După ce termina cu număratul, deschidea ușa căruței* (Barbu, 212); *de Se pregătea de plecare* (H. Z., 277); *în Ele vin în întâmpinarea ta; întru Le ieșise întru întâmpinare* (Z. um., 313); *la Voi pleca la plimbare* (Pard., 145); *pentru Incepînd să se pregătească pentru intrare în facultate* (Femeia, 3/74, 19).

2. П о р я д о к с л е д о в а н и я э л е м е н т о в к о н с т р у к ц и и , к а к п р а в и л о , ф и к с и р о в а н н ы й : г л а г о л в л и ч н о й ф о р м е п р е д ш е с т в у -

ет отглагольному имени с предлогом. Ср. *Am purces în căutarea străzii* (Blaga, 244). 'Я обвинулся на поиски улицы'. Однако в отличие от конструкций с отглагольным именем без предлога возможны случаи обратного порядка следования элементов, когда отглагольное имя с предлогом предшествует глаголу в личной форме. Ср., например: *În căutarea lor a plecat Damian* (Pard., 75) 'На их поиски отправился Дамиан'.

3. По нашим данным, глагол и отглагольное имя с предлогом чаще всего располагаются контактно. При дистантном расположении между глаголом и отглагольным именем с предлогом чаще всего вставляются различные адverbы, такие как: *iarăși* 'снова', *încă* 'еще', *în multe cazuri* 'во многих случаях', *mult* 'много, очень', *niciodată* 'никогда', *o clipă* 'на минуту', *ulterior* 'в дальнейшем, впоследствии' и др.

4. В роли отглагольного имени выступают уже упоминавшиеся *nomina actionis*.

5. В качества V_{fin} употребляются, в частности, следующие группы глаголов: а) глаголы движения *a veni, a pleca, a se duce, a merge, a ieși*; б) глаголы с общим значением 'начинать' (*a începe, a porni*), 'продолжать' (*a urma*), 'кончать' (*a termina, a isprăvi*); в) глаголы с общим значением 'собираться, готовиться' (*a tinde, a se pregăti*); г) глаголы со значением 'отказываться' (*a renunța*); д) глаголы с общим значением 'каузировать' (*a ajuta, a îndemna, a împinge, a obliga* и др.).

Далее рассматриваются различные виды предложных конструкций с отглагольным именем, в зависимости от способов выражения его субъекта. Различаются следующие типы: 1) с у б ъ е к т отглагольного имени совпадает с п о д л е ж а щ и м глагола в личной форме; 2) с у б ъ е к т отглагольного имени совпадает с п р я м ы м д о п о л н е н и е м глагола в личной форме.

Семантический субъект отглагольного имени совпадает с подлежащим глагола в личной форме

Большая часть собранного материала относится к данному типу. При этом, так же как при анализе конструкций с отглагольным именем без предлога, различаются случаи а) когда отглагольное имя определяется существительным в генитиве или притяжательным местоимением и б) когда отглагольное имя не имеет определения. Заметим, что в конструкциях этого типа возможен лишь генитив объекта.

Конструкции с определением в генитиве обычно состоят из глагола в личной форме (с подлежащим или без него), отглагольного имени с предлогом в функции косвенного дополнения V_{fin} и существительного в генитиве, которое определяет отглагольное имя. Ср. *Livia nu renunțase la continuarea studiilor* (Pard., 122) досл. 'Ливия не отказалась от продолжения занятий'. Трансформация в конструкцию с конъюнктивом осуществляется в два этапа: 1) во фразу вводится соотносительное слово *faptul*, которое замещает отглагольное имя (ср. *Livia nu renunțase la faptul*); отглагольное имя заменяется соответствующим глаголом в конъюнктиве; в конструкцию с конъюнктивом вводится существительное или местоимение в номинативе, которое выполняет функцию подлежащего при глаголе в конъюнктиве и совпадает с подлежащим V_{fin} ; глагол в конъюнктиве согласуется со своим подлежащим в лице и числе; определение в генитиве становится прямым дополнением глагола в конъюнктиве. Ср. *L i v i a nu renunțase [la faptul] să continue [L i v i a] studiile*; 2) соотносительное слово с предлогом и подлежащее второго глагола опускаются (ср. *Livia nu renunțase să continue studiile*).

Отметим случай, когда определение в генитиве выражено собственным именем: *Pornise în căutarea Jeaninei* (Sim., 77) 'Он отправился на поиски Жанины'. При трансформации в личную конструкцию существительное в генитиве принимает форму аккузатива с предлогом *pe*; в то же время между показателем конъюнктива и глаголом появляется местоименный antecedent, согласованный с существительным в аккузативе. Ср. *Pornise s-o caute pe Jeanina*.

Отглагольное имя может иметь определение в форме притяжательного местоимения, которое при трансформации именной конструкции в глагольную превращается в личное местоимение в аккузативе. Например: *Am terminat cu extragerea materialului și cu prelucrarea lui* (Pușc., V) досл. 'Я покончил с извлечением материала и с его обработкой' ↔ *Am terminat [cu faptul] să extrag [eu] materialul și [cu faptul] să-l prelucrez [eu]* ↔ *Am terminat să extrag materialul și să-l prelucrez*.

Конструкции без определения в генитиве. В этот раздел в равной степени входят 1) конструкции с отглагольными именами, образованными от непереходных глаголов, и 2) конструкции с отглагольными именами, которые образованы от переходных глаголов, но у которых, по той или иной причине, не реализована валентность на существительное в генитиве. К первому типу относятся, например: *Cornelia se ridică, se pregătește de plecare* (Blaga, 187) досл. 'Корнелия встает, готовится к уходу', где отглагольное имя соотносится с непереходным глаголом *a pleca* 'уходить' и поэтому не может иметь определения в форме существительного в генитиве²⁰. Трансформация конструкций этого типа в конструкцию с конъюнктивом ничем не отличается от рассмотренных выше преобразований. Ср. *Cornelia se pregătește [de faptul] să plece [Cornelia]* ↔ *Cornelia se pregătește să plece*. Ко второму типу можно, по-видимому, отнести такой пример: *După ce termina cu număratul [banilor], deschidea ușa căruței* (Barbu, 212) досл. 'После того, как он кончал со счетом [денег], он открывал дверцу повозки'. Здесь существительное в генитиве (*banilor*), определяющее отглагольное имя, восстановлено из контекста.

Субъект отглагольного имени
соотносится с прямым дополнением глагола
в личной форме

Конструкции этого типа состоят из глагола в личной форме (с подлежащим или без него), существительного или местоимения в функции прямого дополнения глагола и отглагольного имени с предлогом в функции косвенного дополнения. Отглагольное имя может иметь определение в форме существительного в генитиве. Ср., например: *Te-a ajutat la redactarea lucrării*²¹ 'Он(а) помог(ла) тебе в написании работы'. При трансформации в конструкцию с конъюнктивом на первом этапе отглагольное имя заменяется соответствующим глаголом в конъюнктиве; на место отглагольного имени ставится соотносительное слово *faptul*; в подчиненную конструкцию с конъюнктивом вводится существительное или местоимение в номинативе, которое соотносится с прямым дополнением V_{fin} и выполняет функцию подлежащего глагола в конъюнктиве; глагол в конъюнктиве согласуется с подлежащим в лице и числе; определение в генитиве становится прямым дополнением глагола в конъюнктиве. Ср. *Te-a ajutat [la faptul] să redactezi [t u] lucrarea*. На втором этапе соотносительное слово с предлогом и подлежащее глагола в конъюнктиве опускаются. Ср. *Te-a ajutat să redactezi*

²⁰ Речь идет о генитиве объекта.

²¹ Пример взят из: «Gramatica limbii române», t. II, p. 60.

lucrarea. Ср. также: Nu l-a împins niciodată la o influențare decisivă asupra cuiva (Chor., 172) досл. 'Он никогда не побуждал его к решительному воздействию на кого бы то ни было'. Nu l-a împins niciodată [la faptul] să influențeze [e l] decisiv asupra cuiva ↔ Nu l-a împins niciodată să influențeze decisiv asupra cuiva. Отметим превращение согласованного определения отглагольного имени в обстоятельство глагола в конъюнктиве (*o influențare decisivă* ↔ *să influențeze decisiv*).

Подлежащее глагола в личной форме не совпадает с субъектом отглагольного имени, причем этот субъект формально не выражен

Сюда в равной мере относятся как предложные, так и беспредложные конструкции с отглагольным именем. Ср., например: (1) Ajuta la aducerea farfuriilor (Barbu, 41) 'Помогал(а) приносить тарелки (досл. в принесении тарелок)' и (2) Scrisorile au permis descoperirea adresei soției (Lumea, 51/74, 30) досл. 'Письма позволили обнаружение адреса жены'. Заметим, что (1) и (2) соответствуют конструкции с формально выраженным субъектом отглагольного имени. Ср. (1') Mă ajuta la aducerea farfuriilor 'Он(а) помогал(а) мне приносить тарелки (досл. в принесении тарелок)' и (2') Scrisorile au permis poliției descoperirea adresei soției досл. 'Письма позволили полиции обнаружение адреса жены'. Эти конструкции имеют другую трансформационную историю, чем (1) и (2). Различие состоит в том, что (1') и (2') образованы путем склеивания двух структур, из которых вторая имеет активную форму (ср. El mă ajuta [la faptul] + eu aduceam farfuriile), в то время как в основе (1) и (2) лежат две структуры, вторая из которых является пассивной (ср. El ajuta [la faptul] + farfuriile erau aduse [de cineva]).

Пассивные конструкции, с которыми соотносится рассматриваемая здесь конструкция с отглагольным именем, обычно называются конструкциями с неопределенным субъектом (*subiectul nedefinit*)²². В самом деле, структура *aducerea farfuriilor* образуется следующим образом: *cineva aduce farfuriile* ↔ *farfuriile sînt aduse* (= *se aduc*) *de cineva* ↔ *aducerea farfuriilor (de cineva)* ↔ *aducerea farfuriilor*²³, где исходная конструкция подвергается сначала пассивной трансформации, затем трансформации номинализации.

При трансформации конструкции с отглагольным именем в конструкцию с конъюнктивом необходимы еще две операции: 1) перестановка элементов: *farfuriile sînt aduse* (= *se aduc*) ↔ *sînt aduse* (= *se aduc*) *farfuriile*; 2) перевод глагола из индикатива в конъюнктив: *sînt aduse* (= *se aduc*) *farfuriile* ↔ *să fie aduse* (= *să se aducă*) *farfuriile*. Полная трансформация: *Ajuta la aducerea farfuriilor* ↔ *Ajuta [la faptul] să fie aduse* (= *să se aducă*) *farfuriile* ↔ *Ajuta să fie aduse* (= *să se aducă*) *farfuriile*.

Некоторые наблюдения над конструкциями с отглагольным именем

I. Прежде всего отметим примеры, в которых отглагольное имя соотносится с возвратным глаголом. Здесь можно выделить несколько случаев. 1. Возвратность глагола никак не выражена

²² См. об этом в работе: L. Ionescu. Generarea construcțiilor cu subiect neterminat. «Studii și cercetări lingvistice», 1967, № 4, p. 413—434, особенно p. 427—429; ср. также: E. Vasiliu, S. Golopenția-Egetescu. Ibid., p. 276—281.

²³ Правило порождения таких конструкций сформулировано в работе: И. И. Ревзин. Трансформационное исследование..., с. 89.

в конструкции с отглагольным именем. Ср. (1) *Aștepta ivirea zorilor* (Barbu, 11) досл. 'Ждал(а) появления зари' ↔ *Aștepta să se ivească zorile*; (2) *Așteptînd reîntoarcerea prințului* (Min., 40) досл. 'Ожидая возвращения князя' ↔ *Așteptînd să se reîntoarcă prințul*. Однозначность преобразования здесь обусловлена тем, что глагол, с которым соотносится отглагольное имя, может быть только возвратным (в первом примере *a se ivi*, во втором — *a se reîntoarce*). Поэтому и существительное в генитиве, выступающее в роли определения к отглагольному имени, понимается так же однозначно, как генитив субъекта (ср. *ivirea zorilor* ↔ *zorile se ivesc*; *reîntoarcerea prințului* ↔ *prințul se reîntoarce*). 2. Отглагольное имя сохраняет синтаксические свойства и характер управления того возвратного глагола, с которым оно соотносится. Например: (3) *Așteptam întîlnirea cu însuși Richter* (Cont., noiembr. 1969) досл. 'Я ждал(а) встречи с самим Рихтером' ↔ *Așteptam să mă întîlnesc cu însuși Richter*. Здесь на возвратность глагола указывает сочетаемость отглагольного имени с предлогом *cu* (ср. *a se întîlni cu Richter*, но не * *a întîlni cu Richter*). 3. На возвратность глагола указывает притяжательное местоимение, которое определяет отглагольное существительное. Отметим, что в функции притяжательного местоимения может выступать личное безударное местоимение в дативе. Ср., например: (4) *Îmi continuam plimbarea pînă în fața Universității* (Vianu, 16) досл. 'Я продолжал свою прогулку до самого Университета' ↔ *Continuam să mă plimb pînă în fața Universității*; (5) *Își pregătește retragerea* (Gib Mih., 77) досл. 'Он(а) готовит свое отступление' ↔ *Se pregătește să se retragă*. Интересно, что в этом примере при трансформации в конструкцию с конъюнктивом переходный глагол *a pregăti* становится возвратным. 4. На возвратность глагола, с которым соотносится отглагольное имя, указывает отсутствие несогласованного определения в форме существительного в генитиве или притяжательного местоимения. Ср., например: (6) *Bărbatul acela cu viitorul concret se pregătea de apărare* (Pop., 78) Этот человек с ясным будущим готовился к защите ↔ *Bărbatul acela cu viitorul concret se pregătea să se apere*. 5. Возвратность глагола; с которым соотносится отглагольное имя, выясняется из контекста. Например: (7) *Lina nu terminase cu spălatul și dichisitul* (Barbu, 29) досл. 'Лина еще не кончила с мытьем и одеваньем'. (7) может в равной степени трансформироваться в (7') *Lina nu terminase să spele și să dichisească* и в (7'') *Lina nu terminase să se spele și să se dichisească*, т. е. глаголы, с которыми соотносятся отглагольные имена, могут быть и переходными (*a spăla*, *a dichisi pe cineva*), и возвратными (*a se spăla*, *a se dichisi*). Из контекста выясняется, что рассматриваемая фраза входит в описание одевания невесты и что она однозначно интерпретируется как (7'').

II. Артикль в конструкциях с отглагольным именем. Наблюдения над употреблением артикля в конструкциях с отглагольным именем показывают, что в большинстве случаев имена действия стоят в определенной форме²⁴. В этом смысле характерным является тот факт, что при трансформаций глагола в личной форме в отглагольное имя это последнее непременно употребляется с определенным артиклем. Ср., например: *Ne recomandă să tăcem și să rostim la timpul potrivit* ↔ *Ne recomandă tăcerea și rostirea la timpul potrivit* (Vianu, 241) досл. 'Рекомендует нам молчание и говорение в определенное время', где употребление отглагольных имен в определенной форме не обусловлено грамматически (например, наличием определения в форме существительного в генитиве или притяжательного местоимения). Ср. также пример с суб-

²⁴ Ср. также: «Gramatica limbii romîne», t. I, p. 99, § 100, где отмечается, что названия некоторых действий считаются строго индивидуализированными и известными и поэтому употребляются с определенным артиклем.

стантивированным супином: Trebuia să înceapă să citească și să scrie ↔ Trebuia să înceapă cititul și scrisul (Lumea, 14/74, 24) досл. 'Он должен был начать чтение и писание'.

Употребление нулевого артикля (или, иначе говоря, опущение артикля) возможно, по-видимому, только в том случае, когда отглагольному имени предшествует предлог (любой, кроме *cu*) и при этом нет определения. Например: Porniseră la plimbare (Z. um., 304) 'Отправились на прогулку'.

Случаи употребления неопределенного артикля крайне редки, причем следует различать 1) грамматически и 2) семантически обусловленное употребление неопределенного артикля.

Употребление неопределенного артикля обусловлено грамматически, если отглагольное имя определяется прилагательным, стоящим после него. Ср. A înlesnit celor doi evadați o intrare mai puțin pitorească în Toulouse (R. lit., 18/75, 19) досл. 'Облегчил двум беглецам менее красочное вступление в Тулузу'. Ср. также: Putem ajunge la o înțelegere mai profundă a faptelor de limbă analizate (Coteanu, 23) досл. 'Мы можем прийти к более глубокому пониманию анализируемых фактов'. ↔ ↔ Putem ajunge să înțelegem mai profund faptele de limbă analizate.

Во всех остальных случаях употребление отглагольного имени с неопределенным артиклем несет особую семантическую нагрузку. Интересно, что при трансформации конструкции с отглагольным именем в соответствующую конструкцию с конъюнктивом рядом с глаголом в конъюнктиве появляется некий семантический эквивалент неопределенного артикля, имеющий обычно форму сложного наречия. Например: (1) Mă voi gândi... la o înnoire a mijloacelor de expresie (Sor., 106) досл. 'Я подумаю о [некотором] обновлении выразительных средств'. Сразу отметим, что для этой фразы грамматически возможно употребление отглагольного имени в определенной форме. Ср. (1') Mă voi gândi la înnoirea mijloacelor de expresie 'Я подумаю об обновлении выразительных средств'. Нетрудно заметить, что (1') имеет несколько иной смысл, чем (1). Трансформация (1) в конструкцию с конъюнктивом дает следующий результат: Mă voi gândi să înnoiesc [oarecum, într-un fel, într-un mod, întrucîtva] mijloacele de expresie 'Я подумаю о том, чтобы [как-то, каким-то образом, в некоторой степени] обновить выразительные средства', где наречия *oarecum*, *într-un fel*, *întrucîtva* служат семантическим эквивалентом неопределенного артикля при отглагольном имени.

III. В конструкциях с отглагольными именами, как известно²⁵, часто оказываются не выраженными некоторые смысловые противопоставления, обязательные для конструкций с глаголом в личной форме. Так, например, предложению с отглагольным именем Sperați să puneți în vânzare a cîtorva bilete (R. lit., iulie 1970) досл. 'Они надеялись [на] поступление в продажу нескольких билетов' соответствуют два трансформанта — один с глаголом в конъюнктиве, который вводится при помощи своего показателя *să*, другой — с глаголом в индикативе и союзом *să*. Ср. (1) Sperați să se pună în vânzare cîteva bilete 'Они надеялись [на то], чтобы поступили в продажу несколько билетов'; (2) Sperați să se vîndă în vânzare

²⁵ Ср., например: Е. В. Падучева. О семантике синтаксиса. Материалы к трансформационной грамматике русского языка. М., 1974, с. 203—204.

cîteva bilete 'Они надеялись [на то], что поступят в продажу несколько билетов'.

Возможен и обратный случай, когда в конструкциях с отглагольными именами выражается противопоставление, которое не находит своего формального соответствия в конструкции с глаголом в личной форме. Отметим в этой связи два примера нейтрализации противопоставления по кратности: (1) *Evitam întîlnirile cu acești derbedei* (Blaga, 79) досл. 'Я избегал встреч с этими бездельниками'; (2) *Evitam întîlnirea cu acești derbedei* досл. 'Я избегал встреч с этими бездельниками'. Обе фразы трансформируются в одну и ту же личную конструкцию: *Evitam să mă întîlnesc cu acești derbedei* 'Я избегал встречаться с этими бездельниками'. Ср. также: (3) *Amicul nostru încseru iarăși cu întrebările* (Z. um., 12) досл. 'Наш друг снова приступил с расспросами' и (4) *Amicul nostru încseru iarăși cu întrebarea* досл. 'Наш друг приступил снова вопросом' (т. е. с тем же самым вопросом). (3) и (4) соответствует трансформ: *Amicul nostru încseru iarăși să întrebe* 'Наш друг снова начал спрашивать'²⁶.

Источники и сокращения

Barbu—E. Barbu. Groapa. București, 1970; Băn.—Șt. Bănulescu. Iarna bărbaților. [București], 1965; Blaga—L. Blaga. Hronicul și cîntecul vîrstei. [București], 1965; Căl.—G. Călinescu. Bietul Ioanide. [București], 1965; Chop.—Th. Balan. *Chopin*. 1960; Cont.—Contemporanul; Dieh.—Charles Diehl. Marile probleme ale istoriei bizantine. Figuri bizantine. I—II; 1969. Fem.—Femeia; Ivas.—A. Ivasiuc. Păsările. [București], 1971; Lumea—Lumea; Gib Mih.—Gib I. Mihăescu. Teatru, Cluj, 1973; Min.—I. Minulescu. Cetiți-le noaptea. Cluj, 1973; Nic.—T. Nicolescu. I. A. Bunin. București, 1971. Pard.—P. Pardău. Ore de dimineață [București], 1972; Pop—Sînziana Pop. Nu te lăsa niciodată. București, 1966; Pușc.—S. Pușcariu. Studii istororomâne. 1906; R. lit.—România literară; Sim.—G. Simenon. Cazul Luise Laboine tr. Te Al. Mirodan, 1969; Sor.—M. Sorescu. Insomii. 1974; Teod.—I. Teodoreanu. Lorelei. București, 1970; Vianu—T. Vianu. Jurnal. [București], 1961; Voic.—V. Voiculescu. Povestiri. I—II. [București], 1966; Z. um.—Zeseumoriști români. Antologie, 1974.

²⁶ Автор выражает глубокую признательность своему информанту — студентке Московского университета Адине Николеску.

Н. А. НЕЧУНАЕВА

К ЛЕКСИЧЕСКОЙ ВАРИАТИВНОСТИ В ДРЕВНЕСЛАВЯНСКИХ ПЕРЕВОДАХ (*льсть*)

Проблема лексической вариативности обычно рассматривается на материале памятников старославянской письменности¹. Почти не изученными являются лексические варианты в славянской переводной литературе Киевской Руси. В настоящей статье лексические варианты исследуются на материале древнерусских майских миней: 1) XI в., ГПБ, Соф 202 — Путятина миная (далее — ПМ); 2) XII в., Гим, Син 166; 3) XIII—XIV вв., ГПБ, Соф 204.

Минеи (от греч. μήν — 'месяц') — книги, содержащие жития святых, сказания о церковных праздниках и поучения, которые расположены по дням каждого месяца. Указанные списки миней представлены в доступном (ПМ) и собственно студийском (Син 166 и Соф 204) вариантах состава. Вопрос о месте первоначального перевода славянских миней в литературе решается по-разному. И. В. Ягич считал, что первоначальный перевод осуществлен в конце X в. — первой половине XI в. в Болгарии². По мнению Сергия, он сделан в Моравии, откуда прямо или через Болгарию пришел на Русь³. Следующий перевод миней, а точнее, обстоятельная в языковом отношении правка по оригиналу была произведена в Киеве в XI в. под руководством Феодосия Печерского. Лексические данные памятников способствуют определению славянской территории, на которой сделан перевод или редактирование текста. В работах И. В. Ягича, И. Евсева, А. В. Михайлова очерчен круг лексики, характерной для мораво-паннонского перевода богослужебных книг.

В древнейшей из майских миней (ПМ) отмечена лексика этой славянской территории — так называемые «паннонизмы»: *привязанаго и го м ъ гнемъ легкъымъ* (11об)⁴; *побѣдила еси врага мужьскою л ѣ п о т о ю* (17об); *безначальнѣ н а ч а т ъ к ъ все стѣ дѣ* (36). Наряду с паннонизмами в лексической системе ПМ представлены слова, свойственные литературно-письменному языку Восточной Болгарии: *ни языкъ прѣмощдрѣ възможеть ни оумъ земьнѣ постигнути похваленина* (21об — 22); *достойно поеть тя чловѣчь родѣ* (36). Кроме того, в ПМ отмечены лексические

¹ История вопроса изложена в кн. А. С. Л ъ в о в. Очерки по лексике памятников старославянской письменности. М., 1966.

² И. В. Я г и ч. Служебные миней за сентябрь, октябрь и ноябрь в церковнославянском переводе по русским рукописям 1095—1097 гг. СПб., 1886, с. ХСV.

³ С е р г и й. Полный месяцеслов Востока. Владимир, 1901, с. 211.

⁴ По техническим причинам некоторые буквы древнерусского алфавита передаются в упрощенной записи. Цифры в скобках указывают лист рукописи.

пары, в которых первый член является паннонизмом, а второй — восточно-болгаризмом: *в е л и к ы и с ь г р а д ь* (47об) — *в е л и и ж и т е л и н ь* (76 — 76об); *ж и в о т о у п р и с н о с о у щ о у ж о у н а с л а ж д е н и е* (52об) — *ж и з ' н и с ь п о д о б и ш а с я* (79). Подобные пары называют лексическими вариантами, если их члены находятся в разных списках памятника в параллельных местах текста и могут взаимозаменяться.

Вариативность в известной мере связана с бытованием текста на разных территориях. Вместе с тем, она возникает под влиянием ряда других причин. Для их выяснения в работе проанализирована одна пара *льсть* — *лоукавьствие*. Оба ее члена являются общеславянскими словами, но слово *льсть* характерно для мораво-паннонского перевода богослужебных книг⁵. Количественное соотношение членов этой пары в ПМ — 19 : 6. На примере первого члена *льсть* рассмотрено лексическое варьирование в рукописях майских миней. По спискам *льсть* сохраняется без изменений 17 раз, а в двух случаях отмечены варианты.

Льсть в ПМ многозначно, имеет четыре основных значения (выделения сем у слова *льсть* носит довольно условный характер): 1) 'хитрость': *л ь с т и ю д р ь в ь н а г о ж р ь б и я п р а д ь д ь о з е м с т в о в а з ь л ы и з м и и* (44об, то же — 117, 117об); 2) 'обман': *л ь с т и ю в ь с х о т ь о у к р а с и т и* (64, то же — 76об, 74об, 74об); 3) 'ложные, нехристианские понятия, учения': *п о п а л и л ь с т ь е р е т и ч ь с к у ю* (7об, то же — 45об, 42, 43, 64, 58, 83об, 111, 112—112об); 4) 'происки, уловки': *в ь с ь з ь з е м ь н ы х л ь с т и ю п о п р а в ь ш и м ь* (81об) — в Син 166 и Соф 204: *в с я з м и е в и к ь з н и п о п р а в ь ш и м ь* (50; 107).

Если сравнить систему значений *льсть* в ПМ со значениями *льсть*, приведенными в словарях⁶, то следует отметить, что ни один словарь не имеет такого полного набора значений, «Материалы» для древнерусских текстов не зафиксировали значение 'происки, уловки'. В Slovník'e для старославянских текстов, кроме этого значения, не выделено значение 'ложные понятия...'. В Lexicon'e и Словаре приведено только основное значение — 'хитрость, обман'.

Показательно, что почти все значения многозначного *льсть* восходят к разным греческим словам, например, существительным *льсть*₁ передано греч. *ὁ δόλος* 'хитрость' (44об — 104; 117—131об; 117об — 186печ)⁷; *льсть*₂ — *ἡ πλάνη* 'обман' (64—110; 76об — 114об; 74об — 113об; 74об — 113); *льсть*₃ — *ἡ ἀπάτη* 'обман, ложь' (43—103об) и *ἡ πλάνη* 'заблуждение, ошибка' (54 — 91печ); *льсть*₄ — *ἡ μηχανουργία* 'уловка, ухищрение' (81 — 118печ). Таким образом, лишь *льсть*₃ имеет не только свою собственную греческую параллель *ἡ ἀπάτη*, но и общее с *льсть*₂ — *ἡ πλάνη*. Все греческие слова в свою очередь также многозначны, однако при анализе учитывается только сема, непосредственно связанная со значением славянского слова. При переводе выбор славянского эквивалента для передачи определенного значения греческого многозначного слова зависел от мастерства славянского переводчика.

⁵ А. В. Михайлов. Опыт изучения текста книги Бытия пророка Моисея в древнеславянском переводе, ч. I. Варшава, 1912, с. 375.

⁶ И. И. Срезневский. Материалы для словаря древнерусского языка (далее — Материалы). М., 1958, т. 2, с. 68; F. r. M i k l o s i s h. Lexicon palaeoslovenico—graeco—latinum, Vindobonae (далее — Lexicon), 1862—1865, с. 348; А. Х. Востоков. Словарь церковно-славянского языка (далее — Словарь). СПб., 1858—1861, с. 203; «Slovník jazyka staroslověnského» (далее — Slovník), Praha, 1968, вып. 17, с. 149.

⁷ Греческие соответствия приведены по рукописи XIV в., ГПБ, греч. 552. Листы греческой рукописи выделены курсивом. При отсутствии соответствий в рукописи они приведены по печатному тексту майской минеи: ΜΗΝΑΙΑ ΤΩΝ ΜΑΙΟΥ καὶ ΙΟΥΝΙΟΥ ΕΝ ΡΩΜΗ, 1899 (помета печ).

Систему значений славянского *льсть*, восходящего к греческим словам, можно представить следующим образом:

	I	II	III	IV
греч.	ὁ δόλος 'хитрость'	ἡ πλάνη 'обман'	1) ἡ ἀπάτη 'обман, ложь' 2) ἡ πλάνη 'заблуждение', ошибка'	ἡ μηχανουργία 'уловки', ухищрения'
	↓	↓	↓	↓
славянское	'хитрость'	'обман'	'ложные, нехристианские понятия, учения'	'происки, уловки'
	<i>льсть</i>			

Проследим по рукописям миней, какие варианты имеет слово *льсть* в каждом из своих значений. Для этого последовательно рассмотрим все семь *льсть*.

I. *Льсть* 'хитрость' в рукописях не варьируется: *льстью прѣльсти мя з'мя* (117) — *льстию* (117об) — *льстию* (159) — *δολιως* (131об)⁸.

II. *Льсть* 'обман' — в рукописях варианты не отмечены: *источаишь дѣще пламеньь льсти* (76об) — *льсти* (48об) — *τῆς πλάνης* (114об).

В ПМ, как и в других древних памятниках, отмечается характерная черта, свойственная первым славянским переводам: одно и то же греческое слово имеет разные славянские соответствия. Многозначное *ἡ πλάνη* в ПМ переведено двумя существительными: *ἡ πλάνη* 'обман' — словом *льсть* 'обман' без разночтений в рукописях, а *ἡ πλάνη* 'обольщение' — словом *съблазнъ*: *отъганая съблазны* (104об) — *съблазны* (97об) — *съблазны* (149об) — *τῆς πλάνης* (127). *Съблазнъ* 'обольщение, соблазн' в рукописях без разночтений отмечено 5 раз, в 6 примерах *съблазнъ* варьируется в студийских минеях с *льсть*, например: *вѣньць побѣдъныйи приять на съблазнъ* (109об) — *на льсть* (21об) — *на льсть* (77) — *κατὰ τῆς πλάνης* (109об).

Появление в ПМ соотносительности *льсть* и *съблазнъ*, восходящих к общему *ἡ πλάνη*, обусловлено смысловыми факторами: разные семы многозначного греческого слова передаются разными славянскими словами. Пара *съблазнъ* — *льсть* диакронически употребляется в параллельных отрезках текста, следовательно, члены пары, заменяя друг друга в рукописях, функционируют как лексические варианты.

греч.	— ἡ πλάνη —		
ПМ	льсть	— съблазнъ —	
Син 166, Соф 204	льсть	льсть	съблазнъ

Однако соотносительность между *льсть* и *съблазнъ* в ПМ может иметь другие предпосылки. Такая соотносительность возникает тогда, когда *льсть* переводит греч. *ἡ ἀπάτη*, а *съблазнъ* — слово *ἡ πλάνη*: *попалая з'лоую льсть многобольною* (43) — *τῆν ἀπάτην τῆς πολυθείας* (103об) и — *раздроиши съблазны идольския* (63об) — *την πλάνην* (110). Оба члена употребляются в идентичном славянском контексте: *льсть многобольною* (должно быть *многобожьною*, ср. греч. *πολυθείας* — *съблазны и дольскыя*. В качестве определений выступают прилагательные, входящие в синонимический ряд при существительном *льсть*: *идольская* (60), *еретичская* (7об), *многобожьная* (45об), *безбожьная* (42), *демоньская* (143), *бѣсовьская* (112—112об), *многобожьствѣна* (111).

⁸ В рукописях рассматриваются параллельные места текста, поэтому контекст приводится только для ПМ, а для студийских миней — разночтения. Порядок следования рукописей постоянен: ПМ — Син 166 — Соф 204 — греч.

III. *Льсть* в устойчивом контексте употребляется в значении 'ложные понятия...'. В «Материалах» для *льсть* в данном значении приводятся аналогичные иллюстрации. Взаимозаменяемость *льсть* и *сѣблазнѣ* в устойчивом сочетании позволяет говорить о членах пары как о синонимах и, кроме того, выделить у *сѣблазнѣ* значение 'ложные понятия', не зафиксированное словарями.

В рукописях у *сѣблазнѣ* 'ложные понятия...' отмечено разночтение — в качестве лексического варианта в студийских минеях употребляется существительное *льсть*: *раздрауши с ѣ б л а з н ы идольскыя* (63об) — *льсть* (24об) — *льсть* (80об — 81) — *τὴν πλάνην* (110). В ПМ пара *льсть* и *сѣблазнѣ* восходит к двум греческим словам, тогда как лексические варианты *сѣблазнѣ* — *льсть* в диахронии имеют общий греческий источник — *ἡ ἀπάτη*. Можно предположить, что при переводе ПМ *ἡ ἀπάτη* передано на славянский словом *льсть* 'ложные понятия', а в студийских минеях *льсть* с тем же значением соответствует греч. *ἡ πλάνη*:

греч.	<i>ἡ ἀπάτη</i>	<i>ἡ πλάνη</i>
ПМ	льсть	—сѣблазнѣ—
Син 166, Соф 204	льсть	льсть сѣблазнѣ

Перевод *ἡ πλάνη* — *льсть* 'обольщение, соблазн' в студийских минеях стал возможен вследствие отражения в ПМ образованных уже в славянском языке системных отношений между *льсть* и *сѣблазнѣ*. Членами этой пары в ПМ образован синонимический ряд, каждый из элементов которого имеет свое собственное греческое соответствие. После установления синонимических отношений между *льсть* и *сѣблазнѣ* уже в славянском литературном языке появилась возможность слово *ἡ πλάνη*, которому вначале соответствовало лишь *сѣблазнѣ*, передать существительным *льсть*:

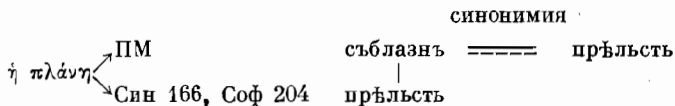
	синонимия		
ПМ	льсть	=====	сѣблазнѣ
Син 166, Соф 204			льсть — } <i>ἡ πλάνη</i>

Сѣблазнѣ 'ложные понятия', переводящее *ἡ πλάνη*, помимо *льсть*, имеет в рукописях другое лексическое варьирование: *приимѣ с ѣ б л а з н ы и соуци мятежьная течения* (123об) — *прѣльстьноу* (114) — *прѣльстьноу* (162) — *πλάνης* (183печ). *Сѣблазнѣ* в ПМ входит в ряд однородных членов: *сѣблазнѣ* и *мятежьныя течения*. Такое употребление *сѣблазнѣ* еще раз подтверждает точность определения его значения.

Лексическим вариантом *сѣблазнѣ* в студийских минеях является *прѣльсть*. Значение *прѣльсть* можно определить как 'ложные понятия', ср. его как составляющую ряда однородных членов: *прѣльстьноу и мятежьныя течения*. *Прѣльсть* зафиксировано в ПМ: *сѣ петромъ и павломъ... почѣтъмъ твердо ꙗ ради моучивъшеся и прѣльсть отъгнавшемъ* (87об) — *льсть* (53об) — *льсть* (110об) — *τὴν ἀπάτην* (122печ). Значение *прѣльсть* в ПМ также 'ложные, нехристианские понятия', греческий источник — *ἡ ἀπάτη* имеющее в ПМ, кроме того, другое славянское соответствие — *льсть* 'ложные понятия'. Характерно, что *прѣльсть*, в свою очередь, не остается в стороне от лексического варьирования. Его вариантом в студийских минеях является *льсть*:

греч.	— <i>ἡ ἀπάτη</i> —	<i>ἡ πλάνη</i>
ПМ	льсть	—прѣльсть—
Син 166, Соф 204	льсть	льсть прѣльсть

В диахроническом плане имеются четыре ряда вариантов: 1) *съблазнъ* — *льсть* ‘обольщение’, возникший в результате действия семантических факторов. Передача $\eta\ \pi\lambda\acute{\alpha}\nu\eta$ в ПМ как *льсть* и *съблазнъ* послужила предпосылкой для замены *съблазнъ* на *льсть* в Син 166 и Соф 204. Варьирование явилось причиной того, что *льсть* обладает новым значением ‘обольщение’, не характерным для *льсть* в ПМ. Функционирование *льсть* в качестве лексического варианта в студийских минеях привело к изменению его семантического состава. В старославянских текстах *льсть* ‘обольщение’ передает $\eta\ \acute{\alpha}\pi\acute{\alpha}\tau\eta$ ⁹. 2) *съблазнъ* — *льсть* ‘ложные понятия’. Предпосылкой образования лексических вариантов было установление синонимических отношений между *льсть* и *съблазнъ* в ПМ. 3) *съблазнъ* — *прѣльсть* и *прѣльсть* — *льсть* — оба ряда со значением ‘ложные понятия’. Первый ряд восходит к $\eta\ \pi\lambda\acute{\alpha}\nu\eta$, второй — $\eta\ \acute{\alpha}\pi\acute{\alpha}\tau\eta$. На славянской почве разные греческие слова передают два ряда варьирующих единиц, причем, один член этих рядов — *прѣльсть* — общий и поздний¹⁰. В ПМ имеются два славянских слова *съблазнъ* и *прѣльсть*, у каждого из которых разные греческие источники. Об этих словах можно говорить как о синонимах, но несколько иного характера, чем *льсть* и *съблазнъ* ‘ложные понятия’, хотя греческий источник у них один и тот же. *Льсть* и *съблазнъ* практически являются абсолютными синонимами в силу употребления их в устойчивых сочетаниях. Для *съблазнъ* и *прѣльсть* такие условия не отмечены, хотя об их синонимии, сравнивая широкий контекст (примеры выше), можно говорить. Образованию вариативности *съблазнъ* — *прѣльсть* в рукописях также способствовала синонимика членов пары в ПМ, но синонимические связи между *съблазнъ* и *прѣльсть* более слабые, чем у *льсть* и *съблазнъ*.

Варьирование *прѣльсть* — *льсть* имеет другие основания. *Прѣльсть* — *льсть* входит в ряд разночтений типа: приставочное образование в ПМ — бесприставочное — в студийских. Таких разночтений отмечено 37, из них с приставкой *прѣ* — в ПМ и ее отсутствием в Син 166 и Соф 204 — 20. При варьировании приставочного образования с бесприставочным значение слова в рукописях остается неизменным. Изменение словообразовательной структуры слова, по-видимому, вызвано упрощением текста в студийских минеях.

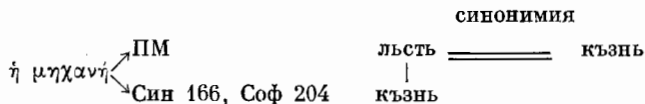
IV. *Льсть* ‘происки, уловки’ (пример на с. 95). Греческое соответствие $\eta\ \mu\eta\chi\alpha\nu\omicron\rho\rho\iota\alpha$ (118печ). Лексическим вариантом в рукописях для *льсть* ‘происки, уловки’ является *къзнь*. Таким образом, в рукописях функционирует еще одно разночтение — *льсть* — *къзнь*. *Къзнь*, являющееся вариантом *льсть* в студийских минеях, также зафиксировано в ПМ: *сътяжавъше съблазнъноюу къзнь* (84, то же 90, 25). Словом *къзнь* переведено греческое $\eta\ \mu\eta\chi\alpha\nu\acute{\eta}\varsigma$ (116об), однокоренное с $\eta\ \mu\eta\chi\alpha\nu\omicron\rho\rho\iota\alpha$. *Къзнь* в ПМ употребляется в определенных сочетаниях: *къзньми в р а ж и я м и* (25об), *съблазнъноюу къзнь* (84), ср. иллюстрации в «Материалах»: *зълѡбъная къзнь*, *къзньми сотонины*. Значение *къзнь* в ПМ — ‘происки, уловки’. На листе 84 обращает на себя внимание определение при *къзнь*: прилагательное *съблазнъноюу* стоит в синонимическом ряду *зълѡбъный*, *сотонинъ*, *вражи*, с общим значением ‘ложный,

⁹ Slovník..., вып. 17, с. 149.

¹⁰ Ср. другой порядок членов пары *льсть*: *прѣльсть* в кн. V. J a g i ć. Entstehungsgeschichte der kirchenslavischen Sprache. Berlin, 1913, с. 454.

нехристианский⁹. Об этом значении существительного *съблазнѣ* говорилось выше. *Къзнѣ* в рукописях остается без изменения, а определение при нем (ср. существительное *съблазнѣ* в аналогичных условиях) дает ожидаемый вариант *льстьныя*: *стяжавше съблазнѣную къзнѣ* (84) — *льстьныя къзнѣ* (57об) — *льстьныя къзни* (114) — *πλάνης τὰς μηχανάς* (116об).

Льсть в ПМ находится в аналогичном устойчивом контексте: *земьныих льстию* (81об) — *змиеви къзни* (50) — *змьеви къзни* (107)¹¹. Абсолютная синонимия *льсть* и *къзнѣ* 'происки, уловки' в ПМ является предпосылкой для их варьирования в рукописях. На эту, уже известную, предпосылку варьирования лексических единиц накладываются дополнительные условия. *Къзнѣ* относится к словам, которые в ряду с *жизнь*, *казнь*, *боязнѣ*, *болезнь* признают восточноболгаризмами¹². Общеславянское *льсть*, специфичное для памятников, переводимых в мораво-паннонский период, является в ПМ абсолютным синонимом к *къзнѣ*, вошедшим в литературно-письменный язык в Восточной Болгарии, и с *къзнѣ* же варьируется в рукописях. Замена *льсть* на *къзнѣ* в студийских минеях имеет, кроме того, стилистическое значение: слово с суффиксом *-знѣ* делает контекст стилистически маркированным:

Лексическое варьирование в исследованных рукописях способствует определению состава сем славянских слов на двух уровнях:

	ПМ	хитрость	обман	ложные понятия	происки, уловки	
<i>льсть</i>	Син 166 Соф 204	хитрость	обман	ложные понятия	—	обольщение

На двух уровнях: XI в. — XII—XIV вв. — у слова *льсть* разный набор сем: 1) значение 'происки, уловки' в Син 166 и Соф 204 передается только словом *къзнѣ*, 2) значение 'обольщение', отмеченное в студийских минеях, в ПМ передано словом *съблазнѣ*.

Особняком стоит разночтение *льсть* — *мьгла*: *ты словомъ обличи ересьскуюю льсть* (54) — *мьглоу* (62) — *льсть* (7) — *την πλάνην* (91печ). Значение *льсть* в подобном устойчивом контексте определено как 'ложные, нехристианские понятия', греческий источник — *η πλάνη*. *Мьгла* встречается в ПМ в таком устойчивом контексте, в каком уже отмечены *льсть*, *съблазнѣ*: *отъ грѣховьныя мьглы избави* (105об) — *ἀχλὺς* (127об), *мьглоу еретичьскуюю оѣ потвори* (6об). Можно было бы предположить, как и в случаях, рассмотренных выше, абсолютную синонимию *льсть* и *мьгла*, но этому препятствует греческий источник — *ἀχλὺς*¹³. Трудно предположить, чтобы какое-нибудь из значений полисеманта *η πλάνη* переводилось в славянском тексте словом *мьгла*. Поэтому необходимо найти другое слово, по каким-то причинам отсутствующее в греческой рукописи, которое могло быть передано славянским *мьгла*. Силлабо-тонический размер текста позволяет предположить, что искомое греческое слово могло быть на месте *ἀχλὺς* только при опреде-

¹¹ *земьныих* — *змиеви* — отражение греческого разночтения.

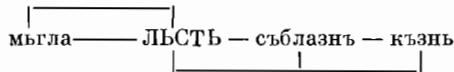
¹² В. В. Виноградов. В истории лексики русского литературного языка. Русская речь. Новая серия. Л., 1927, с. 94.

¹³ Словарями не отмечено *ἀχλὺς* в качестве источника для славянского *мьгла*.

ленных условиях: количество слогов и место ударения в заменяемых греческих единицах должно остаться неизменным. Таким словом в греческой рукописи могло быть $\acute{o} \gamma\nu\acute{o}\phi\omicron\varsigma$ — 'мьгла', и тогда — $\tau\acute{\eta}\nu \pi\lambda\acute{\alpha}\nu\eta\nu - \tau\acute{o}\nu \gamma\nu\acute{o}\phi\omicron\nu$. «Материалы дают» $\acute{o} \gamma\nu\acute{o}\phi\omicron\varsigma$ в качестве греческого источника для мьгла. Поэтому считаем, что основной предпосылкой лексического варьирования в этом фрагменте послужил греческий источник: различие *льсть* — *мьгла* — различие не славянских рукописей, а отражение возникшего еще в греческих рукописях: $\tau\acute{\eta}\nu \pi\lambda\acute{\alpha}\nu\eta\nu - \tau\acute{o}\nu \gamma\nu\acute{o}\phi\omicron\nu$. Это предположение, на наш взгляд, подтверждается тем фактом, что в Соф 204 вновь появляется слово *льсть*, т. е. варьирование в последовательных редакциях минеи выглядит так: *льсть* — *мьгла* — *льсть*. Отношения варьирования между *льсть* — *мьгла* поддержаны определенными условиями, возникшими в славянских рукописях. Необходимо учесть устойчивый контекст в ПМ: постановка *льсть* и *мьгла* в абсолютно одинаковое словесное окружение приводит к синонимии их (видимо, такого же характера, что и в случае *льсть* и *сѣблазнѣ*) и к возникновению у *мьгла* окказионального значения 'ложные понятия', не зафиксированного словарями.

Варьирование *льсть* — *мьгла* в рукописях имеет двойное основание: во-первых, оно является отражением греческого различия, а во-вторых, *льсть* и *мьгла*, входя в ряд славянских синонимических соответствий *льсть* и *сѣблазнѣ*; *льсть* и *кѣзнѣ*, являющийся предпосылкой для их заменяемости в рукописях, поддерживается этой системой.

Лексические различия способствовали определению семемного состава мораво-паннонского лексического элемента *льсть* в разных рукописях майской минеи от XI в. до XIV в. и позволили выделить синонимический ряд в древнейшей минеи:

Рассмотрение лексических вариантов показало, что они могут иметь две основы: 1) греческое варьирование, отраженное в древнерусских рукописях; 2) славянское варьирование, изучение которого представляет большой интерес.

Таким образом, варьирование лексических единиц, связанное с бытованием текстов на разных территориях, в славянских минеях, вместе с тем, определяется рядом других факторов, важнейшим из которых является синонимия членов варьирующейся пары, возникшая в древнейшем списке.

Семы славянского слова *льсть* и его вариантов в рукописях минеи вторичны, однако формирование системы их значений — процесс, происходящий в церковно-славянском языке.

ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

«Великий Октябрь и революции 40-х годов в странах Центральной и Юго-Восточной Европы. Опыт сравнительного изучения социально-экономических преобразований в революционном процессе». М.: «Наука», 1977, 541 с.

Велико и непреходяще влияние Великой Октябрьской социалистической революции на развитие и углубление мирового революционного процесса, важным звеном которого явились революции 40-х годов в ряде европейских стран.

К 60-летию Великого Октября коллектив авторов под руководством Д. В. Кузнецова, А. Я. Манусевича (ответственный редактор), Ю. А. Полякова издал монографию, которая является по существу первой в советской историографии попыткой комплексного сравнительного изучения проявления общих закономерностей перехода от капитализма к социализму сначала у нас, а затем в странах Центральной и Юго-Восточной Европы. Безусловно, работа не претендует на полное систематическое и всестороннее освещение таких эпохальных событий в истории человечества, как победа Великого Октября, победы революций в странах Центральной и Юго-Восточной Европы. Цель книги, как определяют ее авторы, «раскрыть единство социально-экономических преобразований, составляющих суть Великой Октябрьской социалистической революции и революций 40-х годов», показать, что «героическими усилиями советского народа, народов социалистического сообщества путь к новому общественному строю в основном проторен и испытан для всех народов» (с. 15).

Работа создана на основе многочисленных архивных и опубликованных документов. Авторами изучено и проанализировано также практически все, что написано по теме исследователями СССР и стран указанного региона. Нам приятно подчеркнуть, что для подкрепления тех или иных выводов, положений авторы приводят многие факты, до того не приводившиеся или мало приводившиеся в советской литературе. Всю работу отличает новизна постановки и рассмотренных проблем.

Удачной представляется структура монографии, предусматривающая освещение претворения в жизнь общих закономерностей перехода от капитализма к со-

циализму сначала на родине Октября. Этому посвящена глава «Исторический опыт социально-экономических преобразований Великой Октябрьской социалистической революции», написанная В. П. Димитренко. Значительное внимание в ней уделено разработке В. И. Лениным теоретических основ общих закономерностей социалистической революции и особенностей их воплощения в конкретных исторических условиях. Автор делает, по нашему мнению, закономерный вывод, что основные положения ленинской программы перехода к социализму «имели всемирное значение и нашли конкретное воплощение как в России в борьбе трудящихся под руководством большевистской партии за победу Октября и последующее упрочение пролетарской диктатуры, так и в странах, вступивших после второй мировой войны на путь социалистического строительства» (с. 34—35).

Далее в главе идет речь о тех преобразованиях в области социально-экономических отношений, которые произошли в нашей стране в результате Октября. Очень уместным представляется напоминание о том, что В. И. Ленин в первые годы революции резко осудил авантюризм «левых» коммунистов, настаивавших на ликвидации товарно-денежных отношений и немедленной их замене новыми формами обмена и распределения, хотя тогда действительно часть революционеров трактовала их как элементы капитализма. В. И. Ленин настойчиво подчеркивал, что на пути ликвидации стоимостных категорий необходимо пройти этап оздоровления, укрепления, использования этих категорий в борьбе против капитализма (с. 44—45).

Условия гражданской войны и иностранной интервенции потребовали внесения изменений в решение вопроса о темпах и формах перехода к социализму, что нашло отображение на страницах рецензируемой монографии. Здесь обобщенно изложены политика «военного коммунизма» и новая экономическая политика как необходимые мероприятия

Советской власти на пути строительства социализма в конкретно-исторических условиях нашей страны в первые годы революции.

Глава «Нарастание социально-политических противоречий в странах Центральной и Юго-Восточной Европы. Борьба против фашизма и победа революций» принадлежит перу А. Я. Манусевича. Она, по нашему мнению, дает ключ к пониманию политических и социально-экономических преобразований, происшедших в странах указанного региона на завершающем этапе войны и после ее окончания. Прежде всего здесь освещаются предпосылки революций. Это представляется чрезвычайно важным в связи с тем, что в буржуазной историографии обычно установление народно-демократического строя в ряде зарубежных стран Европы изображается как результат вмешательства извне, навязывание его Советским Союзом. Глубокий анализ исторического развития указанных стран в межвоенные годы с привлечением очень интересных фактов позволил автору аргументированно опровергнуть буржуазные домыслы (с. 84—94).

В главе освещается также роль рабочего класса и его марксистско-ленинских партий в борьбе за единый рабочий и народный фронты, против фашизма, против угрозы войны. Обобщен опыт национально-революционной войны испанского народа, имевшей «большое практическое значение для последующих народно-демократических революций 40-х годов». Испанский опыт показал, делает вывод автор, что народный фронт, новая демократия могут стать связующим звеном между антифашистской борьбой и борьбой за социализм (с. 101). Надлежащее внимание уделено и роли Советского Союза в борьбе против фашизма.

Глава «Национализация основных средств производства в странах Центральной и Юго-Восточной Европы» (автор Г. П. Муранко) посвящена одной из важнейших проблем революционного преобразования общества, переходу в руки государства основных средств в промышленности и сфере обращения. В главе проанализированы программы социально-экономических преобразований, разработанные коммунистическими и рабочими партиями стран указанного региона. Причем отдельно программы коммунистов поработенных стран (Югославия, Албания, Польша, Чехословакия) и стран бывших союзниц гитлеровской Германии — Венгрии, Румынии и Болгарии. Рассмотрены социально-экономические преобразования в области промышленности в Восточной Германии.

Следует подчеркнуть, что анализ процессов национализации проводится на общем фоне социально-экономических и политических преобразований. Автор вполне справедливо указывает, как нам

представляется, на то, что национализация в оккупированных странах не носила на начальном этапе революции характера «строго социальной акции», а осуществлялась «как мера национально-освободительная, антифашистская, выражавшаяся в конфискации собственности коллаборационистов и оккупантов» (с. 183). Вместе с тем в монографии довольно четко показана особенность первоначальных мероприятий по национализации в странах — союзницах гитлеровской Германии. Автор делает одну из первых в советской историографии попыток определения отличительных черт в национализации во второй группе государств по сравнению с первой (с. 204—205, 262 и др.).

Однако автор вполне справедливо подчеркивает, что при всем внешнем различии процессов ликвидации капиталистической собственности на средства производства в различных странах их национализация происходила на основе общих закономерностей перехода от капитализма к социализму, выявленных и обобщенных В. И. Лениным на опыте первой победоносной социалистической революции» (с. 319).

В главе «Революционные преобразования аграрных отношений в странах Центральной и Юго-Восточной Европы», написанной В. В. Марьиной, рассматриваются такие проблемы, как аграрно-крестьянский вопрос на завершающем этапе антифашистской освободительной борьбы; содержание аграрных реформ, темпы и методы их реализации; противодействие сил реакции; изменение социальной структуры деревни в результате аграрных реформ; кооперативное движение в деревне; политика коммунистических и рабочих партий по упорочению экономического союза рабочего класса и крестьянства; взаимоотношения коммунистических и крестьянских партий в ходе революционных преобразований; роль и место различных слоев крестьянства в революции. Даже такое простое перечисление поднятых вопросов свидетельствует об основательности анализа общей проблемы. Как и во всей монографии, здесь осуществлен конкретно-исторический подход к исследованию и обобщению фактов и явлений в области социально-экономических и, в какой-то мере, политических преобразований.

Особо следует отметить, как нам представляется, анализ характера и хода аграрных реформ, осуществленный на базе значительного фактического материала и со знанием особенностей той или иной страны (с. 356—378). Хорошо, что автор не упускает из виду многочисленных трудностей, возникавших на пути аграрных преобразований (с. 385, 407, 415 и др.).

В заключительной главе «Становление мировой системы социализма» (авторы

Л. С. Ягодский и А. Н. Барковский) освещаются вопросы, связанные с обобщением опыта начала формирования международных отношений нового типа; сотрудничество Советского Союза со странами данного региона на завершающем этапе второй мировой войны и в первые послевоенные годы; становление экономических отношений нового типа и создание на этой основе Совета Экономической Взаимопомощи.

Здесь, как и в предыдущих главах, серьезное внимание уделено теоретическому обоснованию зарождения межгосударственных отношений нового типа, сначала в самом широком смысле, а затем применительно к экономическим контактам. Следует подчеркнуть, что, исходя из ленинской теории, авторы выводят специфические закономерности развития социализма как мировой системы и относят к их числу: укрепление единства стран социализма и совместную защиту ими социалистических завоеваний; углубление хозяйственной взаимопомощи, в том числе и с целью содействия прогрессу тех стран, которые ранее были относительно отсталыми в экономическом отношении; все более планомерное и пропорциональное развитие мирового социалистического хозяйства как целого и постепенное превращение его в глубоко интегрированную экономическую систему (с. 466).

Важно также подчеркнуть, что авторы главы внимательно отнеслись к анализу тех трудностей, которые возникали на пути развития сотрудничества стран, вступавших на путь социализма. При налаживании сотрудничества необходимо было, как справедливо замечают авторы, «учитывать довольно существенные различия между странами с точки зрения уровня социально-экономического, политического, культурного и т. д. развития и с точки зрения их исторического прошлого, преодолевать определенные унаследованные от этого прошлого, а также некоторые новые противоречия» (с. 483).

Если говорить о книге в целом, то она в соответствии с замыслом авторского коллектива построена исключительно на сравнительном анализе исторических явлений в истории нашей страны и за-

рубежных европейских социалистических стран. А при освещении проблем национализации подчеркиваются ее преимущества перед национализацией в условиях капитализма, в частности в Англии, Франции (с. 267, 274).

Вполне теоретически обоснованным и практически аргументированным представляется вывод авторов монографии об общности «основных черт социалистической революции в России и последующих сдвигов в других странах мира и в первую очередь коренные изменения в 40-е годы в государствах Центральной и Юго-Восточной Европы», а также о том, что «общность магистрального пути вовсе не означает шаблона, полного единообразия, равно как и не знает лишь специфического и единичного» (с. 526).

Обладая несомненными достижениями, о которых сказано выше, работа в то же время не лишена, как нам представляется, и отдельных недочетов, правда, незначительных и в целом не влияющих на ее качество. Так, несколько обособленным выглядит первый раздел, ибо в нем отсутствует сравнительный анализ исторических явлений. В то же время в других главах такой анализ проведен достаточно глубоко. Видимо, в связи с тем, что книга писалась коллективом авторов, в некоторых главах имеются некоторые, правда незначительные, повторения. Это касается глав о национализации и преобразованиях в сельском хозяйстве. Несколько схематичным по сравнению с другими проблемами представляется освещение вопроса о сопротивлении сил реакции аграрным преобразованиям, проводимым народно-демократическими государствами в ходе революции.

Высказанные нами замечания носят, как представляется, дискуссионный характер. Книга, вне всякого сомнения, вызывает значительный интерес у научной общественности. Она может быть широко использована и в учебных целях при чтении спецкурсов, проведении спецсеминаров. Приходится лишь сожалеть, что она издана таким незначительным тиражом (2850 экз.) и уже сразу становится библиографической редкостью.

П. М. Калениченко, Ю. И. Макара

«VII конгресс Коминтерна и борьба за создание народного фронта в странах Центральной и Юго-Восточной Европы». М., «Наука», 1977, 375 с.

В рецензируемой коллективной монографии, подготовленной Институтом славяноведения и балканистики АН СССР¹, подвергнуты разностороннему анализу вопросы, связанные с началом поворота к новой политической ориентации коммунистических партий стран Центральной и Юго-Восточной Европы, их вкладом в разработку стратегии и тактики коммунистического движения на VII конгрессе Коминтерна, борьбой за осуществление его основных решений в конкретных условиях указанных стран в предвоенные 1936—1939 гг.¹

Монография построена на основе значительного, тщательно отобранного фактического материала, почерпнутого как из опубликованных источников, так и из ряда архивов. Широко использованы труды классиков марксизма-ленинизма, видных деятелей международного коммунистического движения, новейшие исследования советских и зарубежных историков-марксистов.

Книга состоит из трех глав, введения и заключения.

Первая глава посвящена обострению общего кризиса капитализма и его отражению в странах рассматриваемого региона в конце 20 — начале 30-х годов. Мировой экономической кризис 1929—1933 гг., протекавший в условиях общего кризиса капитализма, вызвал глубокие хозяйственные потрясения и имел серьезные социально-экономические последствия. Политическая система капитализма оказалась неспособной справиться с нарастающей классовой борьбой пролетариата и всех трудящихся. Растущая реакционность монополистического капитала в условиях кризиса вела к тому, что буржуазно-демократические свободы и институты всячески урезывались, подавлялась деятельность не только революционных объединений, но и всех активных сторонников демократии, происходил поворот от буржуазной демократии к открытой диктатуре профашистского или фашистского типа. Обострились противоречия и на международной арене, где фашизм выступал как ярко выраженная реакция империалистической буржуазии на рост сил социализма и укрепление Страны Со-

ветов. Посредством войны империалисты надеялись задушить Советский Союз и подавить революционное движение в своих странах. В войне они видели и выход из экономического кризиса. В этих условиях политика правой социал-демократии была направлена на классовое сотрудничество с буржуазией, против революционного рабочего движения, возглавляемого компартиями. На почве антикоммунизма и антисоветизма она смыкалась с империалистами, капитулировала перед фашизмом.

Единственной организованной политической силой, решительно и непримиримо борющейся против империалистической реакции и фашизма, было коммунистическое движение. Намечая революционный выход из кризиса, Коминтерн стремился найти пути к повышению революционной активности рабочего класса, подвести массы к решающим боям. Однако серьезной помехой сплочению трудящихся в этот период были недоучет коммунистами изменившейся обстановки, рецидивы левосектантских ошибок, недооценка необходимости выработки новой стратегической линии на мобилизацию всех антифашистских сил.

Авторы монографии на конкретном материале показывают, что все указанные явления были характерны и для стран Центральной и Юго-Восточной Европы, хотя в каждой из них проявлялись по-своему.

Поворот от буржуазной демократии к открытой диктатуре профашистского или фашистского типа в странах рассматриваемого региона сопровождался нарастающим возмущением трудящихся масс, упорно борющихся за сохранение и расширение демократических прав и свобод. Преодолевая трудности и исправляя ошибки сектантского характера, коммунистические партии вырабатывали новую политическую линию, направленную на сплочение демократических сил против наступления фашизма и угрозы войны, на демократизацию политической и общественной жизни.

Эти проблемы подробно рассмотрены во второй главе монографии — «VII конгресс Коминтерна и задачи борьбы против угрозы фашизма и войны». Как показывают авторы, накопление компартиями опыта борьбы, разработка политики антифашистского единства являлись сложным процессом. Опыт борьбы компартий стран Центральной и Юго-Восточной Европы, так же как и других компартий, подсказывал необходимость расширения антифашистского фронта, вовлечения в него крестьянских масс, правильного со-

¹ Редакционная коллегия: А. Х. Клеванский, И. И. Костюшко, К. К. Шириня. Авторский коллектив: М. Д. Ереценко, В. Ф. Кадацкий, К. Д. Кирьякидис, А. Х. Клеванский, И. В. Михутина, С. Ю. Пруница, А. И. Пущкаш, М. М. Сумарокова, В. В. Хайнас, К. К. Шириня, А. А. Язькова.

четания классовой политики пролетариата с борьбой в защиту национальных интересов, против превращения этих стран в пособников германского и итальянского фашизма. Однако в документах коммунистических партий содержались и левачьи формулировки, упрощенное толкование революционного процесса, первоначально решение задач антифашистского единства нередко связывалось с прежними стратегическими установками, с курсом на подготовку непосредственно социалистического переворота и лишь постепенно созревало представление о неизбежности в капиталистических странах антифашистской фазы борьбы, подводящей к социалистическому перевороту. В результате напряженной теоретической и практической работы как в самих компартиях, так и в руководстве Коминтерна, коммунистические партии Болгарии, Венгрии, Греции, Польши, Румынии, Чехословакии, Югославии постепенно стали освобождаться от ошибочных представлений и поворачиваться лицом к проблеме рабочего единства не только «снизу», но и путем создания единого фронта с реформистскими партиями, а также сплочения всех сторонников демократии в антифашистский фронт. Компартии большинства стран региона подходили к VII конгрессу Коминтерна, имея уже значительные достижения в разработке и практическом применении новой стратегии и тактики в условиях своих стран.

Разностороннему анализу подвергнуты в монографии исторические решения VII конгресса Коминтерна и вопрос об участии компартий стран Центральной и Юго-Восточной Европы в его работе. Как подчеркивают авторы, одна из важнейших задач конгресса состояла в том, чтобы глубоко и всесторонне оценить мировую ситуацию, трезво, реалистически проанализировать классовую сущность и показать опасность фашизма, вскрыть его существенные черты и причины победы в ряде стран. Дав глубоко аргументированные выводы и ответы по всем этим вопросам, конгресс ориентировал силы международного пролетариата и всех трудящихся на борьбу против фашизма, этой открытой террористической диктатуры наиболее реакционных и империалистических элементов финансового капитала. В книге раскрывается вклад VII конгресса Коминтерна в развитие стратегии и тактики коммунистических партий в соответствии с новыми задачами борьбы против фашизма и развязывания новой мировой войны, в разработку принципов народного фронта. Авторы показывают вклад представителей компартий стран Центральной и Юго-Восточной Европы в развитие новой политической линии как в международном коммунистическом движении вообще, так и конкретно применительно

к их собственным странам. Яркое отражено деятельное участие в конгрессе таких выдающихся деятелей коммунистического движения, как Г. Димитров, В. Коларов, Б. Кун, Ю. Леньский, К. Готвальд, А. Запотоцкий, М. Горкич и др.

Пожалуй, наиболее тщательно, с привлечением нового конкретного материала, разработана третья глава монографии, составляющая около половины книги. В ней отражена борьба за создание единого рабочего и народного фронта в странах рассматриваемого региона после VII конгресса Коминтерна. Глава состоит из общего раздела, трактующего важнейшие проблемы политики единого рабочего и широкого народного фронта в 1936—1939 гг. и страноведческих разделов, в которых раскрывается значение VII конгресса Коминтерна в укреплении отдельных коммунистических партий, показано творческое применение новой стратегии и тактики соответственно компартиями Болгарии, Венгрии, Греции, Польши, Румынии, Чехословакии и Югославии.

Новая ориентировка, данная VII конгрессом Коминтерна, способствовала активизации во всем мире антифашистской борьбы, которая превратилась в важнейший фактор политической жизни. Президиум Исполкома Коминтерна и коммунистические партии развернули большую работу по пропаганде и популяризации новых решений, стремясь творчески применить общие установки к конкретно-специфическим условиям отдельных стран. В этот период политика народного фронта принесла блестящие результаты во Франции, Испании и некоторых других странах. Разработка, а в известной мере и проверка на практике политических и социально-экономических программ народного фронта,— пишут авторы,— явились важным вкладом в развитие представлений коммунистов о реальных путях строительства новой антифашистской демократии (с. 188).

Рассматривая наиболее существенные вехи развития рабочего и народного фронта в отдельных странах Центральной и Юго-Восточной Европы, авторы выделяют характерные региональные особенности борьбы за сплочение демократических сил вокруг выдвигавшихся политических и социально-экономических требований, а также специфические трудности, которые встречались на этом пути.

В Болгарии борьба шла за привлечение в ряды единого рабочего фронта основных масс пролетариата путем соглашения между революционным и реформистским профцентрами, а затем — в рамках казенного Болгарского рабочего союза за справедливые трудовые договоры, за избрание антифашистов в руководящие органы Союза. Ярким проявлением рабочего единства являлись подъем стачечной борь-

бы, а также «делегатское движение» — посылка в высшие государственные учреждения избранных на рабочих собраниях делегаций, предъявлявших требования рабочих. Важной формой движения народного фронта в рассматриваемый период стали так называемые конституционные комитеты, создававшиеся на местах при участии коммунистов, а также сторонников мелкобуржуазных и буржуазных нефашистских партий. В книге особо отмечается, что успех антифашистской борьбы в Болгарии во многом зависел от сотрудничества БКП с массовой крестьянской партией — Земледельческим союзом. Болгарские коммунисты рассматривали его в качестве основного партнера в борьбе за создание народного фронта.

Анализируя процесс перестройки работы венгерских и румынских коммунистов в соответствии с решениями VII конгресса Коминтерна, авторы книги показывают значительные трудности объективного характера, которые стояли на их пути. В Венгрии наибольшие результаты были достигнуты в профсоюзном и молодежном движениях, приобретших боевой, наступательный характер. В истории антифашистского движения Румынии в середине 30-х годов значительную роль сыграл Блок защиты демократических свобод, традиции которого в дальнейшем были развиты «гражданскими комитетами». Накануне войны, выдвинув лозунги борьбы за демократические преобразования, за мир, дружбу с СССР, против превращения своей страны в придаток германского империализма, КПР выразила готовность сотрудничать со всеми патриотами для достижения этих целей.

Большой интерес представляет раздел, в котором анализируется принятая VI съездом компартии Греции программа претворения в жизнь линии VII конгресса Коминтерна в сложных условиях этой страны. Образование в 1936 г. Все-народного фронта, главную роль в котором играли греческие коммунисты, и его согласованные действия с другими нефашистскими организациями, а также важные шаги в направлении восстановления профсоюзного единства на принципах классовой борьбы и внутрипрофсоюзной демократии способствовали активизации народных масс. Однако раскольничья политика буржуазных партий серьезно мешала сплочению демократических сил. Она облегчила наступление реакции и приход к власти диктаторского режима Метаксаса. В новых условиях греческие коммунисты последовательно продолжали добиваться объединения демократических сил для борьбы против диктатуры и фашизма, а после нападения Италии на Грецию КПГ, опираясь на решения VII конгресса Коминтерна и собственный опыт, смогла добиться широкого единства антифашистских сил, возгла-

вила борьбу своего народа против империалистических захватчиков.

Ярко повествуется на страницах монографии о творческом подходе Коммунистической партии Польши к реализации единого рабочего и широкого народного фронта. Польские коммунисты сумели не только развернуть единый фронт пролетариата и других отрядов трудящихся снизу, но и добиться значительных сдвигов в организации единого фронта сверху. При этом их опыт подтвердил вывод VII конгресса Коминтерна о том, что в условиях Польши, где крестьянские массы имеют свои организации, создание народного фронта может идти параллельно с образованием рабочего фронта и даже его опережать (с. 262). Несколько позже, в менее благоприятной для политики единства обстановке, КПП пришла к концепции реализации программы народного фронта через широкое сотрудничество всех демократических сил без заключения формальных соглашений. Этот вариант народного фронта применительно к условиям Польши был одобрен секретариатом ИККИ (с. 275—276). Такая творческая постановка проблемы народного фронта как альтернативы режиму «санационной» диктатуры служила примером для братских партий, действовавших в сходных условиях.

В книге нашли также широкое отражение специфические формы осуществления политики единого рабочего и народного фронта в Чехословакии, где уже к концу 30-х годов задачи антифашистской борьбы тесно переплетались с задачами защиты национальной независимости, и в Югославии, где главным содержанием антифашистского народного фронта стал союз рабочего класса, крестьянства и угнетенных народов.

Подводя итоги исследованию, авторы подчеркивают, что в ходе борьбы за народный фронт в предвоенные годы была создана, сохранена, а в ряде случаев расширена основа будущего сотрудничества антифашистских сил. Политика антифашистского единства широких масс народа, разработанная VII конгрессом Коминтерна, выдержала испытание огнем и кровью в годы второй мировой войны. Она идейно и политически подготовила компартии стран Центральной и Юго-Восточной Европы, международное коммунистическое движение в целом к борьбе с фашизмом, а затем и для продвижения к социализму (с. 373).

Рецензируемый труд не лишен некоторых недостатков. В частности, в нем довольно много повторений, содержание некоторых страноведческих разделов недостаточно подчинено центральной теме исследования. В книге совершенно не упоминается о борьбе албанского народа против внутренней и внешней реакции в 30-е годы. Хотя в рассматриваемый период КПА как таковая еще не существо-

вала, в стране уже имелись коммунистические группы, которые в целом позитивно оценили работу VII конгресса Коминтерна и с помощью ИККИ в трудных условиях стремились проводить ориентацию на народный фронт.

Однако упомянутые недостатки, так же как и встречающиеся отдельные не-

точности, не умаляют научного значения и политической актуальности монографии, которая представляет собой серьезный вклад в разработку важных вопросов рабочего и коммунистического движения в период между двумя мировыми войнами.

Л. Б. Валеев

В. К. ВОЛКОВ. Мюнхенский договор и Балканские страны. М., «Наука», 1978, 327 с.

Советская историография мюнхенского договора западных держав пополнилась новым ценным исследованием. В нем впервые в советской исторической литературе комплексно рассматривается влияние мюнхенского соглашения и вызванных им последствий на положение стран Юго-Восточной Европы — Югославии, Румынии, Болгарии, Греции, Турции.

Монографическая разработка такой комплексной темы неизбежно связана с рядом трудностей. Надо было изучить обильный документальный материал и большой круг литературы на нескольких языках, тщательно систематизировать полученные сведения, найти удачную структуру работы, позволяющую сочетать страноведческий принцип показа событий с региональным и общеевропейским. И автор, на наш взгляд, в целом успешно преодолел эти трудности.

В книге использованы историческая литература стран рассматриваемого региона и Запада и ряд уже вошедших в научный оборот публикаций дипломатических документов. Основной же конкретный материал для написания работы автор почерпнул из архивов министерств иностранных дел ГДР, ФРГ, Болгарии, Югославии, Польши и Чехословакии. Кропотливое сравнительное изучение этого обширного и еще слабо исследованного советскими учеными материала дало возможность автору сделать немало интересных наблюдений, сопоставлений, обобщений.

В первых главах книги, охватывающих период от аншлюса Австрии в марте 1938 г. до мюнхенского соглашения, автор придерживается страноведческого принципа освещения событий, учитывая и некоторую общность внешнеполитического положения тех или иных стран Юго-Восточной Европы, связанную с их участием в различных политических блоках (Малая Антанта, Балканский пакт) или обусловленную договорами Версальской системы. В домюнхенский период, отмечается в книге, в центре дипломатической борьбы стояли великие державы. При

этом целью западных государств было, как известно, направить агрессию германского фашизма против СССР, жертвуя интересами малых и средних стран Центральной и Юго-Восточной Европы и предавая Чехословакию в виде первого аванса в затаенной антисоветской политической игре. Сами же эти страны на том этапе находились на периферии конфликта (за исключением Польши и Венгрии, претендовавших на активную и самостоятельную роль в решении «чехословацкого вопроса»), стремились не быть втянутыми в эпицентр событий, причем правящие круги Югославии и Румынии, придерживаясь такой политики, оставляли следом за западными державами на произвол судьбы своего чехословацкого союзника по Малой Антанте.

Иную позицию во время мюнхенской сделки занимал царь Борис, пытавшийся в напряженные сентябрьские дни 1938 г. при поощрении английских «умиротворителей» неофициально посредничать между западными державами и фашистской Германией. Болгарский венценодец способствовал предательству Чехословакии, укрепив своим посредничеством намерение Чемберлена согласиться на требование гитлеровцев передать им Судетскую область. В основе «мироворческой» миссии царя Бориса лежало стремление, как правильно подчеркнуто в книге, делать ставку на договор империалистических держав на антисоветской основе с тем, чтобы заручиться поддержкой обеих империалистических группировок в удовлетворении территориальных претензий болгарского монархо-фашизма (с. 107—108).

Сама мюнхенская конференция стала кульминацией, но не завершением международного конфликта в Европе, вошедшего в историю дипломатии под названием «чехословацкого кризиса». Разрушительным политическим последствием мюнхенской сделки в Юго-Восточной Европе посвящены последние главы книги, охватывающие период с конца 1938 до начала 1939 г. (до захвата гитлеровцами Праги

15 марта 1939 г.). Этот этап в развитии предвоенного политического кризиса, характеризующийся особо сложным переплетением международных противоречий и прелетом всего в Юго-Восточной Европе, еще слабо изучен в советской историографии. Автор, на наш взгляд, сумел на основе внимательного изучения во многом нового документального материала очень точно разобраться в крайне неустойчивой, полной различных политических нюансов обстановке, сложившейся в то время в Юго-Восточной Европе, восполнил в значительной мере существовавший до сих пор пробел в советской историографии. И в этом его большая научная заслуга.

В. К. Волков пришел к обоснованному выводу, что в послевоенский период балканские страны, оказавшись в положении объекта борьбы между западными государствами и державами «оси», потеряв веру в союзническую надежность Англии и Франции, испытывая все нарастающий натиск гитлеровской Германии, получившей в Мюнхене известную свободу действий в Юго-Восточной Европе, встали на скользкий путь лавирования между двумя империалистическими группировками. Малая Антанта распалась, а Балканский пакт проявил тенденцию к нейтралитету и все меньше мог служить в качестве инструмента защиты от фашистской агрессии. Хотя правящие круги балканских стран после Мюнхена серьезно разочаровались в западных державах, они в тот период еще стремились избежать односторонней ориентации на гитлеровскую Германию, развивавшей вместе с фашистской Италией активную деятельность по сколачиванию профашистского блока в Юго-Восточной Европе. Но нейтралитет, о котором заявляли тогда правительства всех балканских стран, становился в тех условиях, как справедливо подчеркивает автор, своеобразной формой политики «умиротворения» агрессоров. Обратной стороной подобного курса были антисоветские установки правящих кругов балканских государств, что на практике выражалось в отказе от любых форм сотрудничества с СССР.

В книге отмечается, что в рассматриваемый период правильная и полная оценка мюнхенского соглашения и его последствий была дана лишь Советским Союзом. Советское правительство и общественность охарактеризовали этот позорный акт как сговор, открывший гитлеровской Германии путь к развязыванию войны (с. 174).

Интересна попытка автора проследить влияние мюнхенского соглашения и его последствий на балканские страны. В них, как отмечается в книге, произошли серьезные сдвиги, проявившиеся в укреплении монархо-фашистских режимов, в активизации деятельности экстремистских

фашистских течений, ориентировавшихся на германский фашизм, в ослаблении буржуазно-демократической оппозиции. Вместе с тем в народных массах балканских стран получили широкое распространение антифашистские настроения, в формировании которых активную роль играли компартии.

Тезис автора о том, что в послевоенский период «внешнеполитический фактор властно вторгся в политическую жизнь всех балканских стран», вполне обоснован. Но все же иногда автор, как кажется, преувеличивает влияние этого фактора. Так, реорганизацию правительства Г. Кьосеянова в Болгарии в ноябре 1938 г. вряд ли можно связывать с прямым воздействием мюнхенского соглашения (с. 117). Непосредственной причиной этого события были внутренние разногласия в правящем лагере¹.

Оценивая исследование В. К. Волкова в целом, следует отметить, что при освещении политики ведущих капиталистических держав в Юго-Восточной Европе наиболее обстоятельно проанализирована политика гитлеровской Германии и Англии (хотя для большей полноты следовало бы привлечь открытые с 1968 г. архивы кабинета Чемберлена). В меньшей мере в книге нашла отражение деятельность итальянской и особенно французской дипломатии. Лишь в общей форме охарактеризована позиция США (с. 198—199). Из самих стран Юго-Восточной Европы с наибольшей полнотой показана политика Югославии, Болгарии, Румынии. В достаточной мере проанализирована позиция Греции и Турции, хотя автору, ввиду отсутствия турецких и греческих дипломатических документов, пришлось прибегнуть к косвенным свидетельствам — в основном к донесениям германских, югославских, болгарских и некоторых других дипломатических представителей в Афинах и Анкаре. Вместе с тем В. К. Волков подробно осветил внешнеполитическую деятельность польских и венгерских правящих кругов в период Мюнхена, что могло, учитывая название книги, и не входить в задачу исследования.

Несмотря на отдельные упущения (неизбежные при раскрытии столь многоплановой темы), новое монографическое исследование В. К. Волкова, проведенное на высоком профессиональном уровне, несомненно, займет видное место в ряду советских научных работ по истории предвоенного политического кризиса в Европе.

В. Д. Вознесенский

¹ И. Димитров. Българската демократична общественост, фашизмът и войната. 1934—1939. София, 1976, с. 300—301.

А. Д. МАРЧЕНКО. Герой двух народов. Документальный очерк. Харьков, «Прапор», 1977, 104 с.

8 марта 1978 г. исполнилось 35 лет с того момента, когда в грозные годы Великой Отечественной войны Первый чехословацкий отдельный батальон вступил в сражение с превосходящими силами гитлеровцев в селе Соколово Харьковской области. Это знаменательное событие положило начало боевому содружеству Советской и Чехословацкой армий.

Жизненному пути первого иностранца — Героя Советского Союза, руководителю обороны села Соколово, надporučику Отакару Ярошу посвятил свою книгу «Герой двух народов» советский историк А. Д. Марченко. Перед исследователем стояла сложная задача — в документальном очерке при отсутствии специальной литературы на чешском языке рассказать о жизни своего героя. Автор провел большую и кропотливую работу по сбору различных материалов, которые могли бы осветить те или иные периоды жизни Отакара Яроша. Ценными источниками явились многочисленные воспоминания знакомых и друзей Яроша, либо опубликованные в чехословацкой периодической печати, либо адресованные непосредственно автору, а также документальные материалы Центрального архива Министерства обороны СССР.

Живо рассказано в первой книге о детских и юношеских годах Яроша. Удачно показана обстановка многодетной трудящейся семьи паровозного машиниста Франтишека Яроша, в которой рос и воспитывался Отакар. В книге мало говорится о круге чтения Отакара, хотя известно, что в отрочестве и юности он с интересом читал в переводах произведения русской классической литературы: А. С. Пушкина, Л. Н. Толстого, А. П. Чехова.

Уделяется внимание первому знакомству студента электротехнической школы Отакара Яроша с тяжелой жизнью чешского пролетариата в годы мирового кризиса. Из репортажа Ю. Фучика с места событий, напечатанного в коммунистической «Творбе», Ярош узнал о расстреле жандармами мирной демонстрации шахтеров в Духове (Северная Чехия) в феврале 1931 г. (с. 7). Автор рассказывает о воинской службе Яроша, которую он проходил вначале в войсках связи, а затем, как один из лучших выпускников офицерской школы, в военной академии в Границе на Мораве, которую успешно окончил в конце августа 1937 г. (с. 8—10). Угроза захвата родины не могла оставить Отакара Яроша — кадрового офицера и патриота — равнодушным к ее судьбе (с. 11).

Во второй главе — «В роковые дни

Мюнхена» (с. 12—18) — говорится о тяжелых переживаниях Яроша, связанных с капитуляцией чехословацкого правительства 30 сентября 1938 г. С волеанием Ярош читал речь К. Готвальда в Национальном собрании, посвященную анализу причин позорной капитуляции чехословацкой буржуазии. Поручик Отакар Ярош «почти во всем соглашался с оратором» (с. 17).

Следующая глава посвящена самому значительному периоду в жизни Отакара Яроша — с весны 1939 г. до конца января 1942 г. Она удачно названа «Путь к подвигу» (с. 19—55). Довольно подробно говорится в ней о том, как Ярош, уже будучи на гражданской службе, после длительных поисков своего пути участия в борьбе за освобождение поработенной родины перешел польскую границу и летом 1939 г. присоединился к чехословацкой воинской группе подполковника Л. Свободы (с. 19—21). Автор приводит ряд любопытных подробностей о переходе этой группы в сентябре 1939 г. на территорию Советского Союза и о дальнейшей судьбе ее в годы, предшествующие нападению Германии на Советский Союз (с. 22—24).

Значительная часть этой главы посвящена описанию того, как в суровых условиях Великой Отечественной войны (в 1942 г.) шло формирование и обучение первой чехословацкой воинской части на территории Советского Союза в Бузулуке на основе соглашения между Советским правительством и находившимся в эмиграции правительством Чехословакии (с. 26—55).

Автор приводит новые интересные факты, свидетельствующие о том большом значении, которое придавало созданию боеспособной чехословацкой воинской части в СССР заграничное бюро ЦК чехословацкой компартии (с. 28—32). Особенно подробно рассказывается о приезде 26 мая 1942 г. по приглашению Л. Свободы в гости к воинам чехословацкого батальона К. Готвальда и его соратников. «Приезд Клемента Готвальда в Бузулук, его пламенная речь перед воинами, — подчеркивается в книге, — задушевные беседы оставили у всех неизгладимое впечатление» (с. 36). Приводится в этой главе одно, на наш взгляд, очень ценное признание полковника Р. Бейковского, бывшего в ту пору рядовым солдатом в роте Отакара Яроша: «Мы занимались в Бузулуке огневой и тактической подготовкой, но в не меньшей степени в этом тыловом городе учились мужеству у советских людей» (с. 28). О. Ярош, как подчеркивает автор, воспитывал воинов своей роты,

на примерах советских солдат и офицеров, героически сражавшихся с гитлеровцами, и советских рабочих, которые, несмотря на тяжелые условия, трудились не щадя сил для победы на фронте (с. 48—49, 53).

А. Марченко сумел создать полнокровный образ славного сына чешского народа, отважного патриота, офицера Отакара Яроша. Из книги мы узнаем о нем, как о «безмерно требовательном не только к своим солдатам, но также и к себе... Он был твердым, как гранит, но одновременно и человечным. Проявилось это особенно во время трудного похода к Соколову, когда он не раз делился с солдатами последним куском хлеба» (с. 74). В книге помещены некоторые фотографии из жизни чехословацкого батальона в Бузулуке, сделанные О. Ярошем в свободное от занятий время. Нам не представляется необходимым останавливаться в небольшой рецензии на главе книги «Командир роты храбрецов» (с. 56—84), посвященной непосредственно боевому пути чехословацкого батальона в феврале 1943 г. на фронт и описанию сражения в селе Соколово, где навечно прославился О. Ярош и было положено начало советско-чехословацкому братству, скрепленному совместно пролитой кровью. Отметим лишь, что автор шаг за шагом прослеживает ход героической борьбы защитников Соколово, которые с помощью советских артиллеристов сдерживали наступление вражеских танков и пехоты и тем самым выполнили задачу, поставленную перед ними советским командованием (с. 77—84). Об этом сражении достаточно написано и в мемуарах Л. Свобо-

ды, в работах самого автора и в других¹.

Интерес представляет и последняя глава книги «Символ боевого братства» (с. 85—103), в которой показано, какое большое впечатление подвиг героев — защитников Соколово произвел на прогрессивную общественность государств антигитлеровской коалиции. В этой главе приводятся и многие факты, рассказывающие о том, как свято чтут память чехословацких воинов, погибших в Соколово, в Советском Союзе, в Чехословакии и в других социалистических странах в наши дни.

На митинге, посвященном вручению Харьковской области ордена Ленина, 14 апреля 1970 г., Генеральный секретарь ЦК КПСС товарищ Л. И. Брежнев отметил: «Наши люди никогда не забудут, что плечом к плечу с советскими солдатами за освобождение Харьковщины храбро сражались и чехословацкие воины под командованием Людвиг Свободы»².

Хотелось бы подчеркнуть, что Харьковское издательство «Прапор» достойно отметило юбилей одного из важнейших событий советско-чехословацкой дружбы, выпустив в свет интересную книгу А. Д. Марченко.

Ф. А. Молок

¹ Л. С в о б о д а. От Бузулука до Праги. М., 1969, с. 111—119; А. Д. М а р ч е н к о. Отакар Ярош. В кн. В боях за Харьковщину. Харьков, 1973, с. 19—50; Ф. А. М о л о к. Герой боя у Соколово. «Вопросы истории», 1973, № 6.

² Л. И. Б р е ж н е в. Ленинским курсом, т. 2. М., 1970, с. 533.

И. С. ЯЖБОРОВСКАЯ, Н. И. БУХАРИН. У истоков польского социалистического движения. М., «Наука», 1976, 412 с.

Рецензируемая книга известных полонистов И. С. Яжборовской и Н. И. Бухарина посвящена истории зарождения социалистического движения в польских землях, начало которого совпало с быстрым развитием капиталистических отношений в Польше и пришлось, как известно, на 70—80-е годы прошлого столетия. Пожалуй, впервые в нашей литературе авторы так подробно и многосторонне прослеживают нелегкий и во многом противоречивый процесс распространения марксизма на польских землях. Не впадая в преувеличение, можно сказать, что исследование, предпринятое И. Яжборовской и Н. Бухариным, носит комплексно-обобщающий характер. На страницах книги читатель познакомится не только с конкретной историей отдель-

ных социалистических кружков, групп, центров, но, что важнее всего, получит достаточно полное и всестороннее представление о социальной базе, структуре, идейно-политических концепциях и доктринах, наконец, о путях развития и характерных особенностях польского социализма в начальной стадии его существования.

Что предопределило интерес к книге и ее удачу?¹ Прежде всего разнообразие

¹ Труд советских авторов получил благожелательный отклик на страницах польской историко-политической периодики. См. рецензии в журналах «Z pola walki», 1977, № 3; «Nowe drogi», 1977, № 9.

и богатство источников, привлеченных авторами. Помимо фондов советских и польских архивов широко использована периодическая печать, мемуарная литература, политическая корреспонденция участников движения, опубликованные программные документы. Все это придало работе фактографическую новизну (особенно много нового материала содержат разделы, посвященные социалистическому движению в Галиции, и глава о «Товариществе взаимной помощи рабочих в Париже»), обусловило ее серьезное научно-познавательное значение. Подкупает читателя и свобода, с которой авторы владеют материалом. Это позволило им, с одной стороны, упорядочить и четко систематизировать все богатство фактической истории, с другой стороны, глубоко проанализировать узловые программно-идеологические, организационные и кадровые проблемы польского социализма на его начальном (1877—1881) этапе.

Рассматривая в первой главе идейные искания и характер развития общественной мысли накануне появления первых социалистических организаций, авторы убедительно показывают причины перехода прогрессивного крыла трудовой польской интеллигенции на позиции защиты интересов рабочего класса, ее постепенный отход от буржуазной идеологии. И. Яжборовская и Н. Бухарин справедливо подчеркивают, что социалистическое движение на польских землях было продолжением национально-освободительной борьбы, результатом сложного процесса преодоления интеллигентской симпатии к утопической форме социализма. Принципиально новые явления, обозначившиеся во всех сферах общественной жизни во второй половине 70-х годов, ускорили организационное оформление первых социалистических ячеек в Польше. И главная заслуга авторов как раз и состоит в том, что они сумели выявить и показать их органическую взаимосвязь, найти пропорции между частным и целым, увидеть за, казалось бы, разрозненными гминами и кружками целостный образ молодого польского социализма.

Вторая глава по сути дает ответ на главный вопрос, интересующий авторов: в какой мере сумела польская интеллигенция проникнуться сочувствием к пролетариату, понять новизну социально-экономических процессов, сколь весом был ее вклад в сокровищницу общественной мысли, кристаллизацию классового самосознания рабочих. Последовательно, взаимосвязанно и обстоятельно анализируя деятельность шести польских социалистических организаций, авторы тонко показывают, как диалектически сочетались в их работе проблемы классовые, национальные и интернациональные, в какой степени им удавалось (или

не удавалось) связать требования общедемократические и пролетарские.

Отрадно, что И. Яжборовская и Н. Бухарин реально, без тени преубежденности, оценивают позитивный вклад в развитие общественной мысли таких деятелей патриотически-социалистического направления, как А. Сонседский, К. Сосновский, Т. Балицкий. Это дает исследователям возможность говорить о «Люде польском» З. Познаньского, «Варшавской гмине» К. Сосновского, «Люде польском» Б. Лимановского как об организациях в той или иной степени классово-пролетарских, несмотря на то что в своих программных документах они порой довольно далеко отходили от последовательно-социалистических требований, выдвигая на первый план принципы буржуазно-демократического переустройства. Особенно удачным представляется нам анализ деятельности «Варшавской гмины». Это тем более интересно, что непосредственно программных документов организации не сохранилось.

Авторы обращают внимание читателя на две тенденции, явственно обозначившиеся в развитии социалистического движения Галиции на рубеже 70—80-х годов. Это — стремление к созданию легальной единой польско-украинской рабочей партии и в то же время попытка сохранить кружковые, конспиративные формы работы, продолжающие традиции «Социально-революционного товарищества поляков». Нельзя не согласиться с исследователями, которые увидели в сопряжении и борьбе этих тенденций путь к дальнейшему развитию социалистических течений. Думается, однако, тезис этот, равно как и замечание о том, что социалистическое движение в Галиции находилось «в определенной степени под влиянием германской и австрийской социал-демократии» (с. 252) следовало раскрыть более аргументированно и многосторонне.

Большой раздел книги посвящен анализу деятельности женевского центра польской социалистической эмиграции, группировавшейся вокруг редакции «Рувность» — «Пшедсвит». Выясняя идейно-тематический диапазон издания и характер идеологических споров, которые находили отражение на его страницах, авторы обоснованно пишут о дальнейшем процессе преодоления эклектических воззрений в польском социалистическом движении и более полном его переходе на позиции научного социализма. Крупным достоинством женевской редакции была ее, не вызывающая сомнений, приверженность делу пролетариата, классовые цели которого она пропагандировала последовательно и убежденно. Превыше всего ставила женевская группа задачу социального и национального освобождения народа.

Ее идейно-теоретическая и политическая деятельность подготовила «базу для создания первой польской марксистской партии „Пролетариат“» (с. 305).

В то же самое время (начало 80-х годов) деятельность организации «Люд польский», которую возглавлял Б. Лимановский, была ориентирована на решение задач в основном демократического характера. Избегая упрощений, умело сопоставляя факты, авторы дифференцируют различные элементы организации, не зачеркивая целиком ее пролетарски-классового характера. Нельзя, впрочем, не согласиться с главным выводом ученых, специально подчеркнувших тот факт, что «Люд польский» Б. Лимановского «стал предшественником „Побудки“, а затем Польской социалистической партии, создание которой означало окончательное организационное оформление раскола в польском рабочем движении» (с. 346).

Авторы подробно и обстоятельно анализируют многочисленные теоретические работы лидера парижской эмиграции К. Сосновского, верно полагая, что вся история «Товарищества взаимной помощи рабочих в Париже» есть свидетельство необратимости процесса формирования классовой идеологии, превращения ее в оружие массовой организации пролетариата.

Таким образом, авторам удалось убедительно раскрыть роль прогрессивной польской интеллигенции в развитии общественной мысли и утверждении идей научного социализма в рабочем движении на польских землях. Вместе с тем они не оставили без внимания пережитки мелкобуржуазной идеологии, показали причины их жизнестойкости во взглядах ряда идеологов рабочего класса.

Органически соединив в повествовании анализ программных документов с рассмотрением конкретной политической практики отдельных организаций, выделив узловые фазы развития каждой из них, И. Яжборовская и Н. Бухарин создали впечатляющую картину идейного и организационного роста польского социалистического движения, укрепления его связей с русским пролетариатом и рабочими других европейских стран.

Несмотря на отдельные недостатки (ярче могли быть политические портреты многочисленных деятелей польского социализма, более острым и разнообразным хотелось бы видеть историографический очерк), читатель получил серьезное исследование, значительно обогащающее наши представления о начальном этапе польского социализма.

Б. Табачников

ПЛОДОТВОРНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ

В последние годы, годы укрепления творческих контактов между литературоведами стран социализма, все увереннее заявляет о себе новый тип научных исследований — коллективные труды и сборники, объединяющие усилия ученых разных стран. Возникновение таких работ — зримая черта нашего времени, времени интеграции стран социалистического содружества. Расширяется проблематика, укрупняется объем исследований подобного типа работ. Если в минувшее десятилетие они, как правило, посвящались проблематике литературных связей, то теперь в центре внимания интернациональных авторских коллективов — самые разные аспекты литературного процесса¹.

¹ Назовем, к примеру, книгу «Защита человечности» («Verteidigung der Menschheit», Berlin, 1975), посвященную проблематике антифашистского искусства, или «Общее и особенное в литературах социалистических стран» (М., 1977), где рассматриваются закономерности развития социалистических литератур на современном этапе.

Подобные труды плодотворны, ибо в них сливаются опыт и знания многих литературоведов, благодаря им укрепляются творческие контакты.

К такого рода исследованиям относится и совместный труд ученых Варшавского и Московского университетов — «Традиция и новаторство в славянских литературах XX в.»². Творческое сотрудничество между ними уже имеет свои традиции — в 1973 г. в Москве была издана совместная работа «Романтизм в славянских литературах».

Проблема, которой посвящен рецензируемый труд, — одна из узловых в литературоведении. Она затрагивает механизм творческого процесса, связана с диалектикой развития искусства. И для

² «Tradycja i nowatorstwo w literaturach słowiańskich XX wieku». Wydawnictwo Uniwersytetu Warszawskiego, 1976. Под ред. проф. Е. З. Цыбенко, проф. Я. Кульчицкой-Салони, проф. И. Магнушевского, проф. П. А. Николаева, доц. Я. Рогозиньского, проф. А. Семчука, проф. А. Г. Соколова.

литературоведов чрезвычайно важно осознать эту диалектику, это двуединство процесса развития, предостеречь против гиперболизации одного из начал, ведущей либо к эпигонству, либо к нигилизму, одинаково чреватых для искусства печальными последствиями. Проблема традиции и новаторства важна и в историко-литературном и в теоретическом плане. Ее рассмотрение влечет за собой сопоставительный анализ, выход за границы только данного явления, помогает осознать его связь с прошлым и настоящим, определить его общеродовые и неповторимо индивидуальные особенности.

Труд польских и советских ученых удачно сочетает эти разные аспекты. Далеко не во всех статьях идет рассуждение об этой проблеме «открытым текстом», но решительно все они «работают» на нее. Так же, впрочем, как и сама проблема помогает глубоко рассмотреть литературных явлений.

Четыре раздела сборника объединяют статьи по проблемам теории литературы, литературных течений и литературной критики (разд. I); по проблемам «старого» и «нового» в прозе славянских литератур (разд. II); по проблемам поэтики в поэзии славянских стран (разд. III); по проблемам драматургии и театров (разд. IV).

Как отмечает в предисловии И. Магнусевский, в XX в. борьба нового со старым приобрела особую остроту. Стремлению порвать с традицией авторы сборника противопоставляют преемственность в искусстве. В статье «Современный советский роман» Л. Якименко пишет: «Историческое наследие реализуется в традиции. Традиция не может совсем исчезнуть, раз уж она возникла... Она вновь пробивается и выпускает зеленый побег».

Преимущественное внимание к традиции, видимо, вызвано не только скрытой полемической направленностью книги, выступающей против нигилизма по отношению к культурному наследию, но и интересами проблемы: новое особенно различно на фоне старого, а кроме того, традиция и новаторство — категории подвижные, диалектически взаимосвязанные, переходящие друг в друга. Настоящие художественные открытия сами кладут начало новой традиции. В ряде статей сборника проводится водораздел между «модным» и «новаторским»: истинное новаторство поверяется традицией, способностью нового закрепиться и влиять на творчество новых поколений.

Кроме того, подчас сами традиции, на которые стихийно или сознательно опирается писатель, предопределяют направленность и характер поисков, становясь импульсом для перемены, для развития нового качества. Так, например, в статье «Традиции Пруса в польской литературе XX в.» Е. З. Цыбенко показывает, что обращение к традиции Болес-

лава Пруса в польской литературе становится источником новаторских исканий. Автор подчеркивает, что современная польская проза многим обязана реалистической традиции Пруса, предвосхитившего ряд стилевых особенностей современной литературы.

И. Магнусевский в статье «Божена Немцова в поэзии Франтишека Галаса и Ярослава Сейферта» показал, в частности, как повлияло на Галаса его обращение к образу Немцовой.

Разнообразный состав сборника, рассмотрение центральной проблемы на материале многих национальных литератур, на материале разных жанров, методов, направлений, на материале творчества отдельных писателей и целых периодов, как бы воспроизводит многообразие и подвижность литературного процесса с конца XIX в. вплоть до наших дней, схваченного в его разных гранях и тенденциях.

Статьи — П. А. Николаева «Теория реализма в России на рубеже двух веков», И. Ф. Волкова «Реализм критический и социалистический», А. И. Метченко «Парадоксы НТР и некоторые аспекты теории социалистического реализма», Л. Г. Якименко «Современный советский роман (Жанровые особенности. Поэтика)», В. Н. Хабина «О важнейших традициях советского романа», А. Володзько «Тенденции развития советского военного романа в 1965—1970 гг.», В. А. Зайцева «О традициях В. В. Маяковского в русской советской поэзии 60-х годов» — показывают вклад марксистской теории в формирование метода социалистического реализма, прослеживают его идейно-художественную эволюцию, развитие его жанров, выразительных средств, анализируют те изменения, которые вносит в литературу научно-техническая революция и т. д. Сопоставления с другими течениями позволяют выявить тесную связь социалистического реализма с традициями реализма критического и показать его новаторство.

В статье В. Н. Хабина отмечается сильное поэтическое начало в советской прозе 20-х годов (повышенная активность личности рассказчика, вмешательство автора в повествование). Указывая, что эта особенность имела место в русской литературе в период формирования метода критического реализма, автор интересной статьи, к сожалению, ограничивается лишь констатацией, не пытаясь объяснить различий в природе этого явления. Видимо, в случаях с классической русской литературой заявляла о себе инерция метода-предшественника, инерция романтизма, в котором всегда сильно было субъективно-лирическое начало. В произведении советских авторов давало о себе знать стремление представителей социалистического реализма

активно воздействовать «на реальный ход жизни», более открыто, чем это предусматривали традиционно-эпические формы, выражать свою гражданскую энергию, свою позицию.

Примечательно, что о похожем явлении — чередовании «объективной и субъективной перспективы» в творчестве А. Струга — пишет Я. Рогозинский (в статье «От эпики к лирике. Проблемы формирования польской прозы XX в.»).

Переключка некоторых положений в статьях, анализирующих разный материал, помогает выявить типологически сходные явления, прояснить некоторые черты, свойственные революционно-социалистической прозе на разных этапах развития славянских литератур. Схематизирующее влияние модернизма раскрывается в уже упоминавшейся статье Е. З. Цыбенко. Сопоставляя творчество Пруса и Жеромского, исследовательница пишет: «Внутренний мир героев Жеромского богаче, чем у Пруса, но психологическая мотивировка у Пруса убедительнее, чем у Жеромского, на которого оказали влияние модернистские концепции».

Судьбам натурализма в польской литературе XX в. посвящена статья Д. Кныш-Рудзкой; романтическую традицию в польской литературе исследуют статьи Я. Кульчицкой-Салони «Судьбы романтизма в литературе XIX—XX в.», А. Лама «Польский авангардизм и романтизм», Я. Витана «Чехович и Норвид». Как отмечено в предисловии, польские исследователи уделяют в своих статьях преимущественное внимание романтизму, исходя из той особой роли, которую он играл в польском искусстве XIX в. Реализм же, широко проявлявшийся в русской литературе, оказывается в центре внимания советских ученых.

При этом и другие литературы дают богатый материал для наблюдения над реалистическими традициями, что подтверждают статьи о чешской и болгарской литературах советских авторов: А. Машковой («Сатирическое творчество Карела Полачека»), З. Карцевой («Пути развития современного болгарского романа»); польской исследовательницы Г. Кулиговой — «Рассказы предместья Фрэнтишека Лангера и классический реализм». Статья же Е. З. Цыбенко — «Традиции Болеслава Пруса в польской прозе XX в.» удачно выравнивает «романтический крен» полонисти-

ческих исследований, привлекая внимание к традициям реализма в современной польской литературе, как бы предостерегая против их недооценки. Большинство статей сборника показывает силу и неисчерпаемость реалистических традиций, на которые опирается искусство XX в.

«Литературные направления XX в., обычно называемые авангардистскими, занимают в книге довольно скромное место», — пишет в предисловии И. Магнушевский. Интересно суждение Я. Вежбицкого, исследующего сербский сюрреализм в статье «Программы и манифесты сербской авангарды. 1918—1925», о неспровергательском характере авангардистских манифестов. «Радикальное новаторство» авангардистских течений, их стремление отмежеваться от прошлого подчеркивает и А. Лам в статье «Польский авангард и романтизм». Выступая с антиромантическими декларациями, польские авангардисты, — как показывает автор, — искали тем не менее «своих великих предшественников и патронов среди романтиков».

Сборник демонстрирует интерес польской славистики к проблемам русской и советской культуры (Я. Урбаньская-Слип — «Из журналистского опыта советских сатириков 20-х годов», Р. Сливовский — «Из истории малых драматических форм русской литературы XX в. Театральные пародии „Кривого зеркала“, М. Бервид-Осиньский и З. Осиньская — «Станиславский и Гротовский. К вопросу о традициях „Театра-лаборатории“»); привлекает внимание к мало исследованным сторонам литературного процесса (В. И. Хитаршвили-Оцхели — «Польско-грузинские литературные связи конца XIX — начала XX в.»); освещает проблемы развития драматургии и театра (Б. Бугров — «Творческие судьбы драматургов „Знания“ в 1910-е годы XX в.» и др.). Интересно и глубоко интерпретируя творчество отдельных писателей — Швантнера, Я. Вайса, Ю. Кавальца, творчество Маяковского, Булгакова, Л. Андреева, Горького, Б. Пруса, С. Жеромского, А. Струга, Чеховича, Норvida, Петровича, Цриянского и др. — польские и советские авторы вносят существенный вклад в изучение литературы XX в., рассмотренный под углом зрения «традиций и новаторства».

Л. Будагова

У ИСТОКОВ ПОЛЬСКОГО БАРОККО

Проблемы барокко в польской культуре, искусстве и литературе начали привлекать внимание ученых еще с конца XIX в. Подлинный расцвет в этой области исследований наступает уже в наши дни — со второй половины 50-х годов. Открываются новые имена, вводятся в научный обиход колоссальный историко-литературный материал, восполняются существенные пробелы в истории литературы XVI—XVII вв. В этом отношении книга А. Литворни «Себастьян Грабовецкий. Монографический очерк»¹ и симптоматична и характерна для современной польской литературоведческой науки. Она посвящена поэту, который творил в тот период, когда в недрах зрелого Ренессанса начали вырисовываться тенденции, характерные уже для новых — барочных — веяний.

В последующие времена С. Грабовецкий (ок. 1540—1607) был забыт, разделив судьбу многих своих собратьев по перу, творивших во времена барокко. Его «второе пришествие» в литературу, а вернее в историю литературы, начинается со второго десятилетия XIX в.

Во вступительном разделе А. Литворня рассматривает историю открытия поэта потомками, их суждения, отмеченные печатью литературоведческих тенденций соответствующих периодов XIX—XX вв., — от однозначно критических, не учитывающих философско-эстетической специфики прошлого и рассматривающих все с точки зрения современных исследователям вкусов и представлений, — до опытов конкретно-исторического подхода к явлениям прошлого с учетом особенностей поэтики барокко и барочного мировосприятия.

Понимание лирики будет неполным (а в ряде случаев — и неверным), если исследователь не располагает материалами биографии художника. В этой связи следует отметить следующий, весьма обширный, раздел книги, где А. Литворня на основе прежде всего собственных многолетних архивных изысканий реконструирует жизненный путь С. Грабовецкого.

Шляхтич, получивший образование в университете Франкфурта-на-Одере, великолепно владеющий латынью, немецким и итальянским, королевский придворный, дипломат, побывавший во многих странах Европы, после смерти жены принявший духовный сан и закончивший свои дни настоятелем провинциального монастыря, С. Грабовецкий прожил трудную и преисполненную разочарованиями жизнь. Уже будучи аббатом, он в 80-х годах XVI в. создает свой сборник лирики

«*Setnik gmyńw duchownych*» (1590), «который был для поэта своего рода оазисом, куда он обратил свои стопы, разочаровавшись в неблагодарной работе на государственной службе, в деморализующей действительности, в политике, в изъеденном коррупцией дворе, бессмысленности бытия, трагичности собственной судьбы (...) это медитация человека безмерно одинокого и глубоко несчастного» (с. 60).

Помимо лирических произведений С. Грабовецкий написал на латинском языке полемическую брошюру «*Martinus Lauter eisque levitas*» (1585), отражающую его воззрения в период обостренной борьбы между Реформацией и Контрреформацией. Истории создания этого антилютеранского творения и его анализу посвящен следующий раздел. Генезису поэтических произведений С. Грабовецкого, их анализу в контексте западноевропейской литературы и в свете поэтик времен Ренессанса и Барокко, а также выявлению роли и места поэзии этого писателя в истории польской лирики отведена заключительная часть монографии.

Опираясь на работы польских ученых Э. Порэмбовича, Я. Петрусевичевой, О. Мрозовской и английского слависта Ф. Сьмея, А. Литворня обобщает обширные материалы сравнительно-литературоведческих исследований, благодаря которым были выявлены генетические связи отдельных творений С. Грабовецкого с «*Rime spirituali*» Габриэля Фиацци (1531—1585), «*Rime*» Бернардо Тассо (1493—1569)*, поэзией Ф. Петрарки и его последователей, а также параллели с Библией и списавшими европейскую известность произведениями испанских мистиков и близких им поэтов времен Контрреформации (А. Литворня дает сопоставительные таблицы лирических произведений С. Грабовецкого с творениями, которые стали для него источниками сюжета или литературного мотива).

Анализируя философско-эстетическое звучание лирики С. Грабовецкого на фоне современной ему западноевропейской поэзии, А. Литворня приходит к выводу, что польский писатель «учился у поэтов Италии, его творчество относится к периоду наибольшего распространения контрреформационных веяний в школе петраркистов» (с. 135). Что же касается вида связей произведений С. Грабовецкого с иными литературными источниками, характера его заимствований и типа испытываемых им влияний, то все это весьма характерно для литературной действительности его времени. Поэтому не-

¹ A. Litwornia. *Sebastian Grabowiecki. Zarys monograficzny*. Wrocław etc., 1976, 168 s.

* Отец Торквато Тассо.

зависимо от выявленных источников или образов, которым следовал С. Грабовецкий, все им написанное «является его собственностью, ибо создавалось в абсолютном соответствии с доктриной и, что особенно важно, с наиболее актуальной в этой области практикой. Филиации и зависимости не умаляют ценности сборника, а позволяют точно определить его место на литературной карте Европы после тридентского собора» (с. 135).

Что же касается современной С. Грабовецкому польской лирики, развивающейся в русле барочных веяний, то его более европейская по своему философско-эстетическому облику и идейной направленности поэзия более дидактична, условна, а потому не столь непосредственна и преисполнена личного начала, как творения М. Сэмпа Шажиньского, крупнейшего представителя раннего барокко в Польше.

Черты барочного мировосприятия в поэзии С. Грабовецкого исследователь вскрывает, сопоставляя идейное звучание его лирики с воззрениями Ренессанса в свете таких категорий, как «бог», «человек», «душа», «человеческое бытие», «смерть», «тело», «дьявол» и «вселенная» (ср. с. 136). Особо отмечается необходимость дальнейшего исследования элементов барочного стиля в творчестве С. Грабовецкого, несмотря на определенные свершения в этой области, связанные с работами С. Добжицкого, О. Мрозовской

и Е. Качоровского. В этом отношении особенно перспективной А. Литворня считает методiku, реализованную Я. Блоньским в его монографии о М. Сэмпе Шажиньском.

Сам А. Литворня останавливается на наиболее важных, по его мнению, проблемах барочного стиля у С. Грабовецкого — «композиции, основанной на принципе „contrasto“, метафорике, дающей эффекты bizzaro della novità, на свойственной концептизму конструкции элементов, а также новаторстве в области строфики, отмеченном еще ранее в работах Порэмбовича и Сьмеи, а рассмотренном в более широком плане Э. Петрыгой и авторским коллективом, руководимым М. Р. Маеновой» (с. 149—150). Суммируя общие результаты исследований, А. Литворня видит основное значение лирики С. Грабовецкого в истории польской литературы в том, что его сборник, спустя неполные шесть лет после смерти крупнейшего поэта польского Возрождения Я. Кохановского, дает начало новому типу польской поэзии, предвещавшей эпоху Барокко.

Эта монография является существенным вкладом в столь актуальные для современной славистической науки исследования,¹ посвященные зарождению барочных тенденций в литературах славянского региона.

А. В. Лунатов

ВАЖНЫЙ ТРУД ПО ИСТОРИИ СОВРЕМЕННОГО БОЛГАРСКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА

Вышедшая в 1977 г. посмертно книга «Из истории нашего языкового строительства» видного ученого, чл.-корр. БАН проф. Любомира Андрейчина (1910—1975)¹ — заметное событие в болгарском языкознании последних лет. Интерес к этой книге определяется тем, что она принадлежит перу крупнейшего специалиста в области истории современного болгарского (новоболгарского) литературного языка (далее — СБЛЯ), трудами которого прежде всего и утверждалась в болгарском языкознании в послевоенные годы история литературного языка как самостоятельная научная дисциплина. Книга представляет собой тематически подобранный сборник статей и заметок Л. Андрейчина по разным вопросам формирования СБЛЯ, опубликованных ранее, с некоторыми дополнениями и из-

менениями. В нее включены труды, охватывающие три больших круга вопросов: 1) «основные принципиальные вопросы» формирования СБЛЯ (возникновение, пути формирования и развития этого языка, диалектная база, отношение между народной основой и книжной традицией, некоторые вопросы нормализации и стилистической дифференциации литературного языка и др.), 2) «развитие отдельных грамматических категорий», а также «лексических, фразеологических и стилистических средств в формировании и в системе литературного языка» и 3) язык отдельных деятелей эпохи национального Возрождения болгар (главным образом с точки зрения их роли в создании литературного языка). Работы эти в книге сгруппированы в пяти разделах: «Основные проблемы» (с. 11—46), «Этапы развития» (с. 47—72), «Установление отдельных особенностей» (с. 73—148), «Графика и орфография» (с. 149—170) «Роль некоторых отдельных книжников и

¹ Л. А н д р е й ч и н. Из историята на нашето езиково строителство. София, «Народна култура», 1977, 254 с.

писателей в нашем языковом строительстве» (с. 171—250).

Ниже мы коснемся лишь некоторых из наиболее важных вопросов, рассматриваемых в книге. Один из них — роль старой книжной, литературно-письменной традиции и народно-разговорного языка в формировании СБЛЯ. Важное специфическое обстоятельство, при котором протекал этот процесс, заключается, по мнению Л. Андрейчина, в отсутствии непосредственной преемственности между древним и новоболгарским литературным языками, причина которого лежит как во внеязыковых, так и в собственно языковых факторах (с. 20). СБЛЯ сформировался на основе живого народного языка. Влияние древнеболгарского литературного языка тем не менее достаточно ощутимо (главным образом, в лексике) и оно сказалось косвенным путем — через посредство прежде всего церковнославянского языка. Последний же представляет собой «не что иное как древнеболгарский язык, слегка русифицированный в фонетическом отношении и обогащенный в течение веков прежде всего из своих собственных источников» (с. 14).

Значительное место в книге справедливо отводится вопросу о диалектной основе СБЛЯ в процессе его формирования. Характерная особенность начальной истории СБЛЯ заключается, по мнению Л. Андрейчина, в смене его диалектной основы: западноболгарская основа в сочинениях первого поколения деятелей Возрождения Болгарии постепенно, начиная со второй четверти XIX в., заменяется основой восточноболгарской (с. 22, 24—25). Смена диалектной основы была связана с историко-культурными процессами, протекавшими на болгароязычной территории в эпоху Возрождения (с. 25).

В книге затронут также очень важный и спорный в лингвистической литературе вопрос о начале или начальном моменте (этапе) истории СБЛЯ. Л. Андрейчин считает, что зарождение СБЛЯ следует искать в начальный период Возрождения Болгарии, которое не унаследовало от прошлого более или менее оформленной и установленной системы языка, способной развиваться и обслуживать возникшие у болгарского общества потребности в литературном языке в эпоху формирования и развития болгарской нации (с. 19). Начало возникновения СБЛЯ Л. Андрейчин связывает с именем Паисия Хилендарского и его «Историей славеноболгарской» (1762), которого он считает родоначальником, но не создателем этого языка (с. 22—23).

Особый интерес вызывает в книге раздел «Этапы развития», в котором предложена и обоснована достаточно дробная периодизация истории СБЛЯ. Л. Андрейчин исходит из того, что в основу периодизации должны быть положены кри-

терии, связанные не с отдельными конкретными языковыми явлениями, а с развитием общего состояния литературного языка. Такими критериями, по его мнению, могут быть роль той или иной диалектной основы, соотношение между народной основой и книжной традицией, степень развития нормативной системы (с. 49). Опираясь на эти критерии, Л. Андрейчин выделяет шесть периодов в истории СБЛЯ: 1) «Период первых проявлений» (вторая половина XVIII — первая четверть XIX в., время от «Истории славеноболгарской» Паисия Хилендарского до выхода в свет в 1824 г. «Рыбного букваря» П. Берона); 2) «Период начального строительства» (вторая четверть XIX в.); 3) «Период развернутого строительства» (от Крымской войны до освобождения Болгарии в 1878 г.); 4) «Период установления единых норм и современного облика литературного языка» (последние два десятилетия XIX в.); 5) «Период дальнейшего лексикального, терминологического и стилистического обогащения литературного языка (с начала XX в. до 9 сентября 1944 г.); 6) «Период современного языкового строительства» (после 9 сентября 1944 г.). В книге дается краткая характеристика общего состояния и особенностей развития литературного языка в каждый из названных периодов, говорится о значении наиболее крупных представителей болгарской литературы и других деятелей Возрождения в становлении норм и обогащении литературного языка. Среди большого числа вопросов, рассматриваемых в рамках данной периодизации, следует особо выделить характеристику так называемых школ или течений (направлений), сложившихся у болгар в острой борьбе первоначально за выбор самого характера (типа) литературного языка и путей его создания, а затем — за его нормализацию.

В книге с разной степенью подробности описана история нормализации некоторых существенных явлений в области фонетики, ударения, морфологии. Наибольший интерес вызывает подробно изложенное становление в литературном языке форм пересказывательного наклонения. Значительное место в книге отводится освещению роли русского языка в формировании лексики болгарского литературного языка на разных этапах его развития.

Различные аспекты сложной и трудной для решения в истории СБЛЯ проблемы установления единой графики и выработки общеобязательных орфографических норм — важнейшего условия функционирования литературного языка — рассматриваются в специальном разделе «Графика и орфография» и в других частях книги. Общее направление развития правописания у болгар Л. Андрейчин характеризует как борьбу за ограничение

традиционного принципа, который защищали более консервативные и реакционные круги, в пользу принципа фонетического, принявшего на болгарской почве своеобразную форму и подерживавшегося более прогрессивными кругами.

Примерно треть книги составляют исследования автора, посвященные характеристике языка сочинений отдельных книжников эпохи Возрождения — Паисия Хилендарского, Петра Берона, Ивана Богорова, Елены Мутевой, Петко Славейкова, Любена Каравелова, Христо Ботева и Ивана Вазова — и их вклада в создание СБЛЯ в разные периоды его становления. Здесь содержится много и интересных конкретных наблюдений над языком названных книжников, и важных обобщений широкого, проблемного характера. Так, Л. Андрейчин придает исключительно большое значение языку «Рыбного букваря» П. Берона в формировании СБЛЯ (с. 183 и др.), подчеркивает значительную роль И. Богорова в складывании норм СБЛЯ (с. 190) и др.

В рецензируемой книге есть и некоторые спорные положения, к числу которых относится, в частности, общая характеристика языка «Истории славеноболгарской» Паисия и его места в истории СБЛЯ. Л. Андрейчин правильно указывает, что народный (новоболгарский) язык представлен в этом сочинении шире, чем полагают многие исследователи. Можно было бы согласиться с Л. Андрейчиным, пожалуй, и в том, что в целом язык «Истории» Паисия «в своей основе... новоболгарский, а не церковнославянский» (с. 182), с той, однако, существенной оговоркой, что, «выдавая» в авторе болгарина — носителя живой, новоболгарской речи середины XVIII в., сами элементы этой речи все же не были главным компонентом, нормализующим или хотя бы организующим строй и создающим общий облик языка данного сочинения. Вот почему нам не кажется убедительным и заключение Л. Андрейчина (даже если учитывать и огромное историко-культурное значение этого произведения) о том, что Паисий является родоначальником современного болгарского литературного языка.

Книга «Из истории нашего языкового строительства», как видно из сказанного выше, не представляет собой систематического очерка истории СБЛЯ или какого-либо ее фрагмента. Цель автора была иной. Сам Л. Андрейчин, как сказано в кратком издательском послесловии, готовил ее с намерением «не столько... представить в целом и обобщенном

виде свой вклад в эту новую область болгарской филологии, сколько с горячим желанием впервые сделать достоянием болгарского читателя основные моменты развития и создания языка, которым пользуются в настоящее время болгары (с. 251). Он отдавал себе ясный отчет в том, что полное, систематическое изложение истории этого языка еще невозможно ввиду неизученности как целого ряда важных общих проблем, так и языка сочинений многих писателей, периодических и других изданий эпохи национального Возрождения и последующих десятилетий. Вместе с тем он понимал, что сделанное им самим в этой области болгарского языкознания необходимо обобщить, чтобы яснее стали уже достигнутые результаты. Вот почему нельзя не согласиться с общей оценкой, какую дает собраным в рецензируемом сборнике работам сам Л. Андрейчин, а именно, что они «уже дают возможность увидеть в приблизительном виде» как проблематику истории литературного языка, так и процессы и развитие литературного языка «в их основных конкретных линиях и в известной целостности» (с. 10). Л. Андрейчин справедливо указывает также, что, опираясь на знание процессов создания и развития литературного языка в прошлом, можно «лучше ориентироваться и в современной сложной языковой действительности и в практике» (с. 9).

Книга Л. Андрейчина вызывает особый интерес еще и потому, что она посвящена весьма актуальным в настоящее время проблемам лингвистической науки — проблемам становления и развития современного литературного языка, тесно связанным с формированием нации и национальной культуры. О первостепенном значении, которое придается этой проблематике в последние годы в самой Болгарии, можно судить, в частности, по недавно опубликованной статье Института болгарского языка БАН «Единство болгарского языка в прошлом и в настоящее время»². Нет сомнения в том, что книга «Из истории нашего языкового строительства» Л. Андрейчина привлечет внимание не только лингвистов, но и более широких кругов ученых, занимающихся историей и культурой болгар в эпоху их национального Возрождения.

Г. К. Венедиктов

² «Единството на българския език в миналото и днес». «Български език», кн. I. 1978, с. 3—43.

60-ЛЕТИЕ ВОССТАНОВЛЕНИЯ НЕЗАВИСИМОСТИ ПОЛЬШИ

Этому знаменательному событию в истории польского народа была посвящена конференция, организованная 15 ноября 1978 г. в Москве Академией наук СССР, Институтом марксизма-ленинизма при ЦК КПСС и Академией общественных наук при ЦК КПСС. В работе конференции принимали участие делегация польских ученых, которую возглавил проф. Г. Холай, научные сотрудники Института социалистических стран ПАН, аспиранты из ПНР, обучающиеся в Советском Союзе.

Конференцию открыл ректор Академии общественных наук при ЦК КПСС проф. В. А. Медведев. Затем выступил проф. Г. Холай. В докладе д-ра ист. наук П. Н. Ольшанского «Великая Октябрьская социалистическая революция и восстановление независимости Польши» подчеркивалось, что путь к возрождению польской государственности был открыт первыми же декретами Советской власти. Программные установки партии большевиков по национальному вопросу, и в частности в отношении Польши, были затем последовательно реализованы во внешней политике Советского правительства.

Сотрудничеству польского и русского революционного рабочего движения посвятил свой доклад д-р Я. Собчак. В своей борьбе за национальную независимость, отметил он, польские патриоты всегда находили горячее сочувствие и поддержку со стороны передовых представителей русского народа. Родившийся в совместной борьбе против царизма лозунг «За вашу и нашу свободу!» стал знаменем революционного и национально-освободительного движения наших народов. Я. Собчак остановился на исторических примерах совместной революционной борьбы русского и польского пролетариата, в которой задачи национального освобождения были тесно связаны с освобождением социальным.

О совместной борьбе советского и польского народов в годы второй мировой войны против фашистской Германии, за национальное возрождение Польши рас-

сказал проф. Ч. Мадайчик. Героическая борьба советского народа пробудила у поляков надежду на освобождение, активизировала их сопротивление оккупантам. Докладчик подробно осветил деятельность польской демократической эмиграции в СССР, объединенной Союзом польских патриотов, создание при поддержке Советского правительства первой польской дивизии, получившей боевое крещение в октябре 1943 г. в сражении под Ленино, организацию 1-й Польской армии — ядра будущих вооруженных сил социалистической Польши.

Проф. Л. Базыльв посвятил свой доклад послевоенному сотрудничеству СССР и ПНР, которое с самого начала строилось на принципах равноправия и взаимопомощи. Докладчик привел яркие и убедительные свидетельства крепнущих и расширяющихся связей между СССР и ПНР во всех сферах производственной и общественной жизни. Польско-советское сотрудничество, подчеркнул Л. Базыльв, служит залогом развития Польской Народной Республики как сильного, независимого социалистического государства, полноправного и надежного члена мировой социалистической системы.

Исторические достижения польского народа в строительстве социализма стали темой заключительного доклада, прочитанного д-ром ист. наук А. Ф. Смирновым. Докладчик рассказал об огромных успехах, которых достиг польский народ во всех областях социалистического преобразования за послевоенное 30-летие. С укреплением социалистического строя возрос авторитет Польши на международной арене. ПНР вносит значительный вклад в общие усилия стран социалистического содружества, направленные на смягчение международной напряженности. В основе внешней политики народной Польши лежат дружба, единство, сотрудничество с социалистическими государствами, поддержка народов, борющихся за свое освобождение от колониальной зависимости.

К 60-ЛЕТИЮ ОБРАЗОВАНИЯ ЧЕХОСЛОВАКИИ

30 октября 1978 г. состоялось расширенное заседание Ученого совета Института славяноведения и балканистики АН СССР, посвященное 60-летию образования Чехословакии и 10-летию создания чехословацкой социалистической федерации.

Заседание открыл директор Института, член-корреспондент АН СССР Д. Ф. Марков. Он подчеркнул, что образование ЧСР, 60-летие которого широко отмечается в Чехословакии и Советском Союзе, а также в других социалистических странах, было одним из результатов могучего подъема революционного рабочего и национально-освободительного движения в странах Центральной и Юго-Восточной Европы, развернувшегося под влиянием Великого Октября. Освобождение Чехословакии Советской Армией от фашистских захватчиков, вступление страны на путь социалистического развития создали условия для осуществления тех идеалов, за которые боролись трудящиеся еще во время образования Чехословакии. Одним из проявлений нерушимой дружбы между советским народом и народами социалистической Чехословакии является все более усиливающееся и расширяющееся с каждым годом сотрудничество советских и чехословацких ученых, в частности широкое сотрудничество Института славяноведения и балканистики с научными учреждениями ЧССР.

С докладом «Образование Чехословакии и дальнейшее развитие ее государственности» выступил д-р ист. наук, проф. А. И. Недорезов. В его докладе было охарактеризовано прогрессивное значение создания чехословацкого государства для всей последующей борьбы чешского и словацкого народов за свое социальное и национальное освобождение. А. И. Недорезов дал глубокий анализ двух тенденций в политической жизни домюнхенской буржуазной Чехословакии, выразителем одной из которых было революционное движение чехословацкого рабочего класса во главе с его боевым авангардом — КПЧ, а другой — политические партии чехословацкой буржуазии, которая в силу своей классовой огра-

ниченности не могла решить ни одного из коренных вопросов, стоявших в то время перед чехословацким обществом. Докладчик подчеркнул, что подлинное освобождение трудящихся Чехословакии и осуществление всех их надежд и чаяний принесла историческая победа чехословацкого рабочего класса над силами реакции в феврале 1948 г., установление диктатуры пролетариата, построение основ социализма.

Большое внимание А. И. Недорезов уделил вопросу о чехословацкой социалистической федерации, десятилетний опыт существования которой убедительно демонстрирует ее большую роль в дальнейшем укреплении дружбы между чешским и словацким народами, развитию социалистической государственности на современном этапе строительства в Чехословакии зрелого социалистического общества.

С докладом «Образование Чехословакии и пути развития чешской и словацкой литературы» выступил д-р филол. наук С. В. Никольский, охарактеризовавший развитие литературной жизни Чехословакии после ее образования в октябре 1918 г. Подчеркнув огромное влияние Октябрьской революции в России на развитие чешской и словацкой литератур, С. В. Никольский проанализировал формирование социалистических тенденций в чехословацкой литературе, зарождение и становление литературы социалистического реализма. Особое внимание докладчик уделил развитию литературы социалистической Чехословакии на современном этапе.

С приветственным словом к участникам заседания обратился советник-посланник посольства ЧССР в Москве Ф. Хлад. Он рассказал о больших успехах трудящихся ЧССР в выполнении программы, намеченной XIV и XV съездами КПЧ в строительстве развитого социалистического общества в Чехословакии, подчеркнул особое значение советско-чехословацкой дружбы для успешного решения задач социалистического созидания.

Ю. Щербакос

К 100-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ В. И. ПИЧЕТЫ

В связи со 100-летием со дня рождения В. И. Пичеты историки-слависты Москвы провели научные заседания, посвященные его памяти, его многогранной исследовательской, преподавательской и научно-организационной деятельности. 21 ок-

тября 1978 г.⁸ такая научная сессия состоялась на историческом факультете МГУ, где на кафедре истории южных и западных славян была торжественно открыта мемориальная доска в знак уважения славистов к основателю кафедры,

зачинателю исследований и преподавания истории славян в советских вузах. 4 ноября было проведено расширенное заседание Ученого совета Института славяноведения и балканистики АН СССР, повестка дня которого включила ряд докладов и сообщений о жизни и творчестве Владимира Ивановича.

В своем вступительном слове директор Института чл.-корр. АН СССР Д. Ф. Марков подчеркнул важность исследований творчества В. И. Пичеты, которому вместе с Н. С. Державиным и Б. Д. Грековым принадлежит огромная заслуга в развитии советского славяноведения, создании научных кадров и центров (в частности, Института славяноведения в 1947 г.). Д. Ф. Марков отметил настоятельную необходимость бережного использования традиций отечественной науки и плодотворного претворения тех задач, которые намечены в трудах В. И. Пичеты¹.

В докладе «Творческий путь В. И. Пичеты», подготовленном совместно с В. Д. Королюком, Г. Э. Санчук (Институт славяноведения и балканистики АН СССР) охарактеризовал главные этапы научной биографии Владимира Ивановича, подробно остановившись на его активной и важной работе по созданию сектора славяноведения в Институте истории АН СССР, а затем — по организации Института славяноведения, подготовке новых кадров советских славистов, изданию первых коллективных работ по истории славянских стран.

В докладе В. Г. Карасева (МГУ) «В. И. Пичета — организатор изучения истории славянских народов в МГУ» была обстоятельно рассмотрена преподавательская деятельность Владимира Ивановича в Московском университете, успешная научно-организационная работа на основанной им кафедре истории южных и западных славян, подготовка им новых лекционных курсов по славяноведению.

И. А. Воронков (МГУ) в докладе «Исследования В. И. Пичеты по истории Польши первой половины XIX в.», дав анализ этой части обширного научного наследия ученого, неоднократно обращавшегося к истории Польши и русско-польских отношений, также поделился воспоминаниями о Владимире Ивановиче, внимательном и строгом воспитателе и учителе новых славистов — студентов и аспирантов.

В своем докладе «Вклад В. И. Пичеты в изучение истории Белоруссии» Н. Н. Улащик (Институт истории СССР АН СССР) рассказал о первых работах по истории белорусского народа, которые

вышли после Великой Октябрьской социалистической революции и принадлежали перу Пичеты, о том, как требовательно и бережно руководил Пичета обучением первых студентов Белорусского университета, работой краеведческого общества молодых минских студентов-историков.

Сообщение Л. И. Уткиной (МГУ) «Неизвестный автограф В. И. Пичеты — „Автобиография для биографического словаря профессоров и преподавателей МГУ“» дало возможность участникам заседания познакомиться с недавно обнаруженным интересным документом, в котором Владимир Иванович сжато охарактеризовал свою многолетнюю научную и преподавательскую деятельность (вплоть до 40-х годов).

Юбилейное заседание завершилось кратким выступлением В. В. Зеленина (Институт славяноведения и балканистики АН СССР), который рассказал, как незадолго до своей смерти Владимир Иванович, несмотря на многочисленные обязанности и творческие планы (часть их, как известно, так и осталась несуществующей), руководил научным студенческим кружком в МГУ, занимавшимся новой тогда тематикой — проблемами стран народной демократии.

Заслушанные доклады и выступления наглядно показали, насколько широки были научные интересы В. И. Пичеты, как верно он понимал и определял основные направления исследований в области истории южных и западных славян. Обширная сфера интересов и занятий Владимира Ивановича охватывала самые разнообразные вопросы — начиная с древнейших времен, с эпохи славянского этногенеза и первого появления славянских племен на исторической арене, и вплоть до новой эпохи, знаменующей решительный поворот в истории славянских народов, когда возникают славянские государства народной демократии, когда началось под руководством коммунистических и рабочих партий строительство социализма в зарубежных славянских странах. Поэтому закономерным и понятным было высказанное в ходе юбилейного заседания предложение об организации периодических (раз в два года) «Пичетинских чтений», которые бы проводились Институтом славяноведения и балканистики АН СССР и историческим факультетом МГУ. Проведение таких научных сессий, посвященных Пичете, позволило бы рассмотреть проблемы научного наследия и творческого пути Владимира Ивановича, сыгравшего столь важную роль в истории отечественного славяноведения, в исследованиях проблем русско-славянских связей и различных вопросов истории нашей страны.

¹ Памяти В. И. Пичеты посвящен изданный Институтом сборник «Славяне в эпоху феодализма». М., «Наука», 1978.

* * *

26 октября в здании Гродненского государственного университета состоялась научная сессия, посвященная 100-летию со дня рождения академика В. И. Пичеты (1878—1947).

С большим вниманием на сессии был заслушан доклад д-ра ист. наук Я. Н. Мараша «Основные вехи жизненного пути и творчества академика В. И. Пичеты». Н. В. Павлюченко выступила с докладом «Вопросы истории культуры белорусского народа в трудах В. И. Пичеты». В. Н. Черепица ознакомил слушателей с проблемой — «В. И. Пичета как историк-славист». Тема выступления Т. Б. Блиновой — «Проблемы истории крестьянства XV—XVIII вв. в трудах В. И. Пичеты», И. И. Ковкеля — «В. И. Пичета как историограф Белоруссии».

На сессии было отмечено, что профессорско-преподавательский состав исторического факультета продолжает лучшие традиции советского славяноведения, заложенные В. И. Пичетой. Члены кафедры истории СССР и БССР Гродненского государственного университета Черепица В. Н. и Мараш И. Я. выступали на VII и VIII Всесоюзных конференциях советских славистов; в журналах «Советское славяноведение», «Помінікі гісторыі і культуры Беларусі», в ведущем историческом журнале ПНР «Kwartalnik Historyczny» опубликованы работы сотрудников кафедры по проблемам истории славян. Все более широкий размах в университете приобретает привлечение студентов к исследовательской работе в области славяноведения.

И. К.

ГЕНЕРАЛЬНАЯ АССАМБЛЕЯ МАИРСК В ЗАГРЕБЕ

По решению Бюро Международной ассоциации по изучению и распространению славянских культур (МАИРСК) 9 сентября 1978 г. в г. Загребе (СФРЮ) состоялась Генеральная ассамблея. В ней приняли участие представители 22 стран — членов ЮНЕСКО: Австрии, Белоруссии, Болгарии, Великобритании, Венгрии, Германской Демократической Республики, Голландии, Дании, Италии, Канады, Норвегии, Польши, Румынии, Советского Союза, Соединенных Штатов Америки, Украины, Федеративной Республики Германии, Франции, Чехословакии, Швейцарии, Швеции и Югославии.

На рассмотрении Генеральной ассамблеи были вынесены два вопроса: доклад президента МАИРСК Д. Ф. Маркова о деятельности Ассоциации и ее ближайших задачах; доклад вице-президента С. Вольмана о поправках к тексту Устава МАИРСК. В обсуждении вопросов повестки дня приняли участие С. Грачиотти (Италия), П. Бранг (Швейцария), Н. Тодоров (Болгария), С. Маркович (Югославия), С. Вуйич (Венгрия), Г. Роте (ФРГ), Г. Вервес (Украина), А. Флакер (Югославия).

В результате обсуждения вынесенных вопросов Ассамблея приняла следующие решения: 1. Одобрить деятельность Бюро и Ассоциации, проведенную с октября 1976 г. до настоящего времени. Считать, что одним из важнейших мероприятий Ассоциации на 1979 г. является проведение киенской конференции «Современные славянские культуры: развитие, взаимодействие, международный контекст» (28 V — 1 VI 1979). В перспективе сле-

дует иметь в виду междисциплинарную конференцию «Славянские культуры и Восток», которую необходимо готовить совместно с Ассоциацией по изучению культур Центральной Азии.

2. Ассамблея считает очень важным развитие деятельности национальных комитетов МАИРСК в странах и работы комиссии Ассоциации. В этой связи Ассамблея приветствовала предложение Национального комитета Франции о готовности начать работу по подготовке популярной энциклопедии по славянским культурам, рассчитанной на читателя Западной Европы (на французском и английском языках). Ассамблея также поддержала инициативу Национального комитета Югославии по подготовке словаря ученых-югославистов, которые работают в Югославии и за ее пределами; продолжение коллективного исследования «Ренессансная традиция у славян», а также предложение о проведении совместно с учеными Венгрии конференции по культуре барокко у славян в Центральной Европе.

3. Принять поправки к Уставу, предложенные Бюро МАИРСК, а также редакционные уточнения, высказанные в ходе обсуждения 9 IX 1978 г. За принятие поправок к Уставу проголосовали представители 20 стран — участниц ЮНЕСКО, представители двух стран от голосования воздержались.

4. По организационным вопросам: а) в связи со смертью проф. Р. Оти избрать вице-президентом МАИРСК проф. С. Грачиотти, который информировал Ассамблею о решении Национальной

комиссии Италии по делам ЮНЕСКО создать в стране Национальный комитет МАИРСК; б) по предложению Национального комитета славистов ФРГ избрать в Бюро в качестве вице-президента проф. Г. Роте; в) в состав Ассамблеи дополнительно избрать от Национального комитета Украины директора Института литературы АН УССР проф. И. А. Дзеверина, от Национального комитета Белоруссии — директора Института искус-

ствования, фольклора и этнографии проф. С. В. Марцелова.

Участники Ассамблеи выразили признательность Международному комитету славистов, Национальной комиссии СФРЮ по делам ЮНЕСКО и вице-президенту МАИРСК проф. А. Флакеры за гостеприимство и хорошую организацию Генеральной ассамблеи в Загребе.

В. И. Злыднев

ХІХ СЪЕЗД СЛОВЕНСКИХ ИСТОРИКОВ

27 сентября — 1 октября 1978 г. в Мариборе происходил ХІХ съезд словенских историков, организованный Историческим обществом Словении.

Особое внимание на нем было уделено проблеме установления в 1918—1919 гг. северной границы Югославии. Выступившие с докладами академик Б. Графенауэр, Л. Уде, Л. Пенич подчеркивали роль словенских национальных деятелей, особенно генерала Р. Майстера, в установлении современной границы в Штирии между Австрией и Югославией. В дискуссии по этим докладам высказались Э. Апих (Триест), Ф. Клопчич, Шванцер и др. Клопчич призывал к более осторожной оценке заслуг Майстера, который являлся представителем словенских буржуазных кругов. Однако большинство участников дискуссии поддержало докладчиков.

Вторая проблема, широко освещавшаяся на съезде, касалась истории Марибора. Й. Млинарич выступил с докладом о средневековой истории Марибора; П. Водопивец, Й. Шорн, А. Лесковшек — об экономическом развитии Марибора и его округи] в] период капитализма; Ф. Розман — о рабочем движении в нем до первой мировой войны. О национально-освободительной борьбе в Южной Штирии и в Мариборе, о ее особенностях интересные доклады сделали Т. Ференц, М. Жеварт и М. Жнидарич. Э. Чепич познакомил собравшихся с экономическим развитием Марибора в послевоенный период.

Кроме указанных выступлений, связанных общей тематикой, было прочитано несколько докладов, посвященных истории словенских земель во второй половине ХІХ — начале ХХ в. Наиболее интересным из них был доклад Я. Плетерского «О проблемах словенской поли-

тики 1905—1914 гг.». В нем он исследовал отношение к национальному вопросу в указанный период трех словенских партий: клерикальной, либеральной и социал-демократической; поставил вопрос о необходимости всестороннего и внимательного изучения Тивольской конференции социал-демократов югославянских земель. С интересом были заслушаны доклады В. Мелика — «Демократизация избирательной системы и ее результаты» и Ф. Филипча — «Характерные черты политического положения в Словении в 1938 г.». И. Чуркина прочла доклад «Основные этапы развития русско-словенских отношений во второй половине ХІХ в.», благожелательно встреченный присутствовавшими. Директор Словенского научного института в Триесте К. Шишкович рассказал о национальном развитии Венецианской Словении в 1866—1914 гг.; директор Словенского научного института в Целовце А. Мале — о положении каринтийских словенцев накануне первой мировой войны. Оба они особо останавливались на той упорной борьбе, которую вынуждены были вести словенцы этих областей против денационализации. О ходе германизации словенцев в Штирии в ХІХ и ХХ вв. говорили М. Кlemenčič и Т. Зорн. Я. Липшка развенчал в своем выступлении легенду о В. Ткалце, которого некоторые историки пытались представить как организатора большевистской республики в Межмурье.

Съезд словенских историков в Мариборе показал высокий уровень развития исторической науки в Словении. На съезде состоялось открытие выставки «Бой за Марибор и северную границу в 1918—1919 гг.».

И. Ч.

КОНФЕРЕНЦИЯ ПО ПРОБЛЕМАМ СОВРЕМЕННОЙ ПОЛЬСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ В ВАРШАВЕ

В Варшаве 22—23 ноября 1978 г. проходила научная конференция на тему «Современная польская литература (направления, течения, периодизация)», организованная Институтом литературных исследований ПАН. В соответствии с программой польско-советского научного сотрудничества в конференции с советской стороны приняли участие д-р филол. наук, проф. Е. З. Цыбенко (МГУ), директор Института славяноведения и балканистики АН СССР, член-корр. АН СССР Д. Ф. Марков и сотрудники этого Института: канд. филол. наук В. А. Хорев, Т. П. Агапкина и канд. филол. наук В. В. Мочалова.

Открыв заседание, Д. Ф. Марков выступил с докладом на тему «Литература в социалистической стране. Некоторые тенденции развития социалистических литератур», в котором, в частности, предлагалось различение понятий литература социалистической страны и социалистическая литература. Если первое из этих понятий охватывает сложные процессы и многообразные явления, то к области второго относится ведущая с исторической точки зрения тенденция развития литературы. Остановившись на проблеме социалистического реализма, докладчик указал, что это общий творческий метод всех сфер художественной культуры социализма.

В своем докладе «Типология интерпретации так называемой массовой культуры» проф. Ст. Жулкевский дал обзор основных концепций культуры, в том числе «массовой», полемизируя с ними и отрицая целесообразность выделения последней.

На конференции было уделено серьезное внимание проблемам периодизации литературного процесса, что нашло свое отражение в докладе проф. Е. З. Цыбенко «Проблемы периодизации послевоенной польской литературы», разделяющей концепцию единой периодизации для литератур социалистических стран, и в докладе проф. В. Мачонга «Поиски санкции (в связи с периодизацией современной литературы)», где было предложено рассмотрение литературного процесса с точки зрения мотивации художественного творчества, писательской интенции, предшествующих творческому акту.

Развитию польской прозы XX в. были посвящены три доклада: А. Бродская в докладе «История: прошлое или историчность? Импульсы обновления литературного повествования об истории» остановилась на традициях межвоенного двадцатилетия в области исторической прозы; В. А. Хорев, рассматривая в своем докладе «Деревенское течение в современной польской прозе» — одно из наиболее интересных направлений литературы, сопоставил его с аналогичным явлением в советской и других литературах; А. Соболевская анализировала «Психологические проблемы в новейшем польском романе», говоря о преобладании психологической трактовки литературного материала.

Наиболее богато была представлена проблематика развития современной польской поэзии, отраженная в докладах М. Залеского «Место авангарда и авангардизма в современной литературной культуре (1918—1939)», М. Барановской «Тропы сюрреалистической фантазии в современной польской поэзии», Х. Заворской «Против традиционной красоты, во имя современной правды: течение поэзии от Ружевича до Гроховяка», Э. Шары-Матывецкой «Возвышение и снижение содержания культуры в современных поэтических текстах» и З. Яросиньского «Современные судьбы литературных форм».

Драматические жанры были рассмотрены в докладах Ю. Келеры «Польская драматургия 1945—1978» и В. В. Мочаловой «Традиции старопольского театра в современной польской драматургии».

С докладом, посвященным польско-советским литературным связям в послевоенный период и их периодизации, выступила Т. П. Агапкина.

Участники конференции приняли также участие в оживленной дискуссии, сосредоточив свое внимание, в основном, на сложных проблемах периодизации, а также развития современной поэзии.

Высокий теоретический уровень представленных докладов, актуальность рассматриваемой проблематики будут способствовать углублению существующих представлений о современном литературном процессе.

В. М.

ВАСИЛИЙ ДМИТРИЕВИЧ КОНОБЕЕВ

Советская историческая наука понесла большую утрату. 11 августа 1978 г. скончался видный ученый-коммунист, доктор исторических наук Василий Дмитриевич Конобеев.

Родился он в 1916 г. в семье крестьянина; учился в педтехникуме в г. Моршанске Тамбовской области, а затем заочно окончил в 1941 г. Педагогический институт при Воронежском государственном университете. В. Д. Конобеев прошел трудный путь от учителя средней школы до крупного ученого.

Вступив в ряды Советской Армии с первых дней Великой Отечественной войны В. Д. Конобеев прослужил в ней более 20 лет. Во время войны находился в артиллерийских частях в должности военкома батареи, дивизиона, полка; принимал участие в боях под Сталинградом и Ленинградом. За боевые заслуги В. Д. Конобеев был награжден двумя орденами «Красной Звезды», медалями «За отвагу», «За боевые заслуги», «За оборону Сталинграда» и «За оборону Ленинграда».

Закончив в 1949 г. адъюнктуру в Военно-политической Академии им. В. И. Ленина по кафедре истории СССР, В. Д. Конобеев в 1950 г. защитил кандидатскую диссертацию на тему: «Роль России в создании вооруженных сил в Болгарии в период ее освобождения». С 1949 по 1965 г. он вел преподавательскую работу по истории КПСС в Военно-воздушной инженерной Академии им. Н. Е. Жуковского. Слушателями В. Д. Конобева были прославленные космонавты СССР — Ю. Гагарин, Г. Титов, А. Николаев, В. Терешкова и др. В этот же период появляется ряд его брошюр и статей по истории КПСС. За большие заслуги в подготовке кадров и развитии науки в 1961 г. он был награжден медалью «За трудовое отличие».

Большую и ответственную педагогическую работу В. Д. Конобеев успешно сочетал с научной деятельностью. В 1953 г. вышла его книга «Русско-болгарское боевое содружество в русско-турецкой войне 1877—1878 гг.», изданная позднее в переводе в Болгарии. С 1950 г. его научные интересы были тесно связаны с Институтом славяноведения АН СССР. Многие

труды ученого по истории национально-освободительного движения в Болгарии, русско-болгарских отношений публиковались в изданиях Института.

В. Д. Конобеев внес значительный вклад в марксистско-لينинскую славистическую науку. Он прекрасно знал советские и болгарские архивы, умел дать правильную партийную и научную оценку документальному материалу, что нашло выражение в совместной советско-болгарской публикации документов «Освобождение Болгарии от турецкого ига». Осуществляя руководство работой коллектива сотрудников Института и архивов по выявлению документов, В. Д. Конобеев был одним из редакторов этого фундаментального трехтомного издания, которое получило высокую оценку как в Советском Союзе, так и за рубежом. За этот труд он был награжден правительством Народной Республики Болгарии орденом Кирилла и Мефодия II степени. Только необыкновенное трудолюбие, неутомимая энергия и увлеченность позволили ему успешно сочетать преподавательскую и научную работу.

В апреле 1965 г. В. Д. Конобеев ушел из армии в запас в звании полковника и стал сотрудником Института славяноведения и балканистики АН СССР. Занимаясь исследованием различных аспектов болгарского Возрождения, он внес много нового в разработку этой проблемы. Результатом многолетней исследовательской деятельности ученого явилась его монография «Болгарское национально-освободительное движение. Идеология, программа, развитие», выпущенная в Софии на болгарском языке и защищенная им в качестве докторской диссертации. Эта книга встретила самые положительные отклики в Болгарии и в Советском Союзе.

С 1972 г. В. Д. Конобеев организовал и возглавил в СССР работу по подготовке к изданию советско-болгарской публикации документов в трех томах «Россия и болгарское национально-освободительное движение. 1856—1876 гг.» и исследований по проблеме «Болгарское возрождение и Россия». С этой темой он связывал изучение и разработку широкого круга вопросов по истории балканской полити-

ки России, ее роли в воссоздании болгарского национального государства. Отдельные аспекты этих проблем он освещал в докладах на международных конференциях и научных сессиях, а также в статьях, вышедших в последние годы его жизни. Труды В. Д. Конобеева прочно вошли в отечественную и болгарскую историографию.

Наряду с большой научной деятельностью В. Д. Конобеев уделял внимание также подготовке и воспитанию научных кадров. Под его непосредственным руко-

водством были выращены национальные кадры историков-болгаристов Молдавской ССР. Он был взыскательным педагогом и заботливым наставником молодых ученых.

Друзья, товарищи, коллеги В. Д. Конобеева потеряли в его лице принципиального, доброжелательного, чуткого и скромного человека — верного солдата партии. Светлая память о В. Д. Конобееве навсегда сохранится в наших сердцах.

Н. Зуева, Е. Шатохина

CONTENTS

Slavin G. M., Sumarokova M. M. To the history of foundation of the Socialist Labour Party of Yugoslavia (of Communists). *Chernykh M. J.* Marchlewski on the Soviet foreign policy. *Bushujeva T. S.* From the history of the Yugoslav Communist Party's political work in the National Liberation Army of Yugoslavia. *Mechev K.* The struggle for the liberation of the Bulgarian people in the late 12th — early 13th centuries. *Friedenberg M. M.* Problems of ancient history of Dubrovnik in the recent Yugoslavian historiography. *Musijenko S. P.* World and man in L. Nalkowska's prose of the 1920s. *Chernetsova E. M.* The late Gothic sculpture in the Czech and Slovak lands. *Sveshnikova T. N.* The main types of constructions with verbal name in the Balkan languages. *Nechunajeva N. A.* To the lexical variation in the old slavonic translations. 3

REVIEW ARTICLES AND REVIEWS

Kalenichenko P. M., Makar Ju. G. «Великий Октябрь и революции 40-х годов в странах Центральной и Юго-Восточной Европы». *Valev L. B.* «VII конгресс Коминтерна и борьба за создание народного фронта в странах Центральной и Юго-Восточной Европы». *Tabachnikov V. И. С.* Яжборовская, Н. И. Бухарин. У истоков польского социалистического движения. *Molok F. A. Д.* Марченко. Герой двух народов. *Voznesenskii V. B. K.* Волков. Мюнхенский съезд и балканские страны. *Budagova L. N.* A fruitful research. *Lipatov A. V.* At the origins of the Polish baroque. *Venediktov G. K.* An important work on the history of modern Bulgarian literary language. .101

SCIENTIFIC LIFE

J. P. 60 years of restoring of the independance of Poland. *Ju Shcherbakov.* To 60-th anniversary of the foundation of Chechoslovakia. To the centennial anniversary from the birth of V. I. Picheta. *Zlydnev V. I.* The General Assembly of IASCSD in Zagreb. *I. Ch.* The XIX Congress of Slovenian historians *V. M.* The conference on the problems of the contemporary Polish literature in Warsaw. 119

V. D. Konobeev 125

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

И. И. КОСТЮШКО (главный редактор), Л. Б. ВАЛЕВ, В. А. ДЬЯКОВ, В. В. ЗЕЛЕНИН
(зам. главного редактора), В. И. ЗЛЫДНЕВ, В. Г. КАРАСЕВ, В. Д. КОРОЛЮК,
Д. Ф. МАРКОВ, А. И. НЕДОРЕЗОВ, С. В. НИКОЛЬСКИЙ, Ю. А. ПИСАРЕВ,
Л. Н. СМИРНОВ, Н. И. ТОЛСТОЙ (зам. главного редактора), Я. Б. ШМЕРАЛЬ

Адрес редакции: Москва, Г-69, Трубниковский пер., д. 30а.

Телефон 290-27-40

Зав. редакцией *И. И. Козловская*

Технический редактор *Е. В. Синицына*

Сдано в набор 11.12.78. Подписано к печати 16.02.79 Т- 1232 Формат бумаги 70×108^{1/16}
Высокая печать Усл. печ. л. 11,2 Уч.-изд. л. 12,4 Бум. л. 4,0 Тираж 1205 экз. Зак. 1221

Издательство «Наука». 103717 ГСП, Москва, К-62, Подсосенский пер., 21
2-я типография издательства «Наука». 121099. Москва, Шубинский пер., 10

Цена 1 руб.
Индекс 70891